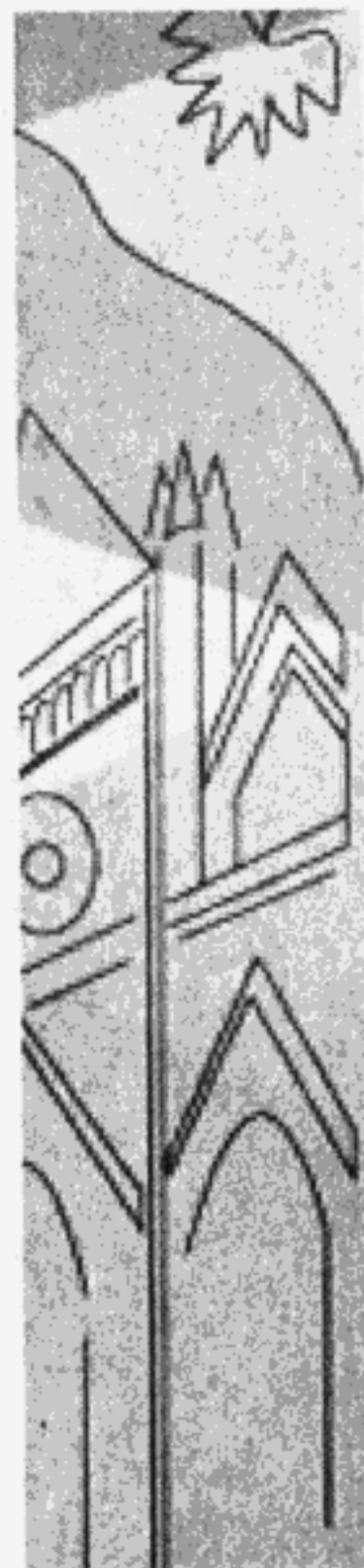
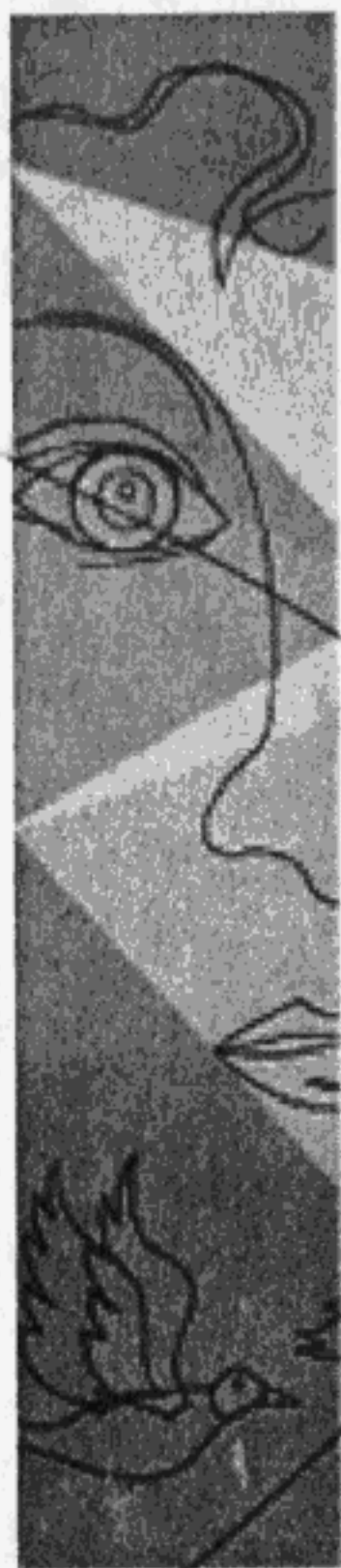

С. А. Дбар

**ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ
ДЕТСКОГО ЦИКЛА
У АБХАЗОВ**

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Д. И. ГУЛИА

С. А. ДБАР

**ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ
ДЕТСКОГО ЦИКЛА У АБХАЗОВ**

(вторая половина XIX-начало XX вв.).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
СУХУМ — 2000

Монография С. А. Дбар «Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (вторая половина XIX-начало XX вв.)», посвящена вопросам, связанным с рождением и традиционным воспитанием детей в абхазской семье. Работа написана на основе полевых материалов автора, а также архивных, литературных и фольклорных данных. Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

Редактор **Б. Г. Джонуа**

Рецензенты: **к. и. н. Акаба Л. Х.**

к. и. н. Малия Е. М.

Изучение обычаев и обрядов народов мира, связанных с рождением и воспитанием детей, представляет значительный интерес. Прежде всего это объясняется тем, что в последние годы по мере роста интереса к современным историческим процессам встает вопрос о системе этноса и его структурных компонентах, изменение которых приводит к изменению устойчивости самой этнической общности. Одним из таких важнейших структурных компонентов этноса следует считать обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей. Это, несомненно, актуализирует необходимость их всестороннего изучения. Другая причина, повышающая актуальность изучения интересующей нас проблемы, заключается в том, что данный комплекс обычаев играл важную роль в традиционном быту любого этноса. Это вполне понятно, так как обрядовая система родильного и детского циклов ритуализованно оформляла один из ключевых моментов человеческого бытия. Процесс воспроизводства населения является биологической основой существования этноса. Этот факт нашел соответствующее отражение в религиозном мышлении людей, породив ряд действий и приемов, которые в своей основе были призваны обеспечить благополучие указанного процесса. В конечном счете они разрослись в разветвленную обрядовую систему, значение которой в жизни людей определялось важностью выполняемых ею функций, заключающихся в обеспечении репродукции данной этнической группы.

Анализ обычаев и обрядов детского цикла составляет неотъемлемую часть комплексного этнографического изучения этнических общностей и их культурных систем и позволяет воссоздать различные стороны семейного и общественного быта, так как обрядность детского цикла имела непосредственную связь с этими сферами бытовой культуры. Разработка проблем детского цикла семейной обрядности представляет несомненный интерес для изучения пережитков архаических семейных и социальных институтов, ранних форм религии и некоторых вопросов народной медицины.

Всестороннее исследование обычаев и обрядов детского цикла, уходящих своими корнями в глубокую древность и отражающих наслоение различных периодов и эпох исторического развития, имеет большое значение для правильного понимания

их социально-исторической обусловленности, а это, в свою очередь, дает возможность правильно оценить и использовать народный опыт и традиции в области воспитания детей в интересах общества.

В кавказоведении интересующая нас тема изучалась главным образом на северокавказском материале; по абхазам же специальные исследования на эту тему отсутствуют. В связи с этим исследование обычаев и обрядов детского цикла у абхазов представляется важным и актуальным.

Актуальность исследования данной проблемы на абхазском материале определяется также и тем, что в результате коренных социально-экономических и культурных преобразований в Абхазии, обычаи и обряды, связанные с детским циклом, претерпели значительные изменения. Целый ряд традиционных черт, связанных с рождением детей, в ближайшие годы совершенно исчезнет и может оказаться потерянным для исторической науки, если его вовремя не зафиксировать.

Территориально работа охватывает Бзыбскую и Абжуйскую Абхазию. Автор стремился по возможности более полно рассмотреть комплекс родильного и детского цикла в названных историко-этнографических районах и выделить общие и специфические черты исследуемых обычаев и обрядов на комплексном анализе полевых, архивных, литературных и фольклорных материалов.

Как уже отмечалось, специальных работ монографического характера по указанной теме нет, хотя, как будет показано ниже, некоторые вопросы, связанные с отдельными сторонами жизни и воспитания детей у абхазов, нашли освещение в абхазоведческой литературе, главным образом, посвященной семье и семейному быту абхазов.

Ввиду ограниченности литературы и письменных источников, основой для написания данной работы послужили полевые материалы, собранные автором во время экспедиций, а также архивные, литературные и фольклорные данные. Исследование обрядности родильного и детского цикла велось в Гудаутском и Очамчирском районах и в городе Гагра, то есть в Бзыбской и Абжуйской Абхазии в селениях: Бзыбь, Калдахуара, Блабырхуа, Бармыш, Отхара, Лыхны, Дурипш, Мгудзырхуа, Абгархук, Ачандара, Члоу, Тхина, Отап, Джгярда, Пакуаш.

В 1982 году автор участвовала в экспедиции Института этнографии, проводившей комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с повышенным процентом долгожителей. Этнографический материал собирался по специально разработанному автором вопросу, включавшему более 80 вопросов.

Сбор материала проводился главным образом путем опроса пожилых женщин и мужчин, хорошо знавших традиционный семейный быт абхазов. Самой старшей из опрошенных было 110 лет (Арзынба Фыф Даутовна, с. Дурипш Гудаутского района).

Опрос велся как в форме индивидуальных, так и групповых бесед. Собранный материал не только подтвердил существующие по указанной теме сведения, но и способствовал более конкретному выяснению отдельных вопросов, связанных с изучением обрядов детского цикла у абхазов.

В монографии использованы также архивные материалы. Выявление и изучение архивных материалов проводились в г. Сухум — в Центральном Государственном архиве Абхазской АССР, в рукописном фонде Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия, а также в рукописном фонде Абхазского Государственного музея.

В ЦГАА АССР были выявлены и изучены документы, хранящиеся в фондах межведомственной комиссии по улучшению быта и охране здоровья детей; Комиссии по улучшению условий труда и быта трудящихся женщин (комтружениц); Абхазского общества охраны детства и содействия коммунистическому воспитанию детей «Друг детей» (ОДД); Детской комиссии (Деткомиссия) при ЦИК Абхазской АССР. Нами был изучен также личный фонд видного деятеля просвещения Абхазии Дудко А. П. (1899-1964 гг.), а также собранные им «Вырезки статей из газет по вопросам воспитания».

В архиве Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия нами были использованы фольклорно-этнографические материалы, собранные Ш. Д. Инал-ипа, материалы комплексной экспедиции в Гагрском, Гудаутском и Сухумском районах, собранные Г. В. Смыр, его же фольклорно-этнографические материалы, собранные в 1972 году, а также неопубликованные работы И. А. Аджинджал.

Часть неопубликованных работ И. А. Аджинджал была изучена в рукописном отделе Абхазского государственного музея.

Сведения общего характера по исследуемой проблеме встречаются и в различных литературных источниках, в газетных, журнальных статьях и заметках. Подобного рода сведения встречаются в таких дореволюционных периодических изданиях, как «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказский вестник», «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества», «Народы России», «Военный сборник», газетах «Кавказ» и «Новое обозрение», где дается описание быта и обычаев абхазов. В целом, даваемые сведения страдают краткостью и отрывочно-

стью описываемых обычаев и обрядов. Некоторые вопросы общего характера по интересующей нас проблеме мы находим в статьях и исследованиях таких авторов, как М. Селезнев¹, С. Пушкарев², А. Введенский³, А. Иоакимов⁴, Н. М. Альбов⁵, М. Джанашвили⁶, Н. С. Державин⁷, Н. Джанашия⁸.

Большой интерес среди абхазоведческих работ представляет труд известного этнографа-кавказоведа Г. Ф. Чурсина «Материалы по этнографии Абхазии»⁹, где освещаются вопросы материальной и особенно духовной культуры абхазов. Этнографическому изучению абхазов Г. Ф. Чурсин придавал большое значение, в частности, он писал: «Абхазы сохранили много пережитков пройденных ступеней развития, представляющих драгоценный материал для истории культуры не только народов Кавказа, но и всего человечества вообще»¹⁰. Созданная им работа основана на богатом этнографическом материале, собранном автором в 1928 году во время двух его поездок по районам Абхазии. Работы Г. Ф. Чурсина представляют большую ценность для восполнения целого ряда уже утраченных этнографических деталей жизни и быта абхазов.

Некоторые сведения о родильных обрядах и воспитании детей у абхазов даются в уже упомянутой небольшой статье, принадлежащей перу учителя абхазской народной школы А. Иоакимова. В этой статье, в частности, впервые в литературе сообщается о качании на качелях и пении специальных песен при рождении ребенка. В обширном очерке Н. С. Державина «Абхазия в этнографическом отношении», автор, наряду с полевыми материалами, дает ряд сведений, заимствованных у его предшественников.

Наибольшую ценность из его сообщений представляет для нас краткое описание родильных обрядов. Дореволюционные сообщения по интересующей нас теме завершаются этнографическими статьями Н. Джанашия «Религиозные верования абхазов» и «Абхазский культ и быт». Для нас интерес представляет его вторая статья, где имеется описание обрядов, связанных с рождением ребенка.

Различные вопросы интересующей нас темы нашли освещение и в трудах советских исследователей. В частности, в разное время было издано несколько работ, подготовленных местными этнографами. Прежде всего к ним относится монография Ш. Д. Инал-ипа «Очерки по истории брака и семьи у абхазов»¹¹. В ней широко использована обширная дореволюционная литература, привлечено огромное количество собранного автором полевого материала в сельских районах Абхазии. В другой работе Ш. Д. Инал-ипа «Традиции и современность»¹², в разделе «Отцы и дети», затрагиваются вопросы традиционного взаимоотношения родителей и детей у абхазов. К исследованиям, посвященным изучению современного семейного быта абхазов, относятся работы Л. Х. Акаба¹³, Я. С. Смирновой¹⁴, Ц. Н. Бжания¹⁵, Ю. Г. Аргун¹⁶, В. Л. Бигвава¹⁷, в которых наряду с проблемами семьи и семейного быта, затрагиваются и вопросы, связанные с родильным и детским циклом.

Л. Х. Акаба в своем исследовании, посвященном абхазам Очамчирского района, описывает обычаи, связанные с рождением детей, в частности обряд «вешание котла» — (ақэабкнахара). На основе полевого материала, собранного автором, в работе наряду с другими сторонами жизни, освещаются и вопросы внутрисемейных отношений и других элементов семейного быта абхазов.

¹¹ Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, Абгиз, 1954.

¹² Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1978.

¹³ Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района. КЭС, т. I, М., 1955.

¹⁴ Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины XIX-XX вв. КЭС, т. I, М., 1955.

¹⁵ Бжания Ц. Н. Семья и семейный быт в абхазской деревне.—В кн.: Современное абхазское село. Тбилиси, 1977.

¹⁶ Аргун Ю. Г. Быт и культура современных абхазов. Сухуми: Алашара, 1976, (на абх. яз.).

¹⁷ Бигвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983.

¹ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Сб., т. 2, 1850.

² Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. Газ. «Кавказ», 1854, № 60-61.

³ Введенский А. Религиозные верования абхазов. ССКГ, Тифлис, 1871, вып. 5; его же. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. ССКГ, Тифлис, 1872, вып. 6.

⁴ Иоакимов А. Абхазцы. Газ. «Кавказ», Тифлис, 1874, №№ 39, 47.

⁵ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», Спб., 1893, вып. 3.

⁶ Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. ЗКОИРГО, 1895, т. 16.

⁷ Державин Н. С. Абхазия в этнографическом отношении. СМОМПК, 1907, вып. 37.

⁸ Джанашия Н. Религиозные верования абхазов. «Христианский Восток», 1915, 1917, с. 4, 5.

⁹ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.

¹⁰ Акаба Л. Х. Предисловие к указанной работе Г. Ф. Чурсина, с. 4.

Следует выделить работу Я. С. Смирновой «Семейный быт и общественное положение абхазской женщины XIX-XX вв.». Основу этого исследования составляют этнографические материалы, собранные автором в 1946-1949 гг. в Гудаутском и Очамчирском районах Абхазии. Данная статья представляет большую ценность для изучения семейного быта абхазов в прошлом. В другой статье Я. С. Смирновой «Воспитание ребенка у абхазов»¹⁸ также рассматриваются некоторые вопросы интересующей нас проблемы.

ГЛАВА I. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ АБХАЗОВ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА

§ 1. Отношение к числу детей в абхазской семье, отражение этих представлений в некоторых ритуалах свадебной обрядности

В XIX-начале XX столетия у абхазов наряду с малой, или нуклеарной, еще существовала большая, или патриархальная семья. «Такая форма семьи, — писал М. О. Косвен, — была свойственна всем без исключения народам Кавказа на соответствующем этапе их истории»¹. Большая семья абхазов в конце XIX века состояла из главы семьи — отца или деда, его жены и всего их потомства, холостых и женатых сыновей с их семьями. Это была большая семья третьего, самого позднего типа, так называемая «отцовская большая семья»². Поздняя большая семья абхазов была основана на принципах коллективной собственности, коллективного производства и коллективного потребления. Семейную общину возглавлял старший в семье мужчина — дед или отец (ахаца еихабы). Он являлся неограниченным властелином семьи. В руках главы семьи было сосредоточено все имущество и управление хозяйственной деятельностью семьи. Он распределял между мужским составом семьи определенные виды работ. Однако, фактическая власть старшего была всегда несколько ограничена семейным советом. Хотя голос старшего на семейном совете являлся решающим, он все же был вынужден прислушиваться как к мнению старших сыновей, так и к мнению женщин, интересы которых представляла старшая женщина (ап̄хэыс еихабы). После смерти главы семьи, власть переходила к одному из братьев, чаще всего к старшему.

Жизнью женской половины семьи руководила старшая женщина «ап̄хэыс еихабы», которая распоряжалась женской половиной семьи. Обычно это была жена главы семьи или же старшая невестка. Старшая женщина пользовалась в семье большим почетом и авторитетом. Она являлась организатором женской половины семьи, распределяла обязанности между женщинами дома,

¹⁸ Смирнова Я. С. Воспитание ребенка у абхазов. К. С. И. Э., вып. 36, М., 1962.

¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 102.

² Косвен М. О. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, с. 21.

следила за поведением всей женской половины, в особенности, девушек.

Как правило, в малой семье абхазов, как и большой, главой семьи являлся старший мужчина. Он был не только распорядителем всей хозяйственной деятельности семьи, но и хозяином ее имущества — дома и усадьбы, земли и скота. Дети, в том числе и взрослые, всецело находились под властью главы семьи и должны были подчиняться ему беспрекословно и вести себя по отношению к нему почтительно. С отцом не полагалось спорить, курить в его присутствии, показываться небрежно одетым и т. д. Мать семейства также пользовалась значительной властью над детьми и особенно над дочерьми.

Тип семьи в определенной степени влиял на структуру и характер взаимоотношений между ее членами. Как в большой, так и в малой семье господствовали патриархальные устои, родственные связи по мужской линии считались основными и определяли единство семейно-родственной общины. В силу патриархальных традиций особым предпочтением пользовалась мужская часть семьи.

Забота о будущем потомстве начиналась с момента вступления в брак, и поэтому в свадебный цикл органически вплетались многочисленные обряды, направленные на деторождение.

Выдавая девушку замуж, родственники и соседи поднимали тост за здоровье и благополучие ее в новой семье, желали ей родить пятерых сыновей и трех дочерей. Пожелание такого количества детей было традиционным у абхазов, так как в прошлом считалось необходимым иметь много детей. Благополучие семьи в рассматриваемый период во многом зависело от ее численности, а детская смертность была высокой из-за отсутствия медицинской помощи. Поэтому пожелание иметь много детей было самым лучшим пожеланием для новобрачных. Это подчеркивали многие наши информаторы³. Многодетные семьи были в большом почете у абхазов. Наибольшим уважением пользовались те семьи, в которых было много сыновей. Об отце, имевшем много сыновей, говорили: «Благословен и счастлив тот, чью старость украсят сыновья!».

Рождение ребенка, особенно сына, считалось в абхазской семье чрезвычайно важным событием. На сына смотрели как на продолжателя рода, опору отцовского дома и главного защитника семьи и ее имущества. Поэтому рождение мальчика встреча-

³ Архив Института этнографии. Полевые карточки автора, 1982., л. 19, 35, 40, 44; ПКА, 1983, с. 10, 14, 21. Далее — АИЭ, ПКА).

лось с радостью, по традиции ознаменовывалось многочисленными выстрелами из ружей. К рождению девочки относились иначе. «Вместо шумной радости, с какой приветствовали рождение мальчика, появление на свет девочки встречалось в семье тягостным молчанием»⁴. Рождение женой одних только девочек считалось большим несчастьем. Это, наряду с бездетностью, могло стать причиной развода супругов или же привода в дом второй жены, что делалось с согласия первой (правда, такого рода факты не были характерны для абхазского быта). Более радостно встречалось рождение девочки в тех случаях, если до нее в доме уже родилось несколько сыновей и родители ждали девочку. Бывало, что в таких случаях даже стреляли, чего никогда не делали, если первенцем была девочка.

Взгляды на дочь у абхазов были противоречивы. С одной стороны, наличие дочери в семье как будто бы оценивалось весьма высоко, так как в народе говорят: «Хорошая дочь двух сыновей стоит» — («Аџа бзиа џыџа аџаџа дрыџсоуп») или же: «Хорошая дочь — и мальчик, и девочка» — («Азџаб бзиа дагџкџа-ыноуп, дагџџабуп»). Тем не менее в силу господства патриархальных порядков дочь считалась гостьей в доме, человеком временным. Девочку называли «теряющая фамилию» — («ажџларзга»), так как девушка, выходя замуж, становилась членом другой фамилии — фамилии мужа. Несомненно, что различное отношение к полу новорожденного ребенка у абхазов являлось также непосредственным отражением различного экономического и общественного положения мужчин и женщин в семье и общине.

Свадебные обряды у абхазов сопровождались множеством магических действий, якобы способных обеспечить будущей семье многочисленное потомство и оградить молодых супругов от преследовавших их злых духов. Уже в момент ввода невесты в амхару⁵ она должна была пройти под скрещенными над ее головой кинжалами. Этот обряд назывался «провести через железо»⁶ («аихаџгара»). Обряд проводился так: у входа в амхару двое мужчин, встав по обе стороны двери, скрещивали кинжалы или шашки, ударяя ими. Новобрачная, нагнувшись, проходила под скрещенными кинжалами. Считалось, что с этого времени она и ее

⁴ Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины., с. 118.

⁵ Амхара — домик, специально строившийся для новобрачных.

⁶ Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми: Абгиз., 1954, с. 139.

супруг ограждались от действия злых духов. Как и у других народов, невестку осыпали орехами, серебряными монетами и сладостями, произнося при этом: «Так размножьтесь!»—«Абас шәы-ҭиааит!». По обычаю присутствовавшие на свадьбе гости и родственники должны были собирать рассыпанные орехи, сладости, монеты. Но предпочтение при этом «сборе» отдавалось детям, так как считалось, что в этом случае у молодой семьи будет много детей.

В день свадьбы, как только начинался свадебный пир, старик-молельщик (им мог быть почетный старейшина рода) возносил молитву божееству — покровителю домашнего очага «Ажьахара». Держа в левой руке нанизанные на фундуковую палочку сердце и печень жертвенного животного, а в правой — наполненный стакан вина, он произносил молитву: «С сегодняшнего дня наша молодая невестка встала под твое покровительство. Ажьахара, мы просим тебя сделать ее плодотворной»⁷. Божеество Ажьахара считалось не только покровителем очага, но и божееством размножения человеческого рода. Само слово «Ажьахара», состоящее из «ажьы» — плоть и «ахара» («азырхара») — увеличение, свидетельствует об этом⁸.

Во время ввода невесты в «большой дом» — «а@ындыу», т. е. общий дом семьи, также проводили обряд, предназначенный для ажьахара. В проведении этого обряда принимали участие одни женщины. Свекровь давала невестке зерна проса, которые она должна была рассыпать перед собой, обходя семейный очаг (обход очага считался приобщением нового члена семьи к родовому культу). Это был магический прием, выполнявшийся для того, чтобы размножился этот дом»⁹, как рассыпанные зерна проса. Затем новобрачная становилась на колени в центре помещения (а@нарҭаы азхаз). Молельщица с жертвенной курицей в руках подходила к новобрачной и обносила курицу вокруг ее головы, произнося при этом молитву: «Да благословит тебя, наша молодая невестка, дух Ажьахара, под покровительство которого вступила ты с сегодняшнего дня, да ниспошлет тебе теплоту своего сердца и очей, сделает тебя многодетной и счастливой матерью»¹⁰. Затем молельщица резала жертвенную курицу, брала свечу, и, зажигая ее, приговаривала: «Как людям приятен запах этой свечи, чтобы так же приятна была им ты и любили бы тебя

⁷ АИЭ, ПКА, 1982, л. 30-31.

⁸ Инал-липа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов, с. 139.

⁹ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 171.

¹⁰ АИЭ, ПКА, 1982, л. 55.

люди». Присутствовавшие на молитве женщины произносили: «Пусть то же самое с тобой (т. е. с молельщицей — С. Д.) произнесет и бог»¹¹. После завершения молитвы невестку опять вели в амхару.

В Абжуйской Абхазии, в день свадебного пира, на колени молодой невестки сажали маленького мальчика с пожеланием: «Пусть бог даст тебе такого же сына!»¹². С этого времени невестка относилась к этому мальчику с большой любовью, как к своему собственному сыну. Считалось, что этот магический обряд обеспечит молодым рождение мальчиков, плодотворность и хорошее потомство. В Бзыбской Абхазии этот обряд был неизвестен. Все вышеописанные обряды способствовали защите новобрачной и ее супруга от влияния злых духов, приобщению молодой к роду мужа и обеспечению им многочисленного потомства.

§ 2. Бездетность и связанные с ней представления

Наличие или отсутствие детей в значительной мере определяло в прошлом у абхазов отношение к женщине как в семье, так и в обществе. Бесплодие женщины воспринималось как большое несчастье не только для мужа, но и для всей его семьи и родственников. Семья, не имевшая детей, вызывала всеобщее сочувствие. Отношение к мужу бездетной женщины выражено в пословице: «Парню, которому суждено быть бездетным, бесплодная жена попадается». Абхазская женщина, на долю которой выпала бездетность, тяжело переживала эту беду. Она старалась сделать все, чтобы избавиться от бесплодия.

Способность к деторождению абхазы связывали с воздействием на организм женщины сверхъестественных сил. Только от них зависело, будут ли у женщины дети, или она останется бесплодной. Абхазы видели причину бесплодия только в женщине, и если она не становилась матерью, ей говорили: «Не оставляй нас без продолжателей рода!» «Хатц@ан шьап бмырзын!». Если же она оставалась бездетной, то, прожив несколько лет в доме мужа, она безропотно возвращалась в родительский дом, и это по обычаю не должно было вызывать неудовольствия ни у нее, ни у ее родственников. Информаторы приводили примеры, когда бездетную женщину забирали обратно в родительский дом ее же братья, даже если со стороны мужа не было никаких претензий по

¹¹ АИЭ, ПКА, 1982, л. 56.

¹² АИЭ, ПКА, 1982, л. 58.

поводу бездетности жены¹. Такие действия объяснялись тем, что согласно народным воззрениям оставлять семью без наследника являлось большим грехом, поэтому бездетная женщина должна была уйти сама, или же ее должны были забрать ее родственники, тем более, что по традиционным представлениям абхазов бездетная женщина ничем не была связана с семьей мужа. Как свидетельствует К. Мачавариани, «по обычаю края как бы жена ни была мила, красива, но если только она не имеет детей, муж волен бросить ее и жениться на другой»². Поэтому часто бездетную женщину ждала одинокая жизнь или же забота о чужих детях. В фольклоре существовало образное поэтическое сравнение бесплодной женщины с ольхой без виноградной лозы или с пересохшей речкой без воды:

«Ствол ольхи без виноградной лозы,
Женщина, которая не имеет детей,
Как они похожи.
Ствол ольхи без виноградной лозы,
Пересохшая речка без воды,
Плохая женщина, которая никогда не родит.
Как все они трое достойны друг друга»³.

(Подстрочный перевод)

Напротив, невестка, родившая детей, особенно сыновей, пользовалась в семье мужа особым уважением. Она становилась полноправным членом семьи и рода мужа и в случае смерти супруга имела право остаться в его доме, воспитывая своих детей. Более того, вдова с детьми пользовалась особым уважением, окружающие помогали ей как только могли. Если же она покидала детей и уходила в родительский дом или же выходила замуж, то это сурово осуждалось.

В прошлом абхазы прибегали к молениям и различным магическим действиям для того, чтобы избавить женщину от бесплодия и обеспечить молодых многочисленным потомством. Уже через два-три месяца после свадьбы невестка начинала просить богиню Анана-Шацва («мать творящая») даровать ей детей. В жертву богине приносился бычок или два каплуна, четыре хлебца «акуакуар»⁴, продолговатый хлебец «ачаџаазал» и свеча⁵.

¹ АИЭ, ПКА, 1982, л. 19, 31, 37; ПКА, 1983, л. 15, 25, 28.

² Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. СМОМПК, Тифлис, 1884, вып. 4, с. 42.

³ Абхазская народная поэзия. Составители: Гулиа Д. И., Бгажба Х. С., Сухуми, 1927, с. 80.

⁴ Акуакуар — жертвенные печеные хлебцы.

⁵ Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX-XX вв.). КЭС, т. I, М., 1955, с. 132.

Если причиной бесплодия считали болезнь, то женщина обращалась к помощи знахарок и повитух, которые сочетали в лечении рациональные и магические приемы народной медицины. Так, повитухи часто делали бездетным женщинам массаж, ставили на живот банки, советовали женщинам всегда держать поясницу в тепле, завязывать ее платком из чистой шерсти, давали им пить настои из различных лекарственных растений. В середине 80-х годов в Гудаутской Абхазии, в селе Дурипш были известны своими способностями лечить от бесплодия сестры Анкваб-Гунба Сашья Едрысовна и Анкваб-Герзмава Вера Едрысовна. Мы побывали у них, однако, секреты своего мастерства сестры никому не открывали. Младшая сестра, Вера, сказала, что она готовит лекарство из семи различных трав, перечислить которые она отказалась, ссылаясь на то, что в этом случае изготавливаемые ею отвары потеряют свои целительные свойства. Определенное количество смеси из трав она заливает десятью стаканами воды, смешав с килограммом чистого натурального меда, и кипятит в течение двух часов. Бездетная женщина должна принимать лекарство по одной столовой ложке три раза в день. «Был случай, — рассказывает Вера, — что у одной женщины тринадцать лет не было детей, а затем она обратилась ко мне и мое лекарство помогло ей, она родила сына»⁶. Вера Едрысовна назвала немало женщин, которых она излечила от бесплодия.

Сестры Анкваб также славились своими акушерскими способностями. «Не было случая, — говорит старшая сестра Сашья, — чтобы, когда я принимала роды, они были неудачными»⁷.

Если народные способы лечения бесплодия не помогали, то знахарки советовали бездетным женщинам прибегать к различным молениям. Одним из таких молений было моление в кузне (ажьира аџы), которое происходило в тех случаях, если у родителей бездетной или в семье ее мужа имелись кузнии. Вначале бездетная женщина в сопровождении близких родственников мужа отправлялась к своим родителям. Они брали с собой все необходимое для проведения этого моления, кроме воды и дров (зи мџи рыда зегьы лара дызланагалаз лџахцџа иааргон)⁸. Специально для моления в дом родителей бесплодной родственники мужа доставляли жертвенное животное (козла, непременно белого, без единого черного волоса—хџыцеикџаџџа злазџа аџьма).

⁶ АИЭ, ПКА, 1981, л. 45, 46.

⁷ АИЭ, ПКА, 1982, л. 17, 20, 25.

⁸ АИЭ, ПКА, 1982, л. 5, 7; ПКА, 1983, л. 32, 37.

Для молельщика готовился специальный подарок, называемый «акьтамхэ», который состоял из серебряной монеты, полотенца и отреза материи (ацэы@ча аныхэа@ ицэа инадитарц азы). Для каждого из членов родительской семьи бездетная брала серебряные монеты, которые раздавала после моления. Последнее обычно проводили в понедельник или же в пятницу. Молиться же мог отец женщины, старший брат или почетный старейшина рода, т. е. мужчина, имевший ту же фамилию, которую она носила до замужества.

Моление должно было произойти до захода солнца. Жертвенное животное резал сам молельщик в кузне, произнеся при этом: «Великая Кузня, дай ей теплоту своих очей, дай ей теплоту своего сердца и многочисленное потомство»⁹. (Ажьира Ду, улыпъха лыт, угэыпъха лыт, лхэычкэеи, лареи деица@@ы дкоуцарц азы хухэоит). Когда мясо жертвенного животного было готово, молельщик выбирал голову, сердце и печень (ахы, агэы, агэатцэа), нанизывал их на фундуковую палочку, звал бездетную и моление начиналось. Молельщик становился лицом к востоку (амра агыларахь ихы рханы), держа в левой руке нанизанные на фундуковую палочку перечисленные части жертвенного животного, а в правой — стакан вина и вторично произносил слова моления, приведенные выше. Бесплодная становилась на колени рядом с молельщиком, по его правую руку. После произнесения моления, он брал по кусочку от головы, сердца и печени жертвенного животного, кусочек обрядового хлеба — «ачашэ», начиненного сыром и, обсыпав их щепоткой соли, облив вином, произносил: «Пока этими кусочками обильно не накормлю всех Ачба и Чачба, пусть обойдут тебя всякие болезни». (Ачбеи Чачбеи икькьа-ицэ-цэа ирыдызгалаанза з@а-пхзы анцэа ибыдумгалан). Затем молельщик брал свечу и, зажигая ее, произносил: «Как запах этой свечи нравится людям, так же, чтобы и ты нравилась и любила тебя люди». (Абри ацэа аф@ы ауаа ишыртаху еипъш, баргы ауаа быртаххо, быргэапъхо анцэа икаитцааит). Стоящие вокруг участники моления отвечали: «Пусть то же самое с тобой (т. е. с молельщиком — С. Д.) произнесет и бог». Затем все присутствующие на молении садились за накрытый стол и начиналась трапеза. Первый тост все присутствовавшие произносили в честь бездетной женщины, желая ей, чтобы вскоре она стала матерью, чтобы моление помогло ей в этом — (Абри аныхэара хэартас анцэа ибитааит). Затем бездетная одаривала подарками молельщика и всех членов родительской семьи. Особо следили за тем, чтобы после

окончания моления, когда бездетная собиралась домой к мужу, она не забыла ничего из предметов или посуды, в которой она принесла продукты для проведения моления. Если это происходило, то считалось, что моление не имело никакой силы (им@а-пъыргаз аныхэара амчра ызуан). Спустя некоторое время, в одну из пятниц или в понедельник, в дом мужа бездетной приезжали ее родители с жертвенным животным и всем необходимым для проведения моления в кузне. Здесь обычно молился свекор или почетный старик-молельщик из той же фамилии, что и муж бездетной женщины. Моление проходило аналогично молению в доме родителей женщины. К молению в кузне прибегали и тогда, когда у женщины часто бывали выкидыши. — Апъхэыс лассы-лассы данпъхастахоз, данпъгоз, ажьира афэы дырныхэон, лжьоу пъхастахоит, деикэырхатэуп рхэон). Очень часто бездетные абхазки обращались к помощи божества размножения рода человеческого — Ажьахаре. В этом обряде принимали участие одни только женщины. Моление в честь божества Ажьахара происходило как в родительском доме, так и в доме мужа бездетной. В одну из пятниц бездетная вместе со свекровью отправлялась в дом своих родителей. Собирались женщины, резали жертвенную курицу, готовили обильную обрядовую пищу. Моление производила мать бездетной женщины. Молельщица обращалась к божеству Ажьахаре, прося не оставить ее бесплодной и даровать ей детей. Затем такое же моление происходило и у семейного очага бездетной женщины в доме мужа. На этом молении обязательно должна была присутствовать мать бесплодной женщины.

Часто бездетные абхазки обращались к муллам (ахэацэа) и различным гадальщицам (апъш@ы) считая, что они помогут стать им плодовитыми. Бесплодные женщины носили при себе различные обереги и выписанные из корана муллами молитвы (ахэацэа шэкэы), которые должны были отпугнуть от женщин тех «злых духов», по вине которых они не могли стать матерями. Вера в помощь мулл была очень сильна. Многие информаторы старшего поколения приводили в пример женщин, у которых по пять-шесть лет не было детей, и после того, как они обратились к мулле и последовали его советам, у них появились дети. Информатор Джугелия Тера Капочовна из села Лыхны Гудаутского района рассказала нам, что у нее долгое время не было детей и ей посоветовали обратиться к мулле. Мулла предложил ей и ее мужу зарезать белого барана и произвести моление. При этом шкуру барана непременно забирал сам мулла. «И после того, как провели моление, — заключила она, — прошел год и у меня ро-

⁹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 59, 60.

дился сын»¹⁰. Наша собеседница была уверена, что именно это моление помогло ей стать матерью.

Существовало убеждение, что если бездетная воспитает чужого ребенка, то в скором времени у нее родится собственный. Когда уже ничего не помогало, бездетные прибегали и к этому приему. В основном, брали на воспитание мальчиков. Детей усыновляли из родственной семьи, в частности, из той же фамилии, что и муж бездетной. Основными причинами распространения обычая усыновления были случаи бесплодия женщин, материальные затруднения в многодетных семьях и прочность семейно-родственных связей. Бездетные старались брать на воспитание ребенка сразу после рождения или по происшествии двух-трех месяцев, но не больше. Если ребенка брали на воспитание сразу после родов, то старались забрать и кусок пуповины. Придя домой с новорожденным ребенком, бездетная женщина брала этот кусок пуповины и, смешав с глиной, вмазывала в стену дома. Это делалось для того, чтобы ребенок любил этот дом, как свой собственный, и был особо привязан к нему¹¹.

В то же время у многих наших информаторов существовало мнение, что воспитанник редко становился таким, каким хотели бы видеть его воспитатели. По этому поводу в народе говорили: «Еж ссорился с теми, кто его воспитывал». Информаторы видели причину этого в том, что воспитатели неправильно воспитывали своих усыновленных детей. Они старались угождать им во всем, боясь, что они узнают своих настоящих родителей и уйдут к ним. Одна из наших информаторов, усыновившая сына своего деверя, рассказала, что мальчик растет у нее непослушным и узнав, кто его настоящие родители, постоянно, когда ему что-либо не нравится, грозит, что уйдет к ним, а она, боясь этого, старается во всем ему угождать¹².

§ 3. Обычай и обряды периода беременности

Период беременности характеризовался выполнением и соблюдением особых запретов и правил для беременной женщины, регламентировавших ее поведение и якобы обеспечивающих благополучный исход родов, а также предопределяющих физическую и умственную полноценность будущего ребенка, его харак-

¹⁰ АИЭ, ПКА, 1982, л. 55.

¹¹ АИЭ, ПКА, 1982, л. 58, 59.

¹² АИЭ, ПКА, 1983, л. 41.

тер и судьбу. Уже с момента появления новобрачной в доме супруга, вопрос — будут ли у невестки дети, волновал всех окружающих ее родственников. По истечении некоторого времени свекровь начинает проявлять повышенный интерес к здоровью невестки, то есть обращать внимание на то, не начинает ли молодая предпочитать всем остальным блюдам кислые и соленые, так как изменение вкуса, выразившееся в тяге к вышеперечисленным блюдам, являлось, по народным приметам, первым признаком беременности.

В прошлом абхазки старательно пытались скрыть беременность от старших по возрасту, особенно от свекра, свекрови, старших братьев мужа. О появлении первых признаков беременности молодая сообщала родственникам мужа через младших членов семьи или через одну из невесток — ровесниц. С появлением видимых признаков беременности поведение женщины начинало регламентироваться множеством ограничений. Она должна была вести себя более скрытно, реже бывать на виду у свекра, старших деверей. В последние месяцы беременности она не навещала своих родителей, не появлялась в общественных местах. Такое поведение беременной было продиктовано не только строго установленными запретами, но и рассматривалось как проявление скромности, застенчивости, уважения к старшим, то есть тех черт характера, которые прививались абхазским девочкам с самого детства. По этому поводу И. А. Аджинджал писал: «Беременная вообще, а первородящая в особенности должна была стыдиться своего положения и не только никуда не ходить, но и сидеть в своем отдельном помещении «амхаре» и прятаться от всех старших в роде и семье. При случайной встрече со старшими, беременная надвинув косынку-платок, застывала на месте, опустив и отвернув голову, и ждала, пока они пройдут мимо нее»¹.

Изменения в физиологическом состоянии женщины, связанные с появлением видимых признаков беременности, отражались также и на ее одежде: беременная должна была носить широкую одежду, обеспечивающую удобство и свободу в движениях: поверх платья носить свободно повязанный фартук. По словам информаторов, некоторым женщинам удавалось скрыть свою беременность месяцев до пяти-шести². Исследователь аналогичных обрядов осетин Т. З. Бесаева пишет, что осетинки также старательно скрывали свою беременность, особенно от мужчин. «...У

¹ Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии. Архив Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (далее — Архив АИЯЛИ), ф. I, оп. 2, д. № 7, л. 112-113.

² АИЭ, ПКА, 1983, л. 17, 24, 32.

беременных женщин были свои дороги, то есть это были тропы, где вероятность встретить кого-либо из мужчин была наименьшей»³. Как мы видим, традиционный этикет требовал, чтобы состояние женщины в период беременности всячески скрывалось как самой беременной, так и окружающими ее близкими людьми. Это требование распространялось и на речевое поведение заинтересованных лиц, которые не должны были употреблять слова, адекватно отражавшие состояние беременной. Существовало несколько иносказательных выражений, определяющих беременную женщину⁴. Употребление этих иносказательных слов как бы оберегало беременную от грубых выражений, заостряющих внимание на ее состоянии, которого она в силу сложившихся традиций очень стеснялась. Кроме того, табуизация слов, обозначающих беременность женщины, несомненно является магическим приемом охраны здоровья будущей матери, связана с боязнью сглаза, привлечения внимания к женщине злых духов.

К беременным женщинам абхазы относились с большим уважением, вниманием, заботой. Ей давали то, что она просила, во всем помогали. «Беременную женщину даже змея не укусит», «Беременная женщина в воде не утонет», — гласят абхазские поговорки⁵. Беременную старались оберегать от излишних физических и душевных потрясений. В частности, она могла реже ходить на похороны, особенно в последние месяцы беременности. Это делалось не только во избежание нервного напряжения, что могло вредно отразиться на ее здоровье, но в еще большей степени из-за распространенного поверья, будто покойник мог сгладить женщину и будущего ребенка. Боязнь сглаза покойником (аҭсылаҭш) была одним из наиболее распространенных суеверий абхазов. Для предотвращения сглаза существовало несколько заклинаний. В качестве примера приведем одно из них:

За порогом, как переступишь,
Семь клубков шерстяных валяются.
Покуда переступишь туда, переступишь сюда,
Распутывая, распутывая, покуда их не сосчитаю.
Пусть не беспокоят тебя злые духи.

³ Бесаева Т. З. Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX-начало XX вв.). М., 1976, с. 29.

⁴ Это такие эвфемизмы, как: «далашәеит» — (букв. «она во что-то попала»); «лцәа лтәым» — (букв. «плоть не ее»); «лыбаә лтәым» — (букв. «кость не ее»); «дхъантоуп» — (букв. «тяжелая»); «ддууп» — (букв. «она большая»).

⁵ Смыр Г. В. Пережитки ислама и пути их преодоления в современных условиях Абхазии. Сухуми: Алашара, 1967, с. 38. (на абх. яз.).

Чффу, чффу, чффу.

Выдох мой целебен⁶.

Кроме того, чтобы избежать сглаза, перед тем как отправиться на чьи-либо похороны, беременную натирали чесноком, известными своими апотропеическими свойствами. Перед самым выносом тела ее уводили, при этом беременной ни в коем случае не разрешалось оглядываться. Верили в то, что женщину, видевшую лицо покойника, ожидают трудные роды, а родившийся ребенок будет бледным. Кроме того, не полагалось оставлять беременную на ночь одну в пустом доме, так как согласно существовавшим представлениям, злые духи могли напугать ее, что могло привести к нежелательным последствиям, в частности, к преждевременным родам. Поэтому в отсутствие мужа и других членов семьи к беременной на ночь приглашали соседку или девочку-подростка. Беременной женщине запрещалось откликаться на зов, выходить из дома на лай собаки, особенно в ночное время, так как это тоже якобы могло вызвать испуг. Также запрещалось неожиданно пугать беременную женщину, чтобы не сделать ребенка немым⁷. Женщине, ждавшей ребенка, нельзя было перешагивать через веревку, чтобы ребенок при родах не запутался в пуповине. Беременной женщине во избежание несчастья нельзя было смотреть на кровь, считалось, что выросший ребенок будет «кровожадным»⁸.

Наряду с этим в течение всего периода беременности женщина должна была следовать многочисленным предписаниям магического характера. Так, при первом шевелении плода беременной нужно было обязательно посмотреть на что-либо красивое, например, на цветущее дерево, на красивую гору, на прекрасного в духовном и физическом отношении человека. По словам информаторов, «взгляд на цветущее дерево или красивую гору мог способствовать тому, что жизнь у будущего ребенка будет красивой и цветущей»⁹. Беременной предлагалось также «для того, чтобы в будущем хозяйстве ребенка был большой приплод скота, смотреть на стадо, пасущееся на лугу». Если шевеление плода происходило в помещении, то беременная должна была посмотреть на белую стену: считалось, что тогда жизнь у ребенка будет протекать без затруднений и счастливо¹⁰. В наши дни мало кто

⁶ АИЭ, ПКА, 1982, л. 10.

⁷ АИЭ, ПКА, 1982, л. 13, 25; ПКА, 1983, л. 7.

⁸ АИЭ, ПКА, 1983, л. 2, 9.

⁹ АИЭ, ПКА, 1982, л. 25, 27, 30.

¹⁰ АИЭ, ПКА, 1982, л. 35, 36.

помнит вышеописанные поверья и нам о них сообщали обычно лишь информаторы старшего поколения. Молодые же женщины естественно обнаруживают слабое знакомство с этими поверьями и многие из них не могли даже назвать их и разъяснить их смысл и значение.

В ряде запретов, которые должна была соблюдать беременная, явственно прослеживаются следы предохранительной магии. В частности, ей запрещалось проходить между двумя надочажными цепями, ходить на кладбище, выходить со двора после захода солнца, садиться на камень, пустое корыто или пустой сундук, раздувать огонь и т. д. «Беременной, — рассказывали абхазские женщины старшего возраста, — также запрещалось накидывать на шею нитку во время вязания или же шитья. Считалось, что в этом случае ребенок может запутаться в пуповине матери»¹¹.

Интересно, что во время беременности женщины в определенной степени табуировалось и поведение ее мужа. Так, не только беременной, но и ее мужу запрещалось убивать змею или какое-нибудь животное. По народному поверью считалось, что если они нарушат этот запрет, то ребенок родится со шрамом. В связи с этим хочется описать встречу в селе Абгархук Гудаутского района с информатором А. Авидзба, которая показала нам своего ребенка (девочку 5 лет), родившегося со шрамом на руке. Мать была твердо убеждена в том, что причиной появления этого шрама у ее ребенка является то, что она во время беременности убила мышь. Самым удивительным для нас в этой истории было то, что форма шрама на правой руке девочки действительно напоминала мышь.

В период беременности женщине категорически запрещалось потрошить курицу, индейку и любую другую домашнюю птицу. Этот запрет объяснялся следующим образом: у женщины, нарушившей подобный запрет, обязательно родится ребенок со шрамом, так как во время потрошения она могла случайно повредить желчный пузырь птицы, а затем дотронуться грязной рукой до своего тела. Это, по поверью, вело к тому, что у будущего ребенка на аналогичном участке тела появится родимое пятно. Одна из наших информаторов рассказала следующее: «Будучи беременной, я решила проверить, насколько достоверно это поверье. Однажды, потроша курицу, я специально дотронулась грязной рукой до поверхности левого бедра. И можете себе представить, что у родившейся дочери я обнаружила родимое пятно именно

¹¹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 75.

в таком же месте»¹². Перед тем, как ощипать курицу, ее обычно ошпаривали горячей водой, и при дальнейшей обработке птицы беременная должна была следить за тем, чтобы капли воды не попали на ее лицо. В противном случае будущий ребенок мог родиться с пигментными пятнами на лице»¹³.

В связи с запретами такого рода у абхазов считалось также, что в период беременности жены муж не должен ходить на охоту. Однако, этот запрет в конце XIX века соблюдался уже редко. Но все-таки если муж ходил на охоту, то дома не называли его по имени и делали вид, что не знают, где он был. Успех охоты, согласно охотничьим поверьям абхазов, зависит не только от поведения самого охотника, но и от поведения и состояния здоровья оставшихся дома остальных членов семьи охотника. Интересные сведения приводит Л. Х. Акаба. Как-то после неоднократных безуспешных попыток охоты охотник решил вернуться домой и увидел свою жену, лежащую в постели. Оказалось, что в это время, как он безуспешно пытался охотиться, у его жены произошел выкидыш и она вынуждена была лечь. Охотник не сомневался, в том, что причина его неудачи была связана именно с этим фактом. К тому же представлению, увязывающему неудачный результат охоты с состоянием беременности жены охотника, восходит, по видимому, и другой пережиток абхазов, заключающийся в том, что мужу в период беременности жены запрещалось убивать змею, резать птиц или животных¹⁴. Кроме того, «будущий отец не имел права входить в число соприсяжников, давать клятву на священном месте, ибо считалось, что даже случайно произнесенная клятва может вызвать преждевременные роды»¹⁵.

Существовал также ряд примет, связанных с животными, в частности, с коровой и лошадей. Верили, что если беременная покормит лошадь рушеной кукурузой или же солью из своего передника, то роды начнутся вовремя и пройдут нормально. Поэтому при затягивавшихся родах женщине советовали пользоваться этим приемом для ускорения родов. Считалось, что если корова облизнет беременную женщину во время доения, то у будущего ребенка волосы будут «как бы прилизанными».

Последние месяцы беременности сопровождались также выполнением ряда особых запретов, нарушение и игнорирование которых могли привести к преждевременным родам. Так, напри-

¹² АИЭ, ПКА, 1983, л. 75.

¹³ АИЭ, ПКА, 1983, л. 59, 60.

¹⁴ Акаба Л. Х. У истоков религии абхазов. Сухуми: Алашара, 1979, с. 43.

¹⁵ Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX-XX вв.), КЭС, т. I, М., 1955, с. 133.

мер, при выполнении таких работ, как развешивание белья, сбор урожая, запрещалось становиться на носки, напрягаться, поднимать руки вверх. По тем же соображениям беременной не рекомендовалось садиться на корточки.

Абхазы придавали большое значение питанию беременной женщины. Характер питания беременной женщины определялся различными пищевыми запретами, которые распространялись на целый ряд продуктов. Так, нельзя было употреблять кислое молоко, козлятину и вареные ножки козленка, мясо домашних животных, задранных волком, мясо зайца, рыбу, мед, орехи, особый сорт дикой груши (акәыпсха), алкогольные напитки. Считалось, что употребление беременной женщиной вышеперечисленных продуктов отрицательно повлияет на умственное и физическое развитие будущего ребенка. Так, считалось, что если женщина в период беременности ела много кислого молока, то ребенок будет слишком бледным, если употребляла мясо козленка, то во время сна глаза у ребенка будут приоткрытыми; если ела ножки козленка, то ноги ребенка будут поскрипывать в коленках; если съела мясо животного, задранного волком, то будущий ребенок, став взрослым, будет сильно храпеть во сне¹⁶. Женщине, случайно съевшей такое мясо, давали выпить стакан воды, пропущенной через высушенную гортань волка. Обычно охотник, убивший волка, всегда оставлял гортань убитого хищника для этой цели, ее высушивали и хранили. Подтверждение сказанному находим в рассказе Гобечия Ирины Котатовны (1884 г. р.) из села Лыхны Гудаутского района: «Волк поранил трех овец из нашего стада. В этот период я ждала ребенка. Мой свекор снял шкуры с овец и сварил мясо, но не дал мне поесть задранное волком мясо овец. Он взял и специально для меня зарезал овцу и накормил меня свежим мясом»¹⁷. Беременной женщине запрещалось есть и зайчатину: верили, что нарушение этого запрета приведет к тому, что у ребенка будут «заячьи» крупные и выпуклые глаза. Рыбные блюда нельзя было есть, так как считали, что это приведет к появлению у ребенка после рождения налета под волосами, в виде перхоти. Рыбу не ели еще и потому, чтобы пальцы ног будущего ребенка не были разъединены, как хвост рыбы. Если беременная ела орехи, то верили, что на лице родившегося ребенка появятся веснушки. Запрещалось беременной есть вареный куриный желудок, так как считалось, что у ребенка, когда он вырастет, во время танцев будут синеть губы. Если же беременная съела

бы ножки курицы, то выросший ребенок во время танцев часто сбивался бы с такта, а если это была девочка, то ноги у нее стали бы очень худыми¹⁸. Женщине, ожидавшей ребенка, не рекомендовали употреблять слишком горячие блюда, в этом случае, считалось, что у родившегося ребенка будет слабый волосяной покров.

Ряд запретов был вполне рациональным. Так, например, беременной женщине категорически запрещалось пить водку, так как «водка будет мешать умственному развитию ребенка и его зрению»¹⁹. Запрещалось пить и вино. Правда, этот запрет объяснялся тем, что если женщина во время беременности выпьет вино, то у ребенка, когда он вырастет и будет пить вино, лицо будет сильно краснеть²⁰.

Беременным женщинам рекомендовалось также меньше употреблять мясные блюда, но зато есть фрукты, овощи, молочные продукты.

С приближением родов, как правило, устраивали разгрузочные дни. В целом же в период беременности женщина не должна была есть много, чтобы не поправиться. Вместе с тем старались доставить беременной любую пищу, которую она пожелает, считая, что это желание исходит от ребенка, и не удовлетворить его считалось большим грехом. Представление, что пожелание в еде беременной исходит от ребенка, существовало и у многих народов Кавказа. В связи с этим Е. А. Лалаянц, исследуя родильные обряды армян, сообщает любопытное предание: «...однажды роженица со своим мужем возвращалась верхом домой от своих родителей. Дорогой она в грязи заметила зерно от граната и вопреки желанию мужа слезает с коня, чтобы подобрать это зерно, после чего съедает его. Муж, вышедший из себя от алчности жены, кинжалом разрубает ей живот и что же видит: зерно находилось во рту утробного ребенка»²¹.

Вообще у абхазов не было принято отказывать беременной в ее просьбах. Если она просила какую-нибудь вещь у родственников или у соседей, то ей обязательно дарили, так как считали, что отказавшийся все равно лишится этой вещи, и, кроме того, в его доме появятся крысы.

Если в начале беременности трудовой режим женщины изменялся незначительно и во многом зависел от отношения к ней и

¹⁸ АИЭ, ПКА, 1984, л. 77, 78, 80.

¹⁹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 48, 49, 52.

²⁰ АИЭ, ПКА, 1982, л. 15, 17; 1983, л. 35, 37.

²¹ Лалаянц Е. А. Ванский вилайет (Васпуракан). СМОМПК, Тифлис, 1915, вып. 44, с. 50-51.

¹⁶ АИЭ, ПКА, 1982, л. 51, 54, 55, 57, 60, 68, 70; ПКА, 1983, л. 15, 16, 17, 20.

¹⁷ АИЭ, ПКА, 1982, л. 11.

от конкретной ситуации в семье, то во второй половине беременности некоторые виды домашних работ, особенно тяжелые, считались абсолютно запретными для беременной. Так, ей нельзя было колоть дрова, молоть кукурузу на ручной мельнице, готовить аджику, месить абысту (если это было в большой семье и пища готовилась для большого числа членов семьи), так как размешивать всю эту массу считалось непосильным для беременной и что все это оказывало вредное воздействие на нормальное протекание беременности. Беременной запрещалось ходить за водой, носить зерно на мельницу и прочее. Она исполняла лишь разные мелкие работы по дому, от которых освобождалась только перед самыми родами²². Не рекомендовалось беременной и много спать. Считалось, что чем больше беременная будет двигаться, чаще бывать на свежем воздухе, тем легче пройдут роды. Подобные традиционные предписания, как и некоторые пищевые запреты, были, конечно, вполне разумны и полезны, они отражали многовековой рациональный опыт абхазского народа.

У абхазов существовали разные способы угадывания пола будущего ребенка. Пол ребенка «угадывали» по величине и форме живота, по снам, которые видела беременная, ее муж, окружающая ее родня, соседи, а также с помощью различных магических приемов. По народному поверью считалось, что если первое шевеление плода происходит с левой стороны, то родится непременно девочка, а если с правой — мальчик. Такой способ определения пола существует у многих народов Кавказа — грузин, армян, осетин и т. д. «Мальчик лежит в правом боку, девочка в левом»²³. Рождение девочки определяли по форме живота и по появлению на лице беременной женщины пигментных пятен. Считалось, что женщина, у которой должна была родиться девочка — «худеет», «дурнеет», у нее реденеют волосы, брови, часто болят зубы, на лице появляются пигментные пятна²⁴. Объяснялось это тем, что «девочка вредна»²⁵ (азҕаб дхарамуп»). Если у беременной женщины живот опускается книзу, значит она родит девочку, а если поднимается кверху — мальчика²⁶. Женщина же, у которой родится мальчик, имеет округлый живот, значительно меньших размеров, чем при рождении девочки. Женщина, беременная мальчиком, хорошеет и полнеет. Аналогичные примеры

определения пола будущего ребенка по форме живота имелись и у других народов. У осетин, например, считалось, что «если беременная имела прямую осанку, быструю походку, легкие движения, то у нее родится мальчик, в противном же случае — девочка»²⁷. Определяли пол будущего ребенка еще и так: неожиданно беременную просили показать руки. Если она протягивала руки ладонями вниз, то считалось, что родится девочка («руки тогда напоминали крылья, а девочка считалась гостем в доме, человеком временным, через некоторое время она выпорхнет, как птичка, и улетит в другой дом»)²⁸. Если же беременная показывала руки ладонями вверх и сжимала при этом руки в кулак, то непременно родится мальчик. Если женщина садилась на стул с раздвинутыми ногами, то родится девочка, в противном случае — мальчик²⁹.

Пол будущего ребенка пытались угадать и по снам. Если беременной снилось, что она вяжет, вышивает, видит во сне иголку с ниткой, косынку, платье, куклу, бусы, то родится девочка; если же беременной снились белый голубь, черкеска, пистолет, пуля, змея, то родится мальчик. Если золовка беременной женщины видела во сне, что у нее сильно выросли волосы, то считалось, что у невестки родится мальчик. Или же если она, собирая и закалывая волосы, забывала у затылка собрать хотя бы одну прядь волос, то и в этом случае считалось, что у ее невестки родится мальчик.

Существовали и другие способы гадания. Так, например, брали пузырь животного и нагревали его на огне; если жидкость резко брызгала, то считалось, что родится мальчик; девочка же, считалось, родится в том случае, если жидкость медленно капала. Или же мужчина и женщина становились друг против друга и ломали палку; если большой конец палки оставался в руках женщины, то ожидали девочку, а если в руках мужчины — мальчика³⁰. Старались не допускать, чтобы через ноги беременной перешагивала женщина или девочка, так как считали, что в этом случае родится девочка.

Для определения пола будущего ребенка абхазы гадали и по козьей лопатке (ашхәа ианҕшуан). При этом использовали лопатку той козы, которая была зарезана в доме, где находилась

²² Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии, л. 112.

²³ АИЭ, ПКА, 1982, л. 58, 62; ПКА, 1983, л. 39, 44, 47.

²⁴ АИЭ, ПКА, 1983, л. 57, 60.

²⁵ АИЭ, ПКА, 1983, л. 61, 63.

²⁶ АИЭ, ПКА, 1982, л. 45, 55; ПКА, 1983, л. 21, 24.

²⁷ См.: Бесаева Т. З. Указ. раб., с. 30-31.

²⁸ АИЭ, ПКА, 1982, л. 10, 15, 17.

²⁹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 56, 58.

³⁰ Смирнова Я. С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху. М., 1949, с. 320.

беременная женщина. Для этого кость чистили только ногтями, не трогали ее ножом и не грызли зубами. По степени окостенения и по бугру кости определяли пол ожидаемого ребенка. Существовала еще и такая примета: если к началу родов во двор входила женщина, то считалось, что родится девочка, а если мужчина, то мальчик.

§ 4. Обстановка родов и обряды, связанные с родами

Тяжелые условия труда и быта абхазского народа в прошлом отражались и на таком важном событии, как роды. Вплоть до Октябрьской социалистической революции в большинстве абхазских сел отсутствовала какая-либо медицинская помощь. Отсутствие врачей и медицинских учреждений приводило к тому, что население вынуждено было прибегать к знахарским способам лечения, беременные пользовались услугами повивальных бабок; сохранялась вера в различные обереги для ограждения роженицы и ребенка от «нечистых сил».

В прошлом родильный цикл абхазов, как и многих других народов, был глубоко пронизан религиозной идеологией, теснейшим образом переплетался с разнообразными магическими обрядами, сохранившими немало архаических черт. Роды как правило проходили в амхаре. Г. Ф. Чурсин писал, что «особого помещения для родов абхазы не имеют. Родильницу на все время родов и после них помещают в амхаре, т. е. в помещении, в котором протекает брачная жизнь семейной пары»¹.

¹ Роды в условиях изоляции не были явлением, характерным только для абхазов. Этот обычай был известен как народам Кавказа, так и многим народам мира. В основе изоляции роженицы в период родов лежало представление о ритуальной «нечистоте» женщины в специфические периоды ее жизни. Кроме того, как отмечал по этому поводу М. С. Косвен, изоляция роженицы была одним из проявлений экстерриториальности замужней женщины в доме мужа в период патрилокального брака².

Роженица рожала в доме своего мужа. По мнению некоторых исследователей, в прошлом у абхазов, как и у многих народов Кавказа, существовал обычай возвращения роженицы в дом своих родителей для деторождения, обычай, восходящий к матрилокальному поселению. Этот обычай, очевидно, давно исчез у абха-

зов, так как никто из информаторов не помнит о нем. На время родов все взрослые мужчины семьи и прежде всего муж покидали дом и возвращались только после рождения ребенка. Т. Бесаева, рассматривая аналогичный осетинский обычай, справедливо отмечает, что «это было одним из проявлений обычаев избегания, ставившим своей целью подчеркнуть непричастность мужа к рождению ребенка, так же как и к самой роженице»³.

На кровати роды проходили редко. Обычно женщина рожала, сидя на скамеечке, держась за два конца перекинутой через потолочную балку веревки. Земляной пол обычно устилали соломой. «Женщина рожала на полу, у очага, на кукурузной соломе или же на папоротнике», — писал Г. Ф. Чурсин⁴. Существовало поверье, что ребенок, родившийся на земле, выносливее и крепче, а роды на полу проходили якобы легче. Если роды были тяжелыми, то женщине, рожавшей на кровати, говорили: «Ты, которая не могла подстелить под себя ни одной связки чалы, понятно, не можешь благополучно разрешиться»⁵. Кроме того, когда наступал момент родов, строго придерживались обычая, по которому любой человек, вошедший во двор, не должен был выходить оттуда, пока женщина не родит ребенка. Считалось, если он покинет двор раньше, то роды затянутся⁶.

Роженице чаще всего помогала повивальная бабка, а также замужняя золовка или же соседка. Обычно свекровь и женщины старшего возраста при родах не присутствовали. При появлении первых схваток повитуха проверяла положение ребенка в животе, сажала роженицу на скамейку, и, смазав руки мылом, массировала ей живот. Позади роженицы садилась одна из присутствовавших женщин, держа ее за талию. Как только начинались роды, для того, чтобы ускорить и обеспечить благополучный их исход, повитуха давали залогом таким божествам и духам как: «Адэныкэа» — «духам, вне дома находящимся»; «Ажьахара» — божееству плодородия и размножения и Адгьыл-чча (у бзыбских абхазов), Адгьыл-дадул (у абжуйских абхазов) — «Царице Земли». Для «адэныкуа» в качестве залога брали медный котел или сковороду, которые с молитвой повитуха три раза обносила вокруг головы роженицы и прятала где-нибудь в чистом месте.

³ Бесаева Т. З. Обычай и обряды осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX—начало XX вв.). Автореф. канд. дисс., М., 1976, с. 10.

⁴ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 180.

⁵ Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX—XX вв.). КЭС, т. I. М., 1955, с. 133-134.

⁶ АИЭ, ПКА, 1983, л. 87-90.

¹ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 179.

² Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 90.

Для «Ажьахара» обычно брали чистую тарелку или же бутылку, которые также три раза обносились вокруг головы роженицы и прятали. Для «Адгьыл-чча» повитуха брала пять яиц, четыре из них зарывала в каждом из углов комнаты, а пятое прятала. Эти залого, как считалось, облегчали роды и способствовали их нормальному исходу.

В прошлом у абхазов применялись традиционные как рациональные, так и иррациональные приемы родовспоможения. Если роды были трудными, то женщине парили ноги, массировали живот, накладывали на живот жгут из скрюченной простыни, водили по комнате и т. п. В некоторых случаях ее клали на одеяло и начинали раскачивать. Чтобы облегчить роды, прибегали и к помощи подражательной магии: растегивали пуговицы, распускали косы, снимали пояс (не только с роженицы, но и с присутствовавших на родах женщин), отворяли все замки на сундуках и шкафах⁷.

При трудных родах поили роженицу различными лекарственными настоями из трав; например, из зверобоя (ажьарфахь). Роженицу поили из постолов мужа или давали ей выпить воду, которой предварительно ополаскивали рог оленя, или же порошок, полученный путем скобления оленьих рогов. Считалось, что эти средства облегчат роды роженицы и ускорят их. Ее также поили водой, в которую опускали заклинание, написанное муллой. «Она (роженица — С. Д.) старается не издавать ни одного звука, который мог дойти до слуха тещи или тестя. Она должна молча переносить свои страдания, а в случае несчастного исхода — молча умереть, — иначе она опозорила себя навсегда»⁸.

По народному поверью, считалось хорошим признаком облегчающим роды, если среди помогавших роженице, находилась женщина, которая вытаскивала лягушку из пасти змеи. Обычно для этого пользовались фундуковой палкой, ее хранили, т. к. верили, что она помогает при трудных родах. Если роды затягивались, то приглашали эту женщину, и она, притронувшись палкой к роженице и трижды перешагнув через нее, произносила: «Отпустила тебя» — (Шьта баусышьтит). Навещавшие роженицу женщины, чтобы облегчить роды, гладили ее по голове и говорили: «Чтобы ты так легко разрешилась, как мы легко приходим и уходим»⁹. К роженице во время родов не допускали женщин, кото-

рые еще не имели ребенка, а также беременных. Запрещалось входить к роженице и женщинам в период менструации. К роженице допускали только «счастливых» и «удачливых» женщин, т. е. тех, у которых много детей, «колыбель которых считалась счастливой и дети не умирали»¹⁰. Неудачные роды, смерть ребенка или самой роженицы обычно приписывали вредоносной магии, которую, по их представлению, могла применить какая-нибудь злая сноха или соседка.

Когда роды затягивались на несколько дней и ничем нельзя было помочь роженице, то в помещение к ней заводили лошадь и три раза обводили ее вокруг роженицы, а затем, выводя лошадь из помещения, выгоняли ее со двора рысью. Или же заставляли роженицу покормить лошадь рушеной кукурузой или же солью из своего передника. Хишба-Ампар Химор Саломоновна (1918 года рождения) из села Калдахуара Гудаутского района рассказала нам, что, когда у нее затянулись роды, известная и опытная повитуха этого же села Зантария Хамсед спасла ее тем, что обвела вокруг нее лошадь. «Я сразу после этого почувствовала облегчение, и начались роды»¹¹, — отмечала Х. С. Хишба. Иногда для облегчения родов применяли также следующий прием: веревку перекидывали через крышу дома, где проходили роды, и затем тянули ее то в одну, то в другую сторону.

По воззрению абхазов, роды, как опасный период жизни роженицы и ребенка, были связаны с наиболее активной деятельностью злых духов, стремившихся погубить как ребенка, так и его мать. Для защиты роженицы и ребенка от злых духов абхазы прежде всего прибегали к помощи различных железных предметов, что было связано с сакральным отношением к этому металлу и соответственно к изделиям из него. Так, в случае трудных родов слева от роженицы клали на земляной пол ножницы, веретено или прялку, а справа — топор, цалду (инструмент для рубки кустарника и очистки деревьев от ветвей), ножик и шило. Повитуха, встав около роженицы, обращалась к ребенку: «Если ты мальчик, иди направо — к топору и цалде, ножки и шилу, а если ты девочка, иди налево — к ножницам и веретену»¹². Иногда в этих случаях к спине роженицы прикладывали лезвие шашки.

Обычай класть что-нибудь из железных предметов в качестве оберега от злых духов у постели роженицы существовал и у многих народов Кавказа. Так, например, «гурийцы кладут у посте-

⁷ АИЭ, ПКА, 1982, л. 28, 30; ПКА, 1983, л. 19, 23.

⁸ Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. — СМОМПК. Вып. 4, Тифлис, 1884, с. 45.

⁹ Чурсин Г. Ф. Указ. раб., с. 181.

¹⁰ АИЭ, ПКА, 1982, л. 12, 31, 40; ПКА, 1983, л. 8, 18, 21.

¹¹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 15.

¹² Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969, с. 266-267.

ли роженицы или под подушкой кинжал, под тахту железный гребень, употребляемый при очистке шерсти, а над постелью развешивают сеть»¹³.

Большое значение придавалось абхазами очистительной силе огня. Во время родов в доме зажигали огонь, причем, огонь поддерживали до утра. Если роды проходили в темное время суток, то дополнительно зажигали светильник или лампу, которая гасилась только с наступлением дня. Если роды проходили зимой, то старались в доме поддержать тепло, а иногда ставили около роженицы котел с кипящей водой и паром окуривали ее. Считалось, что это также облегчало родовые боли и способствовало ускорению родов.

При трудных родах совершался и обряд «вешания котла» — (ақааб кнаҳара). Он сводился к тому, что в комнате, где проходили роды во время обряда аглахья (о нем далее), котел снимали. Так как по народным воззрениям родам мешает «сила земли» (адгьыл амч), то для умилования этой «силы» повивальная бабка сыпала вокруг роженицы пшено и пшеницу. Когда наступал момент родов, двери дома закрывали: считалось, что если роженица увидит скотину и та уйдет в поле, то до возвращения скотины женщина не может разрешиться¹⁴.

По сообщению А. Иоакимова¹⁵, при трудных родах в Самурзакане приносили в жертву барана. Жертвенное животное заводили в помещение, где рожала женщина и тут же резали. Роженица руками держалась за ноги барана и верили, что как только прекратится жизнь жертвенного животного, облегчатся и ее страдания.

Эффективным средством родовспоможения считалась и сброшенная змеей шкура. Ее клали на горящие угли, а затем подносили к роженице, окуривали ее этим дымом. Очевидно, в этом обряде имеет место отголосок культа змеи, который был хорошо распространен у многих народов мира. При трудных родах роженицу заставляли сильно дуть в бутыл, старались вызвать рвоту, к ней подносили красный перец (апырпылца) и, разрезав его, заставляли нюхать, чтобы заставить ее сильно чихать, давали ей отвар фасоли, чтобы вызвать пот.

Как только роженица удачно разрешалась от бремени, повитуха ножницами отрезала пуповину (ачапан). Ножницы заворачивали

в чистый кусок материи и не пользовались ими до тех пор, пока пупок не заживет. Отрезанную пуповину не выбрасывали; промыв и высушив, ее использовали как лекарственное средство против младенческой болезни «аблы» (пупочная грыжа).

Ответственным моментом во время родов было и выделение последа. Считалось, что если послед во время родов не выделится, то женщине грозит опасность, связанная с разложением его в организме. В тех случаях, когда выход последа задерживался, совершали различные действия, которые должны были ускорить желаемый процесс. Роженице давали нюхать табак и разрезанный красный перец, чтобы она чихала; клали ей в рот косу, чтобы вызвать рвоту; заставляли дуть в бутыл. Определенную роль в этом случае играла и повитуха. Она, смазав руки мылом, начинала массировать живот и стягивать талию роженице, иногда обрезанный конец пуповины повитуха привязывала к колену роженицы, чтобы послед не вернулся на место. С последом были связаны и различные поверья. С ним связывали плодовитость женщины и весьма архаическое представление о симпатической связи, которая якобы существует между ребенком и последом, а также между ним и отпавшей пуповиной¹⁶. Представление, что с последом связана дальнейшая плодовитость и даже пол желаемого ребенка, существовал у многих народов. В частности, в Хорезме вместе с последом зарывали альчик, если желали, чтобы следующим ребенком был мальчик, или миниатюрный лучок или тряпичную куклу, если в дальнейшем ожидали девочку¹⁷. У многих народов послед рассматривался как часть духа ребенка, находящегося в последе; другие считали послед младшим братом или сестрой ребенка; третьи — как материальный предмет, в котором пребывал дух кровителя ребенка или часть его души¹⁸.

У абхазов с последом связывали и приостановление дальнейшего деторождения. Послед закапывали недалеко от дома, в том месте, где не ходили люди. Закапывать послед разрешалось только самой благожелательной женщине, т. к. верили, что если женщина закопает послед со злыми намерениями и с вложенным в него камнем, то у роженицы больше не будет детей. То же са-

¹³ Чурсин Г. Ф. Указ. раб., с. 182.

¹⁴ Чурсин Г. Ф. Указ. раб., с. 182.

¹⁵ Иоакимов А. Абхазцы. Газ. «Кавказ». 1884, № 47.

¹⁶ Сиесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., Наука, 1969, с. 90.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Фрезер Д. Золотая ветвь. Вып. I, М., 1928, с. 64, 65.

мое могло случиться, если бы женщина перед тем, как закопать послед, обожгла бы его концы.

Информатор Аргун Куакуа Дамеевна из с. Джирхуа Гудаутского района рассказала нам следующее: «У моей снохи родился седьмой ребенок. Она не желала больше иметь детей и попросила меня для этого проделать определенное действие с последом. Послед закапывала я и, найдя три небольших черных камня, вложила их в послед, придав им треугольную форму, и закопала недалеко от дома, в чистом месте, где не ходили люди. И после этого, — заключила Куакуа, — у моей снохи больше не было детей». Избавление от плода считалось большим грехом и к нему прибегали в редких случаях. Женщина, не желавшая больше иметь детей, прибегала к различным действиям. Старалась дольше кормить ребенка грудью, считая, что пока она кормит, не забеременеет. По поверию абхазок, от деторождения можно было избавиться, выпив настой из корня растения «нан-лнапы» (букв. рука матери). Корень этот имел вид кисти руки. Считалось, что женщина, приняв один палец коренья, лишается способности к деторождению на один год, приняв два — на два и т. д. Женщина, приняв настой из всего корня, оставалась бесплодной на всю жизнь. Прибегали еще к следующему приему: соскоблив с копыта осла немного рогового слоя и растерев его в порошок, настаивали на особой воде. Это была специальная вода, которую приносила женщина, готовившая это лекарство. Встав рано утром, женщина шла к роднику, вымыв руки и лицо, набирала кувшин и, не оглядываясь назад, быстро возвращалась домой. Желательно было, чтобы на всем пути ее никто не встретил и не окликнул, а если такое случалось, она не должна была отвечать на зов. Растертый порошок настаивали несколько дней, иногда до недели, на воде, называвшейся «азхьамш», то есть, «не оглядываясь принесенная вода». Настой ставили в темное место или закутывали в черную материю и давали пить женщине, а в качестве противозачаточного средства съедали большое количество сырого растертого лука. Иногда пили раствор медного купороса, от неправильной дозировки которого многие женщины платили своей жизнью. Для того, чтобы прервать нежелательную беременность, женщины поднимали тяжести или же прыгали с возвышенного места (в частности, с амбара).

Сразу же после появления ребенка на свет повитуха, слегка обмыв новорожденного водой, пеленала и укладывала его рядом с матерью. Наиболее старшие по возрасту информаторы утверждали, что после разрешения роженицы от бремени повитуха сама купалась и стирала свои вещи. Информатор А. Цвижба из села Члоу рассказала нам, что ее мать, славившаяся как хорошая

повитуха, умерла зимой от простуды, после того как выкупалась, приняв роды. Прежде повитухи являлись хранительницами традиционных родильных обрядов. Занятие повитухи считалось почетным и доходным делом. В каждом абхазском селе имелись свои повитухи¹⁹. Именно они оказывали главную помощь роженицам при родах, так как считалось, что они являются знатоками заговоров и различных магических приемов. По традиции, в течение трех дней повитуха должна была следить за роженицей и ребенком. Она купала ребенка, а в некоторых случаях и роженицу, первые после родов, впервые укладывала ребенка в колыбель. Если повитуха жила далеко от роженицы, то бывали случаи, когда она оставалась у нее и до недели, в зависимости от того, какие были роды, легкие или тяжелые. Обычно все эти дни повитуха готовила еду роженице. После удачных родов повитуху одаривали за труды, в зависимости от состояния семьи, отрезом на платье, полотенцем, мылом, в некоторых случаях и деньгами. Если материей одаривали не всегда, то полотенце и мыло вручалось повитухе обязательно. В противном случае, по представлениям абхазов, после смерти обеих, на том свете повитуха не даст покой роженице, преследуя ее за то, что она не дала ей возможности вымыть руки²⁰. Этот обычай был связан с омовением, так же как и запреты ходить за водой, готовить пищу. Все эти обычаи, связанные с омовением и купанием после родов, можно рассматривать, как пережитки веры абхазов в нечистоту роженицы.

По народному поверью считалось, что в ту ночь, когда рождается ребенок, решается и его судьба. Мифическими вершителями судеб новорожденного ашаца — «предрешатели», которые в первую же ночь являлись в дом, где находился младенец, нередко представляли в образе трех мужчин. Считалось, что двое из них предрекали ребенку скорую смерть, болезни и другие несчастья, но во многих случаях побеждало мнение третьего, который дарует ребенку здоровье, жизнь, устанавливает ее продолжительность, определяет профессию, время вступления в брак и т. д. Поэтому мать, которая хотела узнать судьбу своего ребенка, должна была не спать первую ночь после рождения. Так и бывало. Мать и повитуха первые ночи обычно проводили у колыбели ребенка, бодрствуя. В связи с этими поверьями нами было записано много легенд. Одну из них рассказала нам Лидия Кецаба

¹⁹ Существовало несколько выражений, определяющих повивальную бабу: «апхэыс делилзырго» (букв. «та, которая помогает женщине разрешиться»), «пхучы дышьэызхуа» (букв. «та, которая ребенка поднимает»).

²⁰ АИЭ, ПКА, 1982, л. 45, 48; 1983, л. 14, 16.

(с. Джгярда Очамчирского района). «Поздно ночью в одной абхазской семье родился мальчик. Ушли домой женщины, помогавшие роженице. Ребенок лежал рядом с матерью. Вдруг в доме появились трое духов-предсказателей судьбы. Усевшись на надочажную балку, они предопределили родившемуся мальчику такую судьбу: «Пусть, когда догорит последнее полено на горящем сегодня в этом доме огне, умрет этот родившийся ребенок». Мать не спала. Услышав ужасное предсказание, она вскочила, схватила последнее полено, догоравшее в огне, потушила его, и хорошо обмотав тряпками, спрятала на дне сундука. Немного успокоившись, мать заснула крепким сном. Прошли годы, ребенок вырос. Став юношей, он женился на прекрасной девушке. Однажды, молодая невестка, убирая дом, заметила на дне сундука какой-то сверток. Она раскрыла сверток и увидела обугленное полено и, подумав, что не тут ему место, бросила его в горящий огонь. В то время ее супруг сидел на балконе дома и шил себе ноговицы. Как только догорело полено, он упал в обморок и умер. Мать стояла во дворе и увидела, как сыну стало плохо, и не поднявшись к нему, побежала к сундуку и все поняла, так как полена там не оказалось». Таким образом, заключила информатор, «судьбы не миновать!»

Во многих легендах подчеркивается, что дальнейшая жизнь и благополучие новорожденного во многом зависело от изобилия стола, за который садились предсказатели, определяя дальнейшую судьбу новорожденного (стол якобы накрывался сам). Если стол был хорошо накрыт, изобиловал едой, то в будущем ребенок ни в чем не нуждался бы, а если же стол был накрыт бедно, то соответственно этому, дальнейшая жизнь ребенка протекала бы в бедности.

§ 5. Система запретов для роженицы в послеродовой период

Послеродовой период считался особо опасным для роженицы и ребенка, ибо в это время, по традиционным воззрениям абхазов, влияние злых духов было особо значительным. Такое представление объясняется тем, что в дореволюционной Абхазии заболевания рожениц и смертность новорожденных детей были особенно велики вследствие отсутствия медицинской помощи. К этому послеродовой период был заполнен многочисленными обрядами, призванными обеспечить благополучие новорожденному и его матери.

Сразу же после родов роженица должна была тщательно

вымыться. Затем ее укладывали в мягкую и чистую постель, старались сохранить в доме тепло, ибо считали, что «после родов она вновь родилась и начала жить»¹. Роженице готовили легкую питательную пищу: давали горячий отвар фасоли, молоко, курятину. Ни в коем случае не разрешали пить холодную воду, считалось, что от этого она может лишиться молока, простудиться. Однако в народе говорили, что роженица настолько голодна после родов, что если даже ей дашь старую обувь, она съест ее не задумываясь. Поэтому, как только повитуха укладывала роженицу в постель, она начинала готовить ей молочную кашу. После родов роженице запрещали есть острую и соленую пищу, особенно лук и чеснок, считалось, что запах переходил на молоко матери, отчего ребенок не стал бы его есть. Обычно измученная родами роженица быстро засыпала. Старались не оставлять ее одну в доме. Около нее неотлучно находилась повитуха, которая одновременно следила и за ребенком. Самыми опасными днями в послеродовой период женщины и ее ребенка считали третий и седьмой день после родов. В эти дни особенно тщательно следили за ними, прибегая к различным магическим приемам. Так, новорожденному мальчику под подушку клали пулю или кинжал с целью отогнать злых духов, а также обеспечить будущий успех в военных делах и охотничьих предприятиях; девочке под голову клали деньги и отрез на платье.

Роженице запрещалось после захода солнца выходить из дома, не взяв с собой оберега от злых духов. Таким оберегом чаще всего служил нож или какой-нибудь металлический предмет. После возвращения она подходила к очагу и поправляла горящие поленья. Считалось, что этим действием она очищает себя и отгоняет злых духов, преследовавших ее. В то же время и в послеродовой период магические приемы охраны здоровья молодой матери сочетались с рациональными правилами. Так, роженицу после родов освобождали от всех тяжелых работ: она не ходила за водой, не работала на огороде, не молола на ручной мельнице и т. д. Если роды проходили нормально, роженица оставалась в постели после родов не менее трех-четырех дней. Подняться раньше было нельзя, так как это считалось позором для родных мужа женщины, «навело бы на мысль, что они насильно заставили ее подняться раньше срока»².

У абхазов роженица считалась «нечистой» в течение четырех-

¹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 17.

² Смирнова Я. С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху. М., 1949, с. 323.

пяти недель. В связи с этим в первые дни недели ей не разрешали подходить к очагу и готовить пищу, доить коров и т. д. После двух-трех недель эти послеродовые запреты немного смягчились. Интересно, что не только роженица, но и повитуха считалась «нечистой» после того, как она приняла роды. Для того чтобы «очистить» себя, повитуха, как уже указывалось, сразу после родов купалась и стирала свои вещи. Однако и после этого как подчеркивали многие информаторы, чьи матери были повитухами, они в течение нескольких дней (до недели) после принятия родов их матерями, брезговали есть пищу, приготовленную ими.

В первые дни после родов к роженице и ребенку старались допускать как можно меньше людей, чтобы их не сглазили. Когда роженица впервые вставала с постели, совершался обряд «агылара», что значит «подниматься», «вставать». Обычно его проводили в четверг. В нем принимали участие только женщины: близкие родственницы, соседки и их дети, приглашенные свекровью. Гости приносили свежий сыр для начинки пирогов, пшеничную муку, битую птицу. Хозяйка резали козу, готовили абысты (род мамалыги), акуакуар (отварные лепешки, начиненные сыром), традиционный пирог с сыром (ачаша). Обрядовой трапезе предшествовало моление, которое проводила пожилая женщина, непременно «чистая», т. е. неспособная к деторождению, хорошо знавшая молитвы. Молельщица брала пустую тарелку, три раза обводила ею вокруг роженицы и ребенка, затем тарелку уносили, а молельщица брала один из акуакуаров и просила Ажъахара быть милостивым к роженице и ребенку: «Чтобы с этого дня все болезни прошли мимо вас, чтобы ребенок рос здоровым»³. Есть обрядовую пищу имели право только женщины и дети. Считалось, что мужчина, съевший пищу, приготовленную для этого обряда, лишался мужской силы. По окончании обряда молельщице дарили деньги и материю на платье.

После родов женщина не имела права ходить за водой, пока не был совершен обряд принесения жертвы водяной деве Дзылан. Обычно днем проведения этого обряда являлся четверг. Роженицу выводила к воде старушка-молельщица. Собирали женщины, резали белого петуха и курицу. Роженица шла к источнику воды с кувшином, взяв с собой вареную курицу и яйцо. Молельщица брала яйцо и, обводя им вокруг головы матери, бросала его в воду, произнося при этом: «Чтобы с этого дня водяница вод Дзылан стала покровительницей роженицы и, когда

бы она ни приходила за водой, пусть Дзылан не мешает ей»⁴. Молельщица мочила в воде платье роженицы, наполняя водой кувшин. После этого роженица и молельщица возвращались домой. Дома воду выливали в корыто, сбоку ставили две зажженные свечи, на стол клали курицу, два акуакуара. Молельщица вновь произносила молитву и все приступали к еде. Обрядовое хождение к воде после родов существовало и у других народов Кавказа.

В Бзыбской Абхазии на третьей неделе после рождения ребенка, в пятницу устраивали моление в честь новорожденного «Аныхаатэыг». О проведении этого обряда свекровь заранее сообщала своим соседям и близким родственникам; через специального посланника оповещались родители роженицы. Все приглашенные приходили в дом с подарками для роженицы и ребенка. В этот день мать роженицы привозила с собой люльку со всеми необходимыми принадлежностями, маленькую скамеечку для сидения, одежду новорожденному. Приглашалась на это моление и опытная молельщица — старая, почитаемая на селе женщина. Состоятельные хозяйки по этому случаю резали козу, люди победнее обходились одними курами.

Вначале молились божееству Ажъахара. Обрядовая пища состояла из круглых хлебцов, начиненных сыром (ачагъежь), абысты, курятины, ореховой подливы, вина, водки. Специально для этого обряда резали курицу акатажа, на месте, где родился ребенок, резали цыпленка акатаршыц, готовили свечку. Молельщица, наизав вареные сердце, печень, головку курицы на ореховую палочку, молилась, чтобы роженица и ребенок не знали болезней, чтобы Ажъахара смилостивился над ними. Молельщица зажигала свечу, брала кусочек сердца, печени, хлеба, и, облив их вином, клала на возвышенное место. Роженице давали попробовать немного пищи, приготовленной для этого обряда. На месте, где родился ребенок, молельщица клала сердце и печень курицы, предварительно облив их вином и трижды обведя ими вокруг головы роженицы. Затем все пробовали обрядовое угощение и произносили тост за здоровье роженицы и ребенка. На этом моление Ажъахара завершалось.

Для Аданыкэа готовили обильную пищу. Варили абысту, аилдж (абыста с сыром), круглые хлебцы, начиненные сыром, курятину, готовили ореховую подливу (арашы сызбал), вино, водку. Для этого обряда резали белую курицу для духов покойных, а также петуха, предназначенного для тех, кто сопровождает духа

³ АИЭ, ПКА, 1982, л. 12.

⁴ АИЭ, ПКА, 1983, л. 51.

(арбагъ, иеыџџа рхэы хэа), ставили свечку. Действия молельщицы были аналогичны действиям, совершавшимся при молении божееству Ажьахара.

У абхазов проводили также специальное моление в честь «царицы земли» («Адгьыл-чча» в Бзыбской Абхазии, «Адгьыл-Дадуџал» в Абжуйской Абхазии). Для этого обряда варили абысту, пекли пироги и четыре круглых акуакуара из пшеничной муки, начиненных свежим сыром. Готовили также две свечи. Во время молитвы ребенок в люльке располагался справа от молельщицы (головой на восток), а роженица становилась на колени рядом с люлькой. Держа годовалого петуха левой рукой, молельщица обращалась к «царице земли»: «Адгьыл чча, тебе посвящается проводимое моление. Просим тебя, чтобы ты была милостива к роженице и ребенку и с сегодняшнего дня ни в чем не мешала роженице в ее хозяйственных делах. Мы выкупили ее, мы молимся». Затем молельщица обводила петуха вокруг молодой матери и люльки, в которой лежал ребенок. Роженица поворачивалась кругом три раза и низко кланялась. Молельщица резала жертвенного петуха на месте свершения обряда, а перед началом трапезы она еще раз читала молитву. На стол, покрытый не использовавшейся до этого белой скатертью, ставили вареного петуха и приготовленные блюда. Два акуакуара молельщица клала на грудь молодой матери, один — на пупок ребенка, молясь, чтобы с этого времени мать и ребенок не болели.

Церемония завершалась тем, что молельщица обводила поочередно вокруг головы роженицы и ребенка свечами, которые затем зажигала и прикрепляла к деревянной стойке. Жертвенную пищу имели право есть только родители ребенка.

В заключение следует отметить, что большинство родильных обрядов имело рациональную основу и вытекало из многовековой практики народа. Вместе с тем, часть их имела магический смысл и была связана с представлениями об уязвимости роженицы и ребенка. Именно этими представлениями и объясняется стойкая сохранность обычаев и обрядов предродового периода.

К настоящему времени традиционная родильная обрядность значительно сократилась (главным образом за счет исчезновения различных магических обрядов) и во многом трансформировалась. Наиболее стабильными оказались обычаи и обряды предродового периода, по народным воззрениям способствующие умственному и физическому развитию ребенка, благополучному исходу родов, хотя и здесь, несомненно, произошла существенная трансформация. Следует отметить стойкость бытования представлений о необходимости соблюдения пищевых запретов. Поверья же о действиях, якобы оказывающих влияние на здоровье и внешность

ребенка сохранились в значительно меньшей степени. Мало соблюдаются ныне запреты, которые прежде налагались на поведение мужа во время беременности жены. Значительно трансформировались послеродовые обычаи и обряды. Так, сроки проведения некоторых молений, сопровождавшихся жертвоприношениями «Адэныкэ», «Адгьыл-чча», устраивавшиеся раньше в разное время, проводятся теперь в один день. Если раньше есть обрядовую пищу имели право только женщины и дети, то в настоящее время в еде принимают участие и мужчины.

Часть абхазов из лиц старшего возраста еще следует обычаям и обрядам, имеющим своей целью, по традиционным воззрениям, предохранить ребенка и предметы, связанные с ним, от злых духов.

Обрядовая сторона первых лет жизни абхазского ребенка представляет собой ряд обычаев и обрядов, которые выражали традиционные приемы ухода за новорожденными и богатый опыт абхазского народа в области воспитания детей.

Анализируя понятие «традиционные формы воспитания», И. С. Кон пишет, что это понятие само по себе многозначно и относительно, и обозначает «нечто старое, историческое, укорененное в прошлом данного народа, в противоположность современному, новому, возникшему недавно или привнесенному извне...¹». Разграничение традиционных и нетрадиционных форм воспитания всегда условно, оно не имеет смысла вне конкретной системы отчета и истории данного общества². Традиции трудового, физического, умственного, нравственного и эстетического воспитания передавались из поколения в поколение. Народная память сохранила много морально-этических формул в устном творчестве народа, которые отражают отношение к детям в семье, их воспитанию, взаимоотношению родителей и детей, детей и старших членов семьи. Пословицы, как одна из форм философского мышления народа, выражали и морально-этическую сторону воспитания детей: «Нелегкое дело воспитать ребенка», «Тот, который не воспитал ребенка, не сможет утешить старика», «Ребенок говорит то, что он слышит от родителей»³ и т. д.

§ 1. Обычай и обряды первых лет жизни ребенка

Воспитание детей у абхазов сопровождалось выполнением сложного комплекса обрядов. Богатством и многообразием от-

¹ Кон И. С. Введение в кн.: «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии». М.: Наука, 1983, с. 4.

² Там же, с. 5.

³ АИЭ, ПКА, 1983, л. 77, 79; ПКА, 1984, л. 98, 99.

личается обрядовая сторона первых лет жизни ребенка, ибо по представлениям абхазов, именно в этот период, особенно до года, ребенок считался легко подверженным влиянию «нечистых сил», «злых духов» и различных болезней. В силу этого осуществлялось строгое соблюдение обычаев и обрядов, связанных с первыми годами жизни детей. По народным верованиям, исполнение этих обрядов гарантировало здоровье и благополучие матери и новорожденного, а также счастье ребенка на всем протяжении его жизни, успеха в выбранной им профессии, благополучие в семейной жизни и т. д.

Для обрядности детского цикла абхазов было характерно наличие пережитков архаических явлений социального порядка и религиозных представлений. К такого рода обрядам относится процесс укладывания новорожденного в колыбель (агара). Этот обряд сопровождался различными магическими действиями, которые якобы должны были способствовать здоровью и быстрому росту ребенка. В частности, большое внимание уделялось человеку, который впервые должен был уложить ребенка в агару. Особо важно было, чтобы в этой роли выступала здоровая и многодетная женщина, поскольку, по мнению абхазов, эти качества должны были перейти и к ребенку. Однако в некоторых случаях в обряде укладывания ребенка принимал участие подросток (чаще девочка 8-10 лет), символизирующий и как бы передающий ребенку магическую силу чистоты и целомудрия. Аналогичные представления о характере, возрасте и здоровье человека, впервые укладывающего новорожденного в колыбель, мы встречаем у многих народов Кавказа и Средней Азии¹.

Новорожденного, как правило, укладывали в агару на третий или седьмой день после рождения. Лучшими днями для укладывания в агару считались вторник, четверг и суббота, тогда как понедельник относили к особо неблагоприятным дням, ибо этот день якобы «мешал росту ребенка»². Перед тем как уложить ребенка в агару, произносили разнообразные пожелания: «Чтобы ты светился, как солнце, налился, как луна» («Амра еиџш уџхааит, амза еиџш утџааит») или же «Чтобы ты вырос и окреп побыстрее, чтобы у тебя был сладкий и спокойный сон» («Узхааит, узыџааит, уцџа хаазааит, итынчзааит»). Подобные формулы проносили каждый раз перед укладыванием ребенка в агару.

¹ См.: Бесаева Т. З. Обычай и обряды осетин., л. 68; Соловьева Л. Т. Обычай и обряды грузин., л. 78, 79; Чвырь Л. М. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений. С. 133.

² АИЭ, ПКА, 1982, л. 38, 45.

Судя по литературным и полевым источникам, в XIX веке этот обряд исполнялся более пышно, с приглашением большого числа людей, в частности, соседок, близких родственников и т. д., с устройством угощения, обязательным одариванием женщины, исполнявшей обряд и т. п. Но уже в начале нашего столетия многие элементы обряда утратили прежнее смысловое и символическое значение. Так, например, участие в обряде принимали только члены семьи, а исполнительница обряда приглашалась лишь в том случае, если среди домашних не находилось женщины, обладавшей всеми необходимыми качествами. При первом укладывании новорожденного в колыбель перестали строго придерживаться определенных дней недели. Однако понедельник по-прежнему считался неблагоприятным днем для выполнения этого обряда.

Первые годы жизни ребенка сопровождались целым рядом магических действий. Среди них был широко распространен обычай, по которому рекомендовалось впервые выносить ребенка из дома до захода солнца, в ясную солнечную погоду, чтобы он рос «светлым и жизнерадостным», или же по другой версии «чтобы у него был хороший характер»³. При этом лоб или щеки ребенка обязательно мазали сажеей или углем, чтобы «злой глаз не повредил ему»⁴. Соседи и родственники, впервые увидевшие ребенка, обязательно должны были преподнести ему подарки. Чаще всего новорожденному дарили ткань на рубашку, яйцо, курицу, деньги. «Каждый родственник или хороший знакомый, впервые зашедший в дом и взявший ребенка на руки, одаривал его чем-нибудь, чаще всего деньгами, высказывая этим свое внимание»⁵.

Особый обрядовый цикл был связан с появлением и ростом зубов у младенца. При этом существовал ряд запретов, которые условно можно разделить на следующие группы:

1. запреты, действовавшие до появления зубов;
2. запреты, связанные с появлением первых зубов;
3. запреты, связанные с выпадением первого молочного зуба.

Взрослые всегда проявляли особый интерес к появлению зубов у детей. Когда ребенку исполнялось 5-6 месяцев, мать все чаще проводила пальцем по деснам ребенка, пытаясь определить, не прорезываются ли зубы. Но как только она или кто-нибудь из старших женщин в доме замечали, что у ребенка набухают десны, запрещалось трогать их руками, поскольку было рас-

пространено мнение, что при несоблюдении этого запрета, зубы будут расти кривыми и косыми.

До появления первых зубов нельзя было расчесывать волосы ребенку. В этом случае считалось, что пользование расческой явится причиной того, что зубы вырастут редкими, отдаленными друг от друга, подобно зубьям расчески. Широко было распространено представление о том, что ребенка нельзя подносить к зеркалу до появления первого зуба. Этот запрет объяснялся целым рядом причин. Предполагалось, что ребенок может испугаться своего отражения или, увидев себя в зеркале в раннем детстве, вырастет некрасивым. Считалось также, что если новорожденный увидит себя в зеркале, то ему не повезет в семейной жизни, поскольку его жена или муж (в зависимости от пола ребенка) умрет раньше него⁶. С запретом подносить ребенка к зеркалу связывались также и всевозможные расстройства желудка. С появлением первого зуба все эти запреты снимались.

После появления первого зуба у абхазов действовал лишь один запрет, по которому нельзя было считать вырастающие зубы. При несоблюдении этого запрета зубы якобы вырастали болезненными и могли быстро выпасть. У многих народов появление первого зуба сопровождалось различными обрядами, у абхазов же специальные обряды, посвященные этому, отсутствовали. Но если выпадал первый молочный зуб, то выполнялись определенные магические действия для того, чтобы новые зубы росли крепкими и здоровыми. Так, в некоторых случаях выпавший зуб, завернутый вместе с солью и углем в какую-нибудь чистую материю, забрасывали на кровлю дома или же перекидывали через крышу. Но чаще всего выпавший зуб ребенка прятали в щель дома или стены вместе с вышеуказанными апотропеями. При этом приговаривали: «Кузнечик, кузнечик, даю тебе старый (зуб — С. Д.), дай мне новый» («Арцу, арцу, ажә устоит, аҭа сыт»). Это пожелание широко было распространено у бзыбских абхазов, а в Абжуйской Абхазии в этом случае говорили: «Мышка, мышка, даю тебе старый (зуб — С. Д.), дай мне новый». Так повторяли трижды, но при этом табуировалось само слово «зуб», считалось, что с произнесением этого слова зуб вырос бы нездоровым⁷.

С внешней формой зубов абхазы связывали характеристику ребенка, состояние его здоровья в будущем. Мелкие и ровные зубы считались признаком будущей красоты, а большие — при-

³ АИЭ, ПКА, 1983, л. 58.

⁴ АИЭ, ПКА, 1983, л. 58, 60.

⁵ Смирнова Я. С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом... л. 131.

⁶ АИЭ, ПКА, 1984, л. 15, 24.

⁷ АИЭ, ПКА, 1982, л. 18, 19, 24; 1983, л. 38.

наком здоровья. Если у ребенка долго не появлялись зубы, это не вызывало огорчений, поскольку бытовало мнение, что в этом случае зубы будут прочными, крепкими и не подверженными заболеваниями⁸.

Особое внимание уделялось подбору имени ребенка. С рождением ребенка каждый член семьи, сосед, ближайший родственник предлагал желаемое имя, но принималось то, которое получало одобрение большинства и особенно нравилось старшим в семье, причем согласия матери на это не требовалось. Право решающего голоса обычно принадлежало главе семьи, чаще не отцу, а деду. Получить право наречь младенца именем означало удостоиться высокой чести. Тот, кто нарекал ребенка, обязательно дарил ему что-нибудь. Новорожденному давали имя почетного гостя, зашедшего первым после рождения ребенка. Также правом выбора имени младенца пользовался и гость, находившийся в доме в день наречения ребенка. Очень часто ребенку давали имя, которое выбирал дядя по материнской линии. Бывало, что он заранее, до рождения ребенка, предупреждал семью, что хочет выбрать ему имя. Каким бы это имя ни было, если даже оно не нравилось членам семьи, все равно давали имя, выбранное дядей по матери.

Ребенка не называли именем отцовских и материнских предков, так как у абхазов бытовал обычай, запрещающий жене обращаться по имени к мужу и его старшим родственникам. Она не произносила их имена не только в их присутствии, но и в их отсутствие. Она также не должна была произносить тех слов, составной частью которых является имя кого-нибудь из близких родственников мужа. Муж в свою очередь также не называл по имени старших родственников жены. Поэтому при выборе имени новорожденного учитывалась необходимость соблюдения этого обычая⁹.

Считалось, что ребенка нельзя оставлять без имени дольше недели, а то «бог не простит, как будто бы не рады ребенку»¹⁰. По-видимому, это объяснение в народе появилось после принятия абхазами христианства, а сам обычай был древнее.

Наречение имени ребенку происходило в торжественной обстановке, с угощением. Если данный обряд совпадал с днем укладывания ребенка в колыбель, а чаще всего это было именно так, то имя, которое заранее семейный совет намечал дать ре-

⁸ АИЭ, ПКА, 1983, л. 39, 42.

⁹ АИЭ, ПКА, 1984, л. 101, 103.

¹⁰ АИЭ, ПКА, 1983, л. 88, 89.

бенку, первым называла женщина, укладывавшая новорожденно-го в колыбель.

В дореволюционный период у абхазов-христиан имя ребенку давал нередко священник при крещении; в выборе имени участвовали также крестный отец и крестная мать.

У абхазов существует четкая граница между женскими и мужскими именами. Наиболее распространенные имена у мужчин: Адамыр, Адгур, Алмсхан, Астамыр, Астана, Ахра, Баджгур, Басиат, Батал, Гуджа, Дамей, Даур, Инал, Кац, Манча, Наур, Синат, Тандел, Хаджарат и другие. У женщин: Амра, Амза, Гунда, Гуранда, Эсма, Мадина, Сима, Хима, Шазина, Шасиа, Шамина и другие¹¹. Кроме полных имен, абхазы давали детям ласкательные имена, которыми они называли детей до совершеннолетия.

Абхазы очень дорожили своими именами. Понятие «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом «ахидз» (ахьыз), а лишение имени (ахьызыхра), как и фамилии (ажалаыхра), считалось большим оскорблением и наказанием¹².

Если у многих народов, в частности, у народов Средней Азии Кавказа, Сибири существовали имена, как бы предохраняющие от воздействия нечистой силы, злых духов и т. д., то у абхазов таких имен-оберегов не было. По сообщению Я. С. Смирновой, абхазы при заболевании детей меняли их имена, однако мы не нашли подтверждение этому факту во время сбора полевого материала. Видимо, этот обычай еще помнили в то время, когда Я. С. Смирнова проводила свои исследования в Абхазии (1949 г.), в наши же дни он уже забыт.

Абхазы-христиане ребенка крестили. Считалось, что некрещенному ребенку легко могли повредить «нечистые силы» и поэтому старались окрестить ребенка до того, как ему исполнится год. Крестины ребенка старались не затягивать, особенно если он оказывался болезненным. До крещения его старались не выносить из дома по вечерам, не брали в гости к родственникам, не заходили с ним к соседям.

Время устройства крестин во многом зависело от материальных возможностей семьи, поскольку оно сопровождалось угощением, одариванием священника, крестного отца и крестной матери. Полагали, что благополучие и счастье в дальнейшей жизни ребенка зависит от правильного проведения обряда крещения, в частности, от хорошего угощения и непременно одаривания

¹¹ Более полный перечень абхазских имен приводится в книге Ш. Д. Инал-ипа. Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1987, с. 97-98.

¹² Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1978 с. 99.

крестных. Поэтому родители старались придерживаться всех правил обряда крещения. В тех селах, где были церкви, обряд крещения совершали в церкви, в остальных селениях ребенка крестили дома. В этом случае для проведения обряда приглашали священника на дом. Родители ребенка заранее выбирали крестных. Обычно выбор падал на тех, с кем хотели установить близкие родственные отношения. Но в некоторых случаях крестными могли стать близкие родственники или хорошие знакомые. В Абжуйской Абхазии чаще всего в крестные брали холостых людей, а в Бзыбской этому не придавали значения — крестным ребенка могли быть и семейные люди. Верили, что характер крестных оказывает влияние на характер ребенка, поэтому в крестные старались выбирать людей состоятельных, признанных честными и порядочными. Бывали случаи, когда у всех детей в семье могли быть одни и те же крестные. Отказаться от предложения окрестить ребенка считалось большим грехом.

В назначенный для крестин день крестный отец (абазеи) и крестная мать (аназеи) приходили в дом с подарками для ребенка. В состав подарков обязательно входил железный, серебряный или золотой крест, в зависимости от материального состояния крестных. Крестины в доме проходили следующим образом. Деревянное корыто наполняли теплой водой, при этом желательно было, чтобы эту воду разогрела мать. В корыто с водой опускали несколько серебряных монет, для «очищения воды», которые предназначались для священника. Священник для проведения обряда приносил с собой святую воду (азпшья). Он опускал ребенка в корыто, а вынимал его из воды крестный отец. Крестная мать, взяв полотенце, которое было специально привезено ею по этому случаю, брала ребенка из рук крестного отца. Священник окроплял всех присутствующих на крещении святой водой. Полотенце, которым вытерли ребенка, никому не отдавали, его хранили в доме, где рос ребенок. На крещение приглашали родственников, соседей, устраивали угощение.

Крестного отца и крестную мать старались одарить по возможности хорошо. Информатор Гобечия Ирына Котатовна (1884 г.) из села Лыхны Гудаутского района рассказала нам что ее крестному отцу подарили лошадь, а крестной матери — корову. В свою очередь, крестные подарили ей золотой крест с цепочкой, одежду и маленького белого козленка. Ежегодно на Новый год и в день Пасхи крестные приезжали к ней с подарками¹³. Отношение опеки между ребенком и крестным отцом или крест-

ной матерью у абхазов носило характер взаимных обязанностей на протяжении всей жизни, к тому же крещение было одной из форм установления искусственного родства¹⁴. Более того, на крестных родителей возлагалась ответственность за ребенка в случае смерти его родителей. Они являлись главными лицами после родителей в воспитании и материальной поддержке ребенка от крестин до совершеннолетия.

У абхазов существовали особые обычаи и обряды, исполнявшиеся в том случае, если в семье дети не выживали. Одним из таких был обряд «купли-продажи» ребенка. Обряд проводился так. В одну из пятниц в доме, где находился больной ребенок, собирались три женщины — представительниц различных фамилий, одна из которых была мать ребенка. Каждая из них занимала заранее отведенное ей место. Мать становилась во дворе у открытого окна. Вторая женщина становилась у входной двери, третья — у двери внутренней комнаты, брала ребенка из колыбели и передавала его через дверь женщине у входной двери. При этом она говорила: «Я его продаю». Вторая женщина подхватывала ребенка и шла к окну. Передавая ребенка матери через окно, она говорила: «Я могу вам помочь сойтись в цене». Мать принимала ребенка со словами: «Я его покупаю». Эту процедуру они повторяли трижды. Затем посторонние молча расходились, а мать вносила ребенка в дом. В этот день мать не заходила в комнату, где проходила процедура «купли-продажи» ее ребенка и в течение трех дней не купала его¹⁵. Цель этого обряда по представлениям абхазов состояла в том, чтобы обмануть «нечистые силы», внушить им, что ребенок не принадлежит к той семье, которую они преследуют.

В прошлом абхазы проводили обряд «Азы итоу» — молениеладычице вод — богине Дзызлан. Этот обряд, в основном, выполняли семьи, проживавшие на берегу рек, видимо, чтобы богиня оберегала ребенка от несчастного случая в реке. До проведения этого обряда детей вечерами не пускали к воде. В самом обряде принимала участие вся семья с приглашенной старухой-молельщицей во главе. Все участники обряда шли к воде на рассвете, чтобы их никто не заметил. Молельщица выстраивала всех членов семьи по старшинству на берегу реки, лицом к востоку.

¹⁴ Косвен М. О. Кто такой крестный отец? — СЭ, 1963, № 5, с. 97.

¹⁵ АИЭ, ПКА, 1982, л. 77, 80; Аншба А. А. Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси: Мецниереба, 1982, с. 13-14.

¹³ АИЭ, ПКА, 1982, л. 99.

Накрывала их белой марлей так, чтобы концы ее касались земли. Сюда же приносили специально приготовленные для этого обряда акуакуары, начиненные сыром (по два на каждого члена семьи и два акуакуара для Дзызлан и ее подруги), кислое молоко, разбавленное водой, гвоздь, уголь, свечку. Для каждого члена семьи брали по одной монете (10 коп., 20 коп.). Молельщица, встав лицом к востоку, брала два акуакуара, яйцо, гвоздь и бросала их в речку, зажигала свечку и ставила ее на берегу, а затем произносила молитву: «Владычица вод Дзызлан, сегодня вся семья пришла к тебе, чтобы выкупаться. Владычица Дзызлан, если ты спишь — проснись, если не спишь — выслушай нас. Просим тебя, освободи их, если есть в чем-либо их вина. Они принесли тебе и твоей подруге еду, деньги; вот тебе гвоздь — построй себе дом. Просим тебя оставить все невзгоды здесь, на берегу реки»¹⁶. Молельщица подходила сзади к стоящим на берегу членам семьи, снимала с них марлю, которую прятала от них. Затем, нагнувшись, она черпала воду руками из реки и обрызгивала всех, раздавала им по два акуакуара, которые они должны были тут же съесть. Затем молельщица брала хворостину и «гнала» всех домой, после чего незаметно удалялась.

В абхазском быту существовал и своеобразный обряд «Аицира» (букв. «родившиеся одновременно»). Абхазы считали, что любое одновременное рождение таит в себе опасность. Прежде всего это касается близнечного рождения, однако, такую опасность не исключало и одновременное рождение (в один день и час) детей в семье или у соседей, которых не разделяет вода (река, ручей), а также одновременное рождение в семье вместе с ребенком телят, котят, щенят, жеребят и т. д. Существовало народное поверье, что в этом случае «силу» мог перетянуть к себе кто-либо один из родившихся (амчра азэ иахь ииасуеит). Если один из одновременно рожденных детей становился хилым, часто плакал, то прибегали к обряду «аицира». Специально для этого обряда в одну из пятниц в доме, где родился больной ребенок, резали жертвенное животное. Обряд проводила старуха-молельщица. Для его проведения было необходимо где-либо по соседству украсть кусок мяса (жыхэтак акэац), или же взять его, не сказав, зачем нужен этот кусок. Мясо нельзя было ни покупать, ни просить, ибо в этом случае оно утрачивало свои магические силы. Обычно достать такое мясо могла мать больного ребенка или кто-либо из родных той семьи, где находился больной ребенок. Могла это сделать и сама молельщица, которая заранее была

¹⁶ АИЭ, ПКА, 1982, л. 39, 40.

предупреждена о предстоящем проведении обряда. Кроме того, нужно было достать воду из семи родников и семь хворостин от саборов разных хозяев. Из сырого теста на фанерном листе, молельщица раскатывала фигурку-манекен (аншьан) — непременно с обозначением пола. Затем молельщица варила мясо на воде, слитой из семи родников, подбрасывая в огонь семь хворостин. Когда мясо было готово, мать, взяв больного ребенка в одну руку, а в другую — фанерный лист с манекеном ребенка, шла вместе с молельщицей, несшей в котелке вареное мясо, во двор. Здесь на чистом месте молельщица рыла яму. Все становились лицом к восходу солнца. Сюда же приходили двое парней с ружьями в руках и становились по левую и правую стороны матери и ребенка. Молельщица быстро раздевала ребенка и купала его остывшим мясным отваром. Затем, завернув его в пеленку, возвращала матери. После чего она сливала отвар в вырытую яму, и взяв у матери фанерный лист с манекеном ребенка, клала его в яму, плача и причитая со словами: «Душа вместо души» («Псык ацынхэрас Псык»). В это время юноши стреляли из ружей, отнимали у матери ребенка и, не оглядываясь, бежали к дому. Мать и молельщица также молча возвращались домой. Сваренное мясо могла съесть только молельщица, проводившая обряд¹⁷. В настоящее время мало кто помнит все действия и элементы вышеописанного обряда. Нам удалось записать его по рассказу жительницы села Абгархук Гудаутского района Харабуа-Смыр Сони Темуришвили (1910 г. рождения), которая не раз принимала непосредственное участие в выполнении этого обряда в качестве молельщицы.

Человеческие волосы абхазы, как и многие народы мира¹⁸, наделяли магической силой. Впервые ребенка стригли тогда, когда ему исполнялся год. До этого времени волосы детям лишь подравнивали, если они дорастали до глаз. При первой стрижке волос, особое внимание обращалось на человека, который должен был провести этот обряд, так как считалось, что его способности (ум, смелость и т. д.) и, в частности, качество его волос (их густота, красота, цвет, блеск и т. д.) передаются и ребенку. Аналогичное представление существовало и у грузин¹⁹. При проведении этого обряда выполнялись и некоторые магические действия, якобы способствовавшие хорошему росту волос. Так, если желали, чтобы у девочки были длинные косы, ее во время стрижки са-

¹⁷ АИЭ, ПКА, 1982, л. 58, 59.

¹⁸ Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1928, с. 76.

¹⁹ Соловьева Л. Т. Обычаи и обряды грузин..., л. 84.

жали на побег тыквы, а чтобы волосы у нее были густыми и курчавыми — на барашка²⁰. В дальнейшем, чтобы у девочки лучше росли волосы, мать во время расчесывания волос тянула косу и приговаривала: «Коса, вырасти, как конская грива!» («Ахцэы, узха аеы апыркэца еипш!»), или же — Моя длина, моя толщина, стань, как волнующееся море!» («Соура, сытбаара, амшын еипш уцэкэырпшо укалааит»)²¹. В Абжуйской Абхазии в этих случаях приговаривали: «Мой рост, моя толщина, чтобы можно было стреножить бедийских коней»²². Иногда, чтобы стимулировать рост волос у девочки, ее сажали в большую плетеную корзину, осыпали ее корой, снятой со ствола вишневого дерева. При первой стрижке волос следили, чтобы человек, срезавший волосы ребенка, и сам ребенок были обращены лицом на восток — «на восход солнца», чтобы «волосы росли так же, как каждый день встает солнце»²³.

Человек, проводивший первую стрижку волос, становился родственником семьи. Существовал и специальный термин, для обозначения этого человека — «амшху амызхыз», (амшэхэы амызхыз) — букв. «тот, который состриг медвежьи волосы» (у ребенка — С. Д.). Было принято, чтобы проводивший обряд человек одаривал ребенка. Для этого он обычно приносил что-либо из детской одежды. В свою очередь, родители ребенка устраивали пышное угощение, приглашали близких родственников, соседей, друзей и одаривали его.

Остриженные волосы не выбрасывали. Чаще всего, завернув их в чистую материю, прятали где-либо в доме или в некоторых случаях подкладывали под большой камень (у абжуйских абхазов). У абхазов было распространено суеверие, что если волосы ребенка после стрижки унесет какая-то птица для утепления своего гнезда, то пока эти волосы не сгниют, человека, которому принадлежат они, будут мучать головные боли. Данный обряд был характерен не только для абхазов, он широко был распространен у ряда народов. Например, грузины состриженные волосы ребенка клали в навоз, «чтобы ребенок был полным», или прятали под крышу»²⁴; украинцы полагали, что «нельзя бросать воло-

сы на дворе, а то птица будет вить гнездо»²⁵. У многих народов существовали и различные магические действия, стимулирующие рост волос ребенка. У осетин стриженные волосы бросали в реку со словами: «Чтобы были быстрые, как река», т. е. росли так быстро и как река были толстые и широкие»²⁶. У украинцев состриженные волосы или сжигали или бросали в воду. «Волосы бросали на «бегущую» воду с целью обеспечить рост и здоровье ребенка, или для того, чтобы волосы росли»²⁷.

Говоря о стрижках у абхазов, следует обратить внимание на то, что если, например, у грузин Хевсурети первая стрижка волос мальчика сопровождалась особым обрядом, то для девочек его не выполняли²⁸, у абхазов же наоборот, первой стрижке волос девочки придавали даже большее значение, чем стрижкам у мальчиков.

Я. С. Смирнова описала обычай, связанный с первой стрижкой волос ребенка у абхазов. Как только ребенок начинал говорить, доставали спрятанные волосы и показывали ему, спрашивая, кому принадлежат они. Если ребенок говорил «корове», считалось, что он будет хорошим пастухом; если указывал на кого-нибудь из присутствующих, полагали, что счастье этого человека будет и счастьем ребенка²⁹.

Различными магическими действиями сопровождалась и первая стрижка ногтей у детей. Обычно ногти ребенка на руках в первые стригли днем, так как по представлениям абхазов душа ребенка якобы днем переходила к ногтям ног. Ногти на ногах стригли ночью, ибо вечером душа переходила якобы к ногтям рук. Состриженные ногти мальчика клали в апхярцу — смычковый музыкальный инструмент, а состриженные ногти девочек — в ачамгур — трехструнный музыкальный инструмент или же гитару. Это делалось для того, чтобы дети выросли хорошими музыкантами³⁰. Позднее, в начале нашего века в некоторых семьях первые состриженные волосы ребенка клали между страниц книги, чтобы «ребенок стал умным и образованным»³¹. Впоследствии, когда

²⁰ Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилища абхазов. Тбилиси, 1982, с. 93; АИЭ, ПКА, 1983, л. 48.

²¹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 17, 19.

²² Хашба Р. А. Абхазский детский фольклор. Сухуми: Алашара, 1980, с. 77.

²³ АИЭ, ПКА, 1982, л. 39, 40.

²⁴ Соловьева Л. Т. Обычай и обряды грузин., л. 85, 86.

²⁵ Гаврилюк Н. К. Указ. раб., с. 182.

²⁶ Бесаева Т. З. Обычай и обряды у осетин..., л. 78.

²⁷ Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981, с. 182.

²⁸ Соловьева Л. Т. Обычай и обряды грузин., л. 85.

²⁹ Смирнова Я. С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху, л. 132.

³⁰ АИЭ, ПКА, 1983, л. 68, 70.

³¹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 71, 72.

ребенку стригли ногти, их обычно прятали в щель где-либо в доме, чтобы домашняя птица их не подобрала, или же закапывали в золу, которую выгребали из очага.

В некоторых случаях для проведения вышеописанных обрядов никого не приглашали. Мать сама выполняла многие действия и обряды, связанные с первой стрижкой волос и ногтей ребенка.

Таким образом, в основе обычаев и обрядов, связанных с стрижкой волос и ногтей ребенка, лежали представления о присутствии им магической силы, которая широко распространена у всех народов мира³².

С детским циклом обрядов был связан и первый шаг ребенка. Мать и все члены семьи с нетерпением ожидали первый шаг ребенка. Если этот момент оттягивался, то есть ребенок долго не начинал ходить, то абхазы в прошлом объясняли это явление тем, что ему мешает «сила земли» (адгьыл амч). Поэтому в Гудаутской Абхазии проводился обряд «Агьыл-Чча», в Абжуйской — «Адгьыл-Дадупал», который обычно выполнялся в тот день недели, когда родился ребенок. Если случалось, что мать забывала, в какой день недели родился ребенок, то моление проводили в пятницу. Готовили специальный обрядовый чурек, начиненный сыром (ачашамгьал). Молельщица обращалась к «царице земли», просила ее развязать ребенку ноги, разрешить ему ходить. В некоторых местах на круглый чурек сверху клали свежий кисломолочный сыр, ставили на него правую ногу ребенка и молельщица вырезала из сыра форму следа ноги, давала это съесть ребенку, а чурек разрезанный на куски, доставался детям, которых специально приглашали для проведения этого обряда. Важно было, чтобы куски чурека дети ели, резвясь и бегая, то есть, находясь в движении. В некоторых селах Абжуйской Абхазии для этого обряда пекли чурек без сыра, потоньше, чтобы он быстрее разламывался. Молельщица неожиданно подносила к ребенку испеченный чурек и произносила: «Как я быстро разламываю этот чурек, пусть также разрежутся путы, связывающие твои ноги»³³. Затем она раздавала куски хлеба детям.

Иногда для обряда «развязывания пут» пользовались шерстяным шнурком, которым завязывали ноги крест на крест. Молельщица разрезала ударом ножа шнурок и восклицала: «Пятки разъединила и отпустила тебя». Затем она брала уголь, щепотку соли, яйцо, выкапывала ямку на месте, где родился ребенок,

³² Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1928, с. 76.

³³ АИЭ, ПКА, 1982, л. 29, 30.

все закапывала туда. Считалось, что после проведения такого обряда ребенок вскоре начнет ходить.

По сведениям Н. Джанашия в Абжуйской Абхазии иногда в тех случаях, когда ребенок долго не ходил, моление царице Земли — «Адгьыл-Дадупал» заменялось молением духу очага. Чап, к которому обращались со следующими словами: «Великий Чап! Если этого ребенка ты поймал в воде, то отпусти его; если же на камне поймал, тоже отпусти; если у соседей поймал, тоже отпусти; если у очага поймал, тоже отпусти; где бы ни поймал, отпусти его, развяжи ноги и отпусти»³⁴.

Интерес в этом отношении представляет абхазское божество очага Чап, которому молились, если ребенок долго не начинал ходить. «Сам он ростом мал, не выше самого очага». По нашей записи Чап обитал в очаге. Раньше устраивавшегося на ночлег у очага предостерегали: «Если ляжешь у очага, поймают тебя, Чап»³⁵.

Детей начинали приучать к ходьбе и стоянию уже с 7-8 месяцев. При этом исходили из того, что девочки начинают ходить раньше, чем мальчики, а худой ребенок способен научиться ходить раньше, чем полный. В основном детей к ходьбе приучали подростки, старшие сестры и братья.

Не давали ребенку возможности ползать, ибо считалось, что, если он начнет ползать, то долгое время не научится ходить. Старались также, чтобы младенец не падал, так как, испугавшись первого падения, ребенок долгое время не сможет преодолеть страха, а, следовательно, начнет ходить очень поздно.

Ребенка учили ходьбе еще и так: двое взрослых становились друг против друга. У одного из них находился ребенок и он следил за тем, чтобы он не упал, в то время другой отвлекал его внимание какой-нибудь красивой игрушкой и подзывал к себе. Ребенок непроизвольно тянулся к красивому предмету, преодолевая страх, делая таким образом первые самостоятельные шаги.

У абхазов существовали специальные приспособления для обучения ребенка ходьбе. Одним из таких приспособлений была так называемая «арныкуага», то есть «то, что учит ходить». Летом подобные приспособления строились во дворе, в тени дерева, где семья отдыхала от зноя. Строилась она следующим образом: в землю вбивали четыре кола и в них вставляли круглые брусья длиной 1,5-2 метра. Обычно это приспособление для ходьбы

³⁴ Джанашия Н. Абхазский культ и быт. Пг., 1917, с. 206-207; Смирнова Я. С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом, л. 137.

³⁵ Малия Е. М. К вопросу о семантике некоторых изображений на предметах быта у абхазов. — В кн.: Известия. Тбилиси: Мецниереба, 1972, с. 143.

строили на чистом месте, где росла ровная трава. Поставив ребенка между брусьями, следили за тем, чтобы он не садился на землю и не подбирал ненужных предметов. Иногда делали переносную арныкуагу, не вбивая ее в землю, чтобы в ненастную погоду заносить ее домой.

Ребенка до постройки специального приспособления ставили в перевернутую табуретку и здесь он учился держаться и стоять, а затем и ходить. Перевернутая табуретка напоминает современный манеж.

С первым шагом ребенка связано и такое поверие. День, когда он начинал ходить, являлся радостным днем и его старались запомнить. Когда ребенка впервые ставили на землю, желательным было, чтобы под его ногами была подложена шкура овцы или козы, а состоятельные подкладывали деньги, чтобы ребенок, став взрослым, в них не нуждался. Нами была зафиксирована интересная этнографическая деталь. Если ребенок впервые начинал ходить у соседей, то есть где-либо вне дома, то обязательно хозяева должны были одарить его. Цель этого дарения состояла в том, чтобы, став взрослым, он полюбил бы этот дом и двор, как свою родную³⁶.

§ 2. Традиционные приемы ухода за малолетними детьми у абхазов

Изучение традиционных норм воспитания и ухода за детьми у различных народов представляет значительный интерес для этнографической науки. К сожалению, в имеющейся литературе проблемы воспитания детей у абхазов освещены недостаточно. Мы реконструируем здесь традиционную абхазскую систему ухода за детьми в первые годы их жизни в том виде, в каком она сохранилась в конце XIX-первом десятилетии XX века в крестьянских семьях и какой ее можно восстановить сейчас по сообщениям информаторов старшего возраста.

Купание. Уход за кожей. Многие из обрядов детского цикла абхазов, сопровождавшие ребенка в первые годы жизни, представляли собой обряды магического очищения, обеспечения дальнейшего благополучия и охраны здоровья детей. Обряды магического очищения у абхазов очень разнообразны и они почти всегда являются составной частью более крупных ритуалов. К таким обрядам относится и первое ритуальное купание младенца. Первый раз ребенка купали сразу же после рождения или через два-три дня после этого. По традиции впервые ребенок

³⁶ АИЭ, ПКА, 1982, л. 104, 105; ПКА, 1984, л. 67, 68.

обязана была купать повитуха или же свекровь роженицы. По обычаю повитуха должна была навещать роженицу в течение первых трех дней после родов и каждый раз купать новорожденного. С купанием ребенка был связан целый ряд запретов. Так, ребенка нельзя было купать в тот день недели, когда он родился, а также по понедельникам; считалось, что «выкупанный в этот день ребенок плохо растет»¹. Не купали ребенка и в день «амшь-шьара» — день, когда все члены данной семьи должны были соблюдать запрет на выполнение целого ряда работ. Новорожденного нельзя было также купать, если в соседнем доме находился непогребенный покойник. Считалось, что во время купания дух покойника может повредить здоровью ребенка. Купание разрешалось только в том случае, если между этими домами протекала речка.

Ребенка купали в теплой воде, хотя иногда применяли и холодную воду, особенно летом, для того, чтобы «ребенок вырос крепким и никогда не болел»². Основными элементами для очищения ребенка от злых духов во время первого купания считались: кусочек угля, серебряные и золотые монеты (для того, чтобы «ребенок был богатым»)³, какой-нибудь железный предмет (гвоздь, магнит), соль, в некоторых случаях зола или же глина. Аналогичное употребление земли, воды, соли, угля, железных предметов, серебра и золота для магического очищения новорожденного в период первого ритуального купания существовала у многих народов Кавказа, Средней Азии и Западной Европы⁴. По представлениям абхазов, соль использовалась не только в качестве оберега от злых духов, но и считалась полезным для кожи младенца. Иногда в воду добавляли немного винного уксуса, так как по народным представлениям это помогало росту волос и придавало им блеск. В первые месяцы жизни ребенка во время купания

¹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 18, 19, 25, 27.

² АИЭ, ПКА, 1983, л. 19, 25, 27.

³ Там же, л. 27, 28.

⁴ Бесаева Т. З. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка. М., 1976, л. 58; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1976, с. 47; Устинова М. Я. Семейные обряды латышского населения в XX в. М, Наука, 1980, с. 58; Соловьева Л. Т. Обычаи и обряды грузин, связанные с рождением и воспитанием детей. М., 1982, л. 131, 132; Чвырь Л. А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений. — В кн.: Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983, с. 134.

ния не всегда пользовались мылом, считая, что от него может появиться сыпь на теле⁵.

Строго следили за тем, чтобы вода не попала в пупок и уши ребенка, поэтому при купании его клали животом вниз на ладонь руки, крепко придерживая ладонью пупок, а воду лили сверху. Перед началом купания и по его окончании обязательно произносили пожелание: «Чтобы ты рос крепким и здоровым!». Вытирали ребенка мягким полотенцем или же старой мягкой пеленкой. Места наибольшего потовыделения (складки тела, подмышки и т. д.) особо тщательно обсушивали и посыпали трухой от сгнивших досок. Такая труха (иначе ее называли «стенная мука» — «аҭыз шыла») в большом количестве появлялась в сгнивших ольховых досках, ее собирали и хранили специально в качестве детской присыпки. Считалось, что лучше купать ребенка до захода солнца. Если случалось, что его купали вечером или же ночью, то воду не выливали, дожидаясь утра. Утром воду выливали на специально отведенное место, обычно где-нибудь около дома, где бы не ходили люди. Выливая воду, становились лицом на восток, «чтобы ребенок быстрее рос»⁶. Воду нельзя было выплескивать, так как считалось, что ребенок мог бы стать капризным, плохо спал бы, а повзрослев, стал бы несдержанным и резким. Поэтому воду от купания осторожно выливали на землю. Нельзя было выливать эту воду и в специальный водосток. Это якобы могло ослабить в ребенке привязанность к дому, к интересам и заботам семьи. Если мать или отец хотели, чтобы ребенок рос особенно к ним привязан, они должны были умыться водой, в которой купали ребенка⁷. Так как в народе существовало поверье, что чем чаще купаешь ребенка, тем он быстрее растет, то делали это по возможности более часто. Летом ребенка купали обычно чаще, чем зимой, иногда два-три раза в день. Мать также особенно внимательно следила за тем, чтобы у ребенка на теле не появлялось опрелости. Если все же появилась сыпь или потница, в воду при купании ребенка бросали череду (амыркцъы) или же купали его в отваре этой травы. Если ребенок болел, то его не купали, а только обмывали, обязательно смазав тельце топленным козьим жиром. Если у ребенка обнаруживался какой-нибудь физический недостаток, то его старались исправить с помощью массажа.

Особое внимание уделяли форме бровей и носа младенца,

⁵ АИЭ, ПКА, 1982, л. 20, 23.

⁶ АИЭ, ПКА, 1982, л. 17, 18.

⁷ АИЭ, ПКА, 1982, л. 19, 20.

а также росту волос. У абхазов издавна считалось, что разглаживание бровей ребенка придаст им в будущем красивую изогнутую форму, и поэтому мать после каждого купания старательно разглаживала брови ребенка, сопровождая эти движения своеобразными причмокивающими звуками. Кроме того, кончиками пальцев, поглаживающими движениями «вытягивали» нос ребенка, сжимая ему при этом ноздри, чтобы нос не был слишком широк — это считалось некрасивым. Тщательно следили также за волосами (особенно у девочек), так как длинные густые волосы считались украшением абхазики. Если на голове у ребенка появлялись корочки (акәаз) в виде налета перхоти, то после купания головку смазывали прокипяченным подсолнечным маслом или топленным козьим жиром и затем гребешком осторожно счищали. Считалось, что если вовремя не удалить этот налет, он испортит корни волос и помешает их росту. Существовало представление, что если беременная женщина в период беременности нарушала существующий пищевой запрет и ела рыбу, у ее ребенка этот налет образовывался в большом количестве, напоминая рыбью чешую⁸.

Укладывание в колыбель. У абхазов применялась колыбель такого же типа, как и у большинства народов Кавказа, Средней и Передней Азии. Старинную абхазскую колыбель изготавливали, как правило, из липы или каштана. Для изготовления люльки старались не брать дерево с сучьями, чтобы жизнь у ребенка прошла без препятствий. При изготовлении люльки запрещалось разговаривать, оглядываться по сторонам, ходить; все это делалось для того, чтобы ребенок был спокойным, хорошо спал в люльке, чтобы злые духи его не беспокоили. Важно было также, чтобы человек, который делал люльку, имел многочисленное потомство и чтобы все его дети были живы и здоровы. Считалось, что это передавалось и ребенку. Когда шли в лес за материалами для колыбели, важно было, чтобы не было дождя, иначе ребенок мог стать плаксивым. Производя первый удар по намеченному дереву, мастер произносил: «Я беру это дерево для изготовления люльки, чтобы ребенок вырос в ней здоровым и был счастлив»⁹.

Абхазская колыбель (агара) представляла собой маленькую деревянную кроватку с низкими бортами и с ножками, упирающимися в полукруглые дощечки, что обеспечивало ее раскачивание при малейшем прикосновении. У изголовья и в ногах устраивали две дуги с тоненькими планками, на них были нанизаны свободно

⁸ АИЭ, ПКА, 1983, л. 77, 79.

⁹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 80, 84.

передвигающиеся кольца, которые при раскачивании агары издавали бряцание и так же, как колыбельные песни, успокаивали и усыпляли ребенка. Дуги были соединены продольной круглой или точеной перекладной, которая служила опорой матери при кормлении ребенка (когда она кормила его, не вынимая из колыбели, к чему приходилось прибегать очень часто из-за большой занятости женщины, особенно во время полевых работ): взявшись за перекладную колыбели, ее легко можно было переносить с одного места на другое; на перекладную вешали полог и различные игрушки, для того, чтобы ребенок развлекался во время бодрствования, а также и обереги от «сглаза». Низ колыбели делали из досок или же тонких прутьев. По бокам кровати прикрепляли четыре широкие тесьмы. Две тесьмы стягивались на груди ребенка, две — на бедрах. Иногда тесьму заменяли два широких свивальника на шелковой или ситцевой основе. Одним концом свивальники прикреплялись на толстую палку, укрепленную на правой стороне колыбели. Встречались и колыбели, укрепленные с двух сторон палками. Эти палки служили для того, чтобы удерживать ребенка в горизонтальном положении. Основными постельными принадлежностями абхазской агары были—тюфяк (агэабан), одеяло — чаще стеганое (ахыза хычы), подушечка для ног (ашьымхыртэага хчы), пеленка для ног и груди (ашьапкэырша) и одна большая пеленка (аизада), которой накрывали все тело ребенка, лента для завязывания рук и ног, причем лента для ног была намного шире ленты для рук (анапэахэага, ашьапэахэага), палки для укрепления свивальников, расположенные по бокам колыбели (агаркэкаэа). Тюфяк обычно набивали вываренными и тщательно высушенными на солнце листьями самшита; его старались почаще выносить и проветривать. Тюфяк набивали самшитовыми листьями из тех соображений, чтобы он не собирался комками, чтобы поверхность всегда была ровной, и его легко можно было высушить. Зимой, для утепления ребенка, поверх тюфяка клали небольшой по толщине матрас, набитый шерстью или же ватой. На матрас клали вырезанную клеенку (она появилась уже в начале XX века), а поверх нее — кусок материи такой же формы, называемой «атцаршэ». Для отвода мочи применялась бамбуковая палочка «акалам», которая проходила через тюфяк и простынку, имевшие соответствующие вырезы, и опускалась в грушевидную посудину, вырезанную из бутылочной тыквы «акэапей», закрепленную снизу в специальном отверстии на дне колыбели. Бамбуковые трубочки для отвода мочи имели различную форму, в зависимости от пола ребенка. Чтобы трубка не натирала тело ребенка, края вырезанного в ней отверстия заливали воском. Акалам и акуапей старались мыть каждый раз после того,

как ребенка вынимали из колыбели. Колыбель опоясывали красивой материи со сборками (агаркэырша). Летом на нее накидывали тонкий полог (агаркэыршэ) из легкой ткани, чтобы защитить ребенка от света и насекомых, а зимой — более теплое одеяло.

Порядок укладывания ребенка в агару был следующим. В колыбель клали тюфяк, поверх него — простынку. Для пеленания пользовались двумя пеленками; одну клали поперек агары, под спину ребенка (агэкэырша) и обертывали ею верхнюю часть тела, вторую (ашьапкэырша) использовали для пеленания ног и нижней части тела. Затем брали небольшую подушечку для ног (ашьамхыртэага) и клали на колени ребенка. Руки завязывали широкой лентой (анапэахэага) и вытягивали по швам. Младенца прикрывали еще одной большой пеленкой (аизада) и сверху тонким одеялом. На груди и на ногах перевязывали двумя свивальниками, которые представляли собой широкие полосы из ситца или же шелка на твердой основе. Они крепились с помощью палочек на петлях к краю агары. Сверху ребенка покрывали одеялом, зимой, чаще стеганым (абамба хыза). Поверх колыбели набрасывали полог (агаркэыршэ), чтобы свет не мешал ребенку спать. Запеленать ребенка в колыбель старались потуже, чтобы он не мог шевельнуться. Особенно следили за положением ног, они должны были быть туго завязанными и лежать прямо, ибо считалось, что от такого положения ноги будут иметь правильную и красивую форму. Как только видели, что у ребенка развязались ноги, их снова туго пеленали.

Содержать ребенка в чистоте было основным правилом абхазки. В народе говорили, что по убранству агары можно узнать, чистоплотна ли мать ребенка и какая она рукодельница. Обычно новорожденного в колыбель укладывала повитуха или же свекровь роженицы. Желательно было, чтобы впервые ребенка укачала «счастливая» женщина, то есть такая, у которой было многочисленное потомство и все ее дети были здоровы. Новорожденного старались не приучать к постоянному укачиванию и как только он засыпал, раскачивание прекращали. Агару раскачивали на чем-либо мягком, например, на куске овечьей или козьей шкуры или на коврик, чтобы ребенок был спокойным. Считалось, что такое раскачивание и колыбельные песни успокаивали и усыпляли ребенка.

При уходе за ребенком, по представлениям абхазов, считалось необходимым соблюдение целого ряда запретов. Так, категорически запрещалось раскачивать пустую колыбель, поскольку считалось, что вследствие этого ребенок будет беспокойным. Ребенка нельзя было выносить из помещения ночью. Не разрешалось также, чтобы колыбель с уложенным в нее ребенком подни-

мали или переносили с одного места на другое сразу двое людей (это ассоциировалось с выносом покойника); поэтому поднимали ее только в одиночку. Запрещалось укладывать ребенка в агару, где до него рос ребенок, болевший золотухой, а также в колыбель, в которой умер новорожденный. Ребенок лежал в агаре 1-1,5 года, а иногда и дольше. Первые месяцы ребенок почти постоянно проводил в колыбели, лежал на спине в одном и том же неподвижном положении. Ребенка вынимали из колыбели всего два-три раза в день, а ночью, случалось, и совсем не вынимали.

С агарой абхазы обращались осторожно и бережно. Запрещалось выбрасывать ее, сжигать или заменять какие-либо части. Если агара была «счастливой» (зымшьт бзиоу), то есть дети в ней росли здоровыми, ее передавали по наследству из поколения в поколение; если же она больше не имела применения, то ее ставили в одном из углов дома, накрыв какой-либо материей¹⁰.

Колыбельные песни. Любовь матери к детям эмоционально выражалась в нежных, ласковых колыбельных песнях, которые она им пела, укладывая спать. Содержание колыбельных песен было самое разнообразное. В них матери пели о желаемых качествах сына или дочери, желали детям спокойного сна, пели о своих горестях, думах, заботах и радостях. «Колыбельные песни, — как отмечал О. И. Капица, — дают богатый материал. Воспроизводя самые разнообразные и тонкие душевные настроения, рисуя черты бытового уклада, они носят отпечаток национального характера их творцов»¹¹. Исполнителями колыбельных песен у абхазов являлись не только взрослые, но и более взрослые дети, которые зачастую в крестьянских семьях исполняли обязанности няни.

Каждая мать обычно сама сочиняла колыбельные песни, сообразно со своими способностями, стремлениями, душевными переживаниями. Помимо импровизации, встречались и в некотором смысле устоявшиеся тексты песен. Самой распространенной была такая колыбельная песня:

Хэыхэ наани, уа наани,	Хуху наани, уа наани,
Шьышь наани, уа наани,	Шьышь наани, уа наани
Уан даанза умцэуан	Не плачь, пока не придет мама,
Уаб даанза умфыхан.	Спи, пока не придет отец.
Шьышь наани, уа наани,	Шьышь наани, уа наани,
Хэыхэ наани, уа наани,	Хуху наани, уа наани ¹² .

¹⁰ АИЭ, ПКА, 1982, л. 55, 57.

¹¹ Капица О. И. Детский фольклор. Л., 1928, с. 36.

¹² АИЭ, ПКА, 1982-1983, л. 18, 25, 29, 40, 48.

Обязательным рефреном колыбельных песен абхазов является: «Шьышь наани, уа наани, хуху наани, уа наани», то же, что «баюшки-баю». Встречаются колыбельные песни с более сложным текстом. В них содержатся уговоры не плакать, различные пожелания младенцу, биографические моменты из жизни матери и близких ребенка, рассказы о личных переживаниях матери, изложение сказок и т. д. Абхазские колыбельные песни, предназначенные для мальчиков, изобилуют деталями из охотничьего быта: воспеваются меткость в стрельбе, проводятся характерные сравнения с фазаном, диким быком и т. д.¹³.

Хуху нани, уа наани,
Шьышь нани, уа наани,
Твой отец вернется из похода,
А пока замолкни и усни
Мать ушла и до ее прихода,
Спи, мой мальчик, бог тебя храни.
Хуху нани, уа наани,
Олененок спит, поднявшись в горы.
И когда ты вырастешь большой,
Будешь, что олень, на ноги скорый,
Будешь обладать его душой.
Где-то фазаненок спит, с которым
Будешь ты своею схож красой.
Хуху нани, уа наани!¹⁴

В некоторых колыбельных песнях отражались бытовые моменты из жизни разных слоев общества. Например, существовала колыбельная, которую исполняла не одна, а две няни:

Первая воспитательница:
— Спи ли наш ангелочек?
Вторая:
— Спи, спи!
Первая:
— Спи или не спи, не знаю, но
Спит он лесным (т. е. крепким сном).
Сердце у него лесное (т. е. отважное).
Стройненький олененок,
Шапка, шитая золотом,
кунья шуба.
Не успела собака взять след,

¹³ Хашба Р. А. Абхазский детский фольклор. Сухуми: Алашара, 1980, с. 10.

¹⁴ Абхазская народная поэзия. Сухуми, 1983, Перевод Н. Гребнева, с. 72.

Как он уже убил самку оленя.
Ангелочек наш, да будем мы
его жертвами...¹⁵

Анализируя данный текст, следует согласиться с мнением Р. А. Хашба, считающей, что в этой песне отражается обычай аталычества, так как детей дворян и князей воспитывали несколько воспитателей и нянь¹⁶.

Итак, колыбельные песни, сопровождая детей со дня рождения, играют значительную роль в их жизни. Они способствуют развитию слуха, ритма, внимания, успокаивают нервную систему и постепенно, незаметно переносят ребенка из состояния бодрствования в сон.

Кормление. Абхазки кормили грудью до 1,5-2 лет, но бывали случаи более продолжительного кормления. Многие наши информаторы подчеркивали, что они старались кормить ребенка грудным молоком как можно дольше, ибо считалось, что вскормленный грудным молоком ребенок растет здоровым и для него это молоко ничем не заменимо. Причем особенно долго кормили мальчиков, порой до 5-6 лет¹⁷.

Срок кормления зависел еще и от того, как скоро наступала следующая беременность. Считалось, что с наступлением беременности молоко матери становилось вредным для ребенка и не шло ему на пользу, а находившийся в утробе ребенок в этом случае мог умереть от голода. По представлениям абхазов, находившийся в утробе матери ребенок начинал жить и питаться после первого шевеления плода и с этого момента первенца отнимали от груди.

Церемония первого прикладывания новорожденного к груди называлась «открытием рта и смачиванием горла младенца» (ахэычы ифы аартра, икаркы архэыхэара). Этот обряд должна была выполнить мать ребенка. Однако считалось, что сразу после рождения кормить новорожденного материнским молоком вредно, поскольку оно должно было «очиститься». К тому же бывали случаи, что у матери молоко появлялось не сразу. Поэтому чаще всего кормить ребенка в первый раз приглашали соседку, у которой был грудной ребенок. С тех пор семьи

¹⁵ Хашба Р. А. Абхазский детский фольклор. Сухуми, 1980, с. 11-12.

¹⁶ Там же, с. 11.

¹⁷ «Мой сын, вдоволь наигравшись во дворе, прибежал ко мне и просил, чтобы я его покормила грудью, и я его кормила. Ему было пять лет» — говорила нам Халваш Миса Мустафовна, 1885 года рождения, из села Дурипш. С.: АИЭ, ПКА, 1982, л. 89.

этих женщин становились родственными, ибо как известно, молочному родству у абхазов придавалось очень большое значение. Мать сама начинала кормить ребенка уже на второй-третий день после родов. Считалось, что грудное молоко «очистится», если мать выцедит его несколько раз в день. По обычаю, мать при первом кормлении прикладывала ребенка к левой груди, поскольку верили, что в этом случае ребенок будет особенно привязан к матери. Чтобы у нее было больше молока, роженица старалась есть горячие блюда, особенно молочные (для нее готовили различные каши), пить больше жидкости. В первые месяцы после родов, женщине не рекомендовалось есть лук, чеснок, так как считалось, что запах их переходил на грудное молоко. Также не разрешалось употреблять острые блюда, пить вино и водку.

В крестьянской среде бытовали многочисленные поверья, связанные с кормлением ребенка. Так, чтобы не пропало молоко, перед родами женщина старалась садиться подле кормящих матерей, отличающихся обилием молока. Само это качество — отсутствие или обилие грудного молока у женщины — считалось у абхазов прирожденным и даже наследственным. Если у женщины было много молока, то полагали, что у ее дочери не будет недостатка в молоке. Однако, считалось, что молоко может пропасть от сглаза или же испортиться от «перегревания» (афыршра), то есть от тяжелой физической работы, долгой дороги или же от охлаждения (апшалаalara), то есть от простуды. Чтобы кормящей матери не повредил «дурной глаз», грудного ребенка следовало кормить в доме, тайком от чужих людей. Над женщиной, якобы подвергшейся сглазу, читали заговоры. Если заговоры не помогали и у кормящей матери поднималась температура, начинался мастит, то прибегали к различным массажам и выцеживанию молока. Выцеживать молоко полагалось в чистую посуду, а выливать его на определенное «чистое место», на землю.

Соблюдение строгого режима кормления грудью не было обязательным. Обычно кормили, когда ребенок бывал голодным или же беспокойным, сильно плакал. В народе по этому поводу существовала пословица: «Когда плачет ребенок, ему дают грудь (чтобы успокоить)»¹⁸.

Обычно ребенка кормили, не вынимая из колыбели. Матери, только что пришедшей в дом, не разрешали сразу же его кормить. Считалось, что злые духи переходили к ребенку именно через молоко, и поэтому мать сначала должна была с дороги «ос-

¹⁸ Абхазские пословицы. Составитель Х. С. Бгажба. Сухуми: Алашара, 1983, с. 83 (на абх. яз.).

тыть», отдохнуть. Да само молоко в этот момент считалось слишком «горячим» и, как полагали, не пошло бы ребенку впрок¹⁹. Мать кормила ребенка, стоя над люлькой на коленях. Ни в коем случае нельзя было кормить в присутствии старших родственников, особенно мужчин. Если женщина кормила ребенка или держала его на руках, а в этот момент в комнате появлялся кто-либо из мужчин, считавшийся старшим, будь то родственник, сосед или чужой, она была обязана немедленно положить ребенка или передать его одной из женщин и отойти в сторону²⁰.

К искусственному вскармливанию абхазы прибегали только в крайних случаях. При этом считалось, что для ребенка полезнее молоко коровы, непременно одной и той же. Если ребенку было всего несколько месяцев, то это молоко разбавляли наполовину водой, так как цельное коровье молоко, по представлениям абхазов, было слишком жирным. Некоторые считали, что полезно ребенку давать и козье молоко — оно менее жирное и легко усваивается.

Детей начинали прикармливать, как уже отмечалось с пяти-шести месяцев. Обычно для них готовили кашу «аҭышәтрыкь» из кукурузной муки мелкого помола. Насыпав эту муку на сковороду или же в котелок, добавляли топленое масло и ставили на огонь. Непрерывно размешивая муку деревянной ложкой, поджаривали до коричневого цвета, и затем заливали кипящим молоком, добавляли немного соли и сахару. В готовую кашу вместо сахара обычно клали мед. Эту кашу считали очень питательной, поэтому особенно ею кормили худых, истощенных детей. В крестьянских семьях ежедневно готовили кашу на молоке из кукурузной или просяной муки, без поджаривания и добавления масла. С семи-восьми месяцев ребенка постепенно приучали к пище взрослых, прикармливая его абыстой (крутая каша из кукурузной муки) с кислым молоком (аицырқәакәа) или с подливой из фасоли, кипяченым коровьим молоком и т. д.

Когда ребенку исполнялся год, его переводили на обычную пищу взрослых. С этого времени ему давали абысту с различными сырами, сливки, творожную массу, а также айладж с кислым молоком и медом, кипяченое или кислое молоко, с накрошенной в него абыстой, немного фасоли с соленьями, вареное мясо (говядину или курятину) с кислым соусом и т. д.

Обычно детям не давали пшеничную кашу, абысту из проса,

¹⁹ АИЭ, ПКА, 1983, л. 88, 89.

²⁰ Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины, КЭС. М., 195, с. 137.

буйволиное кислое молоко, свежие огурцы и другие кушанья, которые могли вызвать у них расстройство кишечника. Все эти блюда не рекомендовалось есть и кормящей матери. В ее пищевом рационе обычно преобладали мясо-молочные и мучные блюда, мед, фрукты, а также напитки из кислого молока и меда²¹.

Одежда. У абхазов до рождения ребенка не принято было готовить для него одежду. В большинстве крестьянских семей специальной материи для детской одежды и пеленок не предусматривалось. Чаще всего для этой цели использовали ткань старых вещей, куски домотканной материи, выкроенные из поношенного белья, платки матери, полотенца, рубашки, отличавшиеся большой мягкостью. Вообще у абхазов не было принято одевать новорожденного во что-либо новое. В первое время ребенка укладывали в колыбель голым. Впервые надеваемая на ребенка рубашка называлась «амышәхарҭь», что значит «медвежья рубашка». Ее шили из тонкой материи, не очень длинной, прямого покроя, с разрезом спереди; от рубашки взрослых она отличалась цельнокроеными рукавами. Обычно первую рубашку (акьәе—«амышәхарҭь») надевали на ребенка, когда ему исполнялось 1-2 месяца. Рубашку шили из старой сорочки отца, веря в то, что ребенок станет счастливым и больше будет привязан к отцу.

С первой рубашкой ребенка был связан ряд примет и запретов. Считалось хорошим признаком, если эту рубашку шила девочка-подросток, стоя у порога открытых дверей дома. Верили, что это поможет быстрому росту ребенка. Запрещалось подшивать подол рубашки. Считалось, что если это сделать, то у женщины больше не будет детей, и в то же время может помешать росту ребенка²². Нельзя было шить рубашку черными нитками или из черного материала, желательнее было, чтобы она была белого, голубого или розового цвета. Кроме того, при шитье нужно было следить за тем, чтобы нитка не запуталась, если такое происходило, то считалось, что ребенок долго не начнет ходить и при ходьбе ноги у него будут «заплетаться». Нельзя было шить первую рубашку на швейной машинке. Это якобы мешало ребенку при ходьбе и он не начал бы быстро ходить. Фактически рубашка была единственной одеждой ребенка до двух лет. Если ребенок родился зимой, то ему шили одежду, стеганную на вате.

²¹ Копешавидзе Г. Г. Традиционное питание абхазов. — В кн.: Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования. М.: Наука, 1982, с. 97.

²² АИЭ, ПКА, 1983, л. 33, 34.

Когда ребенок начинал ходить, для него шили чупаки из сыромятной кожи

Одежда детей 4-5 лет в основных чертах копировала одежду взрослых. В ней были особенно заметны и социальные различия. В бедных крестьянских семьях, по наблюдениям А. Н. Введенского, она состояла из одних лохмотьев. Относительно детской одежды различных сословий он писал следующее: «Начиная от года и до пяти лет ребенок ходит в одной рубашонке, и только более богатые с двухлетнего возраста натягивают на него узкие холщовые пантолоны. Дети лиц сословий ахуйю (зависимое сословие крестьян — С. Д.), в особенности ахашаала (рабы — С. Д.), можно сказать, ходят даже без рубашонок, так как последние представляют ряд лоскутьев, какой-то неопределенной материи, соединенных кое-где нитками. Нужно удивляться, как при такой костюмировке дети переносят все невзгоды погоды, в особенности зимою, бывавшей весьма холодной в горных частях Абхазии»²³.

Таковы в основных чертах традиционные приемы ухода за малолетними детьми у абхазов, характерные для конца XIX-первых десятилетий XX веков.

§ 3. Обычаи и обряды, связанные с охраной здоровья детей и лечением детских болезней

Этнографические полевые материалы, особенно свидетельства долгожителей Абхазии, а также сообщения некоторых дореволюционных авторов указывают на то, что народные способы лечения детских болезней у абхазов содержали много рационального, приносящего значительную пользу больным. При лечении многих детских заболеваний использовался богатый опыт, накопленный веками эмпирических наблюдений, основанных на применении фитотерапии. Абхазы при лечении различных заболеваний широко пользовались лекарственными травами, употребляя их в качестве настоек, отваров, внутрь и наружно, в качестве мазей в сочетании с воском, яичным желтком, мылом и т. д. Но наряду с рационально-эмпирическими методами лечения болезней применялись и иррациональные способы лечения. Это объяснялось тем, что не находя истинной причины заболеваний, абхазы связывали их возникновение с влиянием сверхъестественных сил, злых духов, «сглаза покойников», «дурного» глаза живых людей и даже животных.

²³ Введенский А. Н. Указ. раб., с. 11.

По воззрениям абхазов, «всякая болезнь, ниспосланная абхазу свыше, это кара богов или духов за неповиновение или ослушание воли их... Заболеть — это, значит, провиниться перед богами или духами умерших предков...»¹ Поэтому сразу с начала болезни, детей начинали «лечить» различными заговорами. В качестве профилактики применяли специальные амулеты из веток «добрых» растений (фундука, кислицы и т. д.), золы, угля, шлака родительского очага, а также выписанных из корана, обязательно муллами, небольших стихов любого содержания. Абхазы верили, что «сглаз» человека имел невидимую магическую силу и поэтому прибегали к различным средствам для того, чтобы избежать «сглаза живого человека» (абзалапш), «сглаза животных» (арахалапш). Сглазить навести злых духов на ребенка, по представлениям абхазов, могли не только посторонние люди, но и родители ребенка. Так, например, к ребенку не подпускали мать, кот урая только что вернулась с дороги или пришла с родника, особенно после захода солнца, пока она не отдохнет. Считалось, что влияние злых духов было наиболее активным и опасным с наступлением темноты и якобы, тогда выходили из-под земли неудовлетворенные поминками души покойников (по поверию абхазов, душа покойника вечно живет под землей в бесконечном мире, который делится на прекрасный рай и ужасный ад). Обиталищем злых духов считались наиболее темные места, источники вод, откуда они наводили на людей «порчу», «вину» или прятались в их тело, чаще в глаза, брови, грудь женщины, чтобы войти в дом и там перейти на детей или первого понравившегося другого члена семьи. «Сглаз» или «дух» покойника можно было занести домой после того, как приходили с похорон или кладбища. Поэтому мать ребенка, придя домой, не подходила к нему, пока «не остывала» (лыпхзы лылабаанза), т. е. пока не проходило определенное количество времени. Если же подойти к ребенку было необходимо, то прежде всего она должна была подойти к очагу, потрогать надочажную цепь, пошевелить горящие поленья, считалось, что лишь тогда преследовавшие женщину злые духи ее покидали². Абхазы, веря в сверхъестественную силу огня, пользовались им для «изгнания» злых духов. Такое представление о магических свойствах огня было широко распространено даже в 20-30-х годах XX века.

Во время сбора автором полевого этнографического материала, многие информаторы подчеркивали, что наряду с влиянием

¹ Джанашия Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, с. 76.

² АИЭ, ПКА, 1983, л. 117, 119; ПКА, 1984, л. 71.

злых духов и сглаза усопших, «сглаз» могут навести на детей и живые люди. Считалось, что «дурным глазом» обладают люди с голубыми глазами и рыжими волосами. Абхазская легенда об Абрскиле содержит также указания на поверье о «сглазе». Герой, указанной легенды, абхазский Прометей — Абрскил беспощадно истреблял людей с голубыми глазами за то, что они могли сглазить как людей, так и животных, причиняя тем самым значительный вред народу³. Когда информаторам задавался вопрос о причинах существования «сглаза» у некоторых людей, большинство из них отвечало, что это не зависит от воли человека, от желания его принести вред кому-либо, а объясняется тем, что человек рождается таким, и поэтому ничем уже этому не поможешь. Как правило, большинство людей, обладающих «дурным глазом», были известны в каждом селе. Бывали случаи, когда обладающий «дурным глазом» сам знал об этом. Так, одна из наших информаторов рассказывала, что неподалеку от них жил мужчина, который обладал этой способностью. Когда он заходя во двор и знал, что во дворе находилась беременная женщина, или молодая мать, или недавно отелившаяся корова, или наседка с цыплятами, или индюшата и т. д., то старался не смотреть на них. А если в доме, куда этот человек входил, был новорожденный ребенок, то он просил, чтобы его вынесли в другую комнату. Он как бы «предупреждал» о возможности сглаза.

Очень часто для лечения от «сглаза», абхазы прибегали к различным видам заговоров. Как известно, заговоры являются одним из видов (словесной) вербальной магии. Они у абхазов имели непосредственное воздействие только на болезнь или на вызвавшие ее сверхъестественные силы. Наиболее распространенными были заговоры от «сглаза» человека (абзалап̄ш) и «сглаза» покойника (апсылап̄ш). Но наряду с этими заговорами, существовали «универсальные», которые способны были исцелить от всех видов сглаза. В качестве примера приведем такой заговор:

Гнилую воду исцелившую,
Лохматое дерево обкорнавшую,
Кобылицу взбаломутившую,
Раскалив, человека взорвавшего,
Раскалив камень раскрошившего,
В семь морей я загнал,

³ Гарцкия В. Из абхазских преданий и поверий. СМОМПК, Тифлис, 1892, вып. 13, с. 34.

В семь святилищ загнал,
Во двор Шашвы⁴ загнал,
На гвоздь Шашвы загнал,
Чффу, Чффу, Чффу!
Выдох мой целебен⁵.

Особенно подвержденным сглазу считался новорожденный ребенок. Ребенка в колыбели старались не оставлять одного, если же матери надо было отлучиться по делам, то под люльку клали веник, сыпали кусочек угля и золы, клали какой-нибудь железный предмет — чтобы «злой дух» не смог подойти к ребенку и испугать его. В Абжуйской Абхазии в этих случаях у изголовья люльки ставили палку дикой яблони, алычи или грецкого ореха. В некоторых случаях у изголовья ребенка на колыбель клали складной перочинный нож (ачақы), который считался сильным средством против нечистой силы.

Ребенка старались не выносить из дома в вечернее время, особенно после захода солнца, так как считалось, что влияние нечистых сил в этот период времени усиливалось. Если все же ребенка приходилось выносить из дома вечером, то принимали следующие меры предосторожности: в одежду ребенка вкалывали булавку, лоб или же щеки мазали углем или сажей, в карман клали какой-нибудь железный предмет (чаще всего маленький перочинный нож, который для этой цели хранили в любом доме, где находился новорожденный ребенок). Сама мать при этом держала в кармане нож. Аналогичные действия и обереги защиты детей от злых духов существовали у многих народов Кавказа⁶.

На люльку, где лежал новорожденный ребенок, в качестве оберега от сглаза вешали черные бусы с белыми крапинками (алап̄шакакац), маленькие камни с отверстиями (ахахэкылцэа), ракушки (амыдаб̄цэа), кожаный треугольник или четырехугольный футляр с выписками из корана (ахаац̄ьашэкэы), веточку дикой яблони (атцэассамахэ). Или в красную материю зашивались такие обереги, как щепотка соли (ац̄ьыхыш кэарак), уголь (арацэа), чесночок (ац̄ыш), гвозди (атцэымб), шерсть черной собаки (алахэыц), экскременты серой собаки или лисы, магнит (амахалдыз), которые вешались на люлечную перекладину, причем на самом видном месте, чтобы вошедший в дом сразу обратил на это внима-

⁴ Шашва (шьяп̄ым) — божество кузни и кузнечного ремесла.

⁵ АИЭ, ПКА, 1984, л. 100.

⁶ См.: Бесаева Т. З. Обычай и обряды осетин..., л. 86-89; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX-начала XX в. М.: Наука, 1978, с. 244; Соловьева Л. Т. Обычай и обряды грузин..., л. 164, 165.

ние. Согласно поверью, они обладали магической силой и оберегали детей от сглаза, от болезней, невзгод и преждевременной смерти. Абхазы конкретно давали объяснение многим из талисманов, оберегавших детей от сглаза. Так, по мнению некоторых информаторов, уголь предназначался для того, чтобы «дурной глаз» был выжжен, а гвоздь для того, чтобы выколоть «злой глаз» и т. д.

Очень хорошим средством от сглаза считали веточку дикой яблони. Согласно легенде, она, как средство от сглаза, была испытана следующим образом. Недалеко друг от друга пахали в поле два пахаря. Этим же полем шли двое мужчин. У одного из них был «дурной» глаз (илапш цэгван). Вначале они поздоровались с одним из пахавших и прошли мимо. Затем, когда они подошли ко второму пахарю, то его волю вырвались и пустились бежать по полю. Отойдя от пахавших, один из мужчин спросил другого: «Я знаю, что у тебя «дурной» глаз, но почему ты своим сглазом не подействовал на первого пахаря и его волов?». Тот ответил: «У первого пахаря шкворень (азьатама) был сделан из древесины дикой яблони, и поэтому на него не подействовал мой сглаз»⁷.

К амулетам от сглаза относились бережно. Их нельзя было ронять на землю, мочить. Особенно бережно относились к амулетам, написанным муллами и зашитым в материю или кожаный футляр. При купании ребенка амулеты снимали с его шеи, а если они были зашиты в одежду, то при стирке одежды, их обязательно выпарывали. При несоблюдении всех этих правил, считалось, что амулеты теряли свою «целебную» силу.

Широкое распространение оберегов у абхазов, как и у других народов, было связано и с крайне высокой детской смертностью. В условиях полного отсутствия медицинской помощи амулеты и талисманы рассматривались как единственные средства, сохранявшие жизнь и здоровье детей.

Одной из самых распространенных болезней абхазы считали младенческую болезнь — аблы (пупочная грыжа). Лекарство от этой болезни в народе называли «аблыхэшэ» — буквально «аблы» — название самой болезни, «ахэшэ» — лекарство, то есть лекарство от аблы. Для лечения применялись такие лекарственные травы, как: очиток бледный, семейство толокнянковые; молочный кожистый, семейство молочайные, которые обычно готовили знахарки по понедельникам и четвергам. На месте, где собирали

корни «аблыхуш», обязательно высыпали щепотку соли, чтобы «дать цену лекарства земли», а также, чтобы «это растение не вымерло и росло впредь»⁸. Хорошо промыв корни и затем растерев их, настаивали несколько дней на кипяченой, но уже остывшей воде. Интересно и то, что воду, на которой готовили лекарство, должны были принести с источника особым образом. Рано утром, женщина, готовившая лекарство, шла к воде, вымыв лицо и руки, набирала полный кувшин воды и, не оглядываясь назад, должна была дойти до дома. Желательно было также, чтобы ее никто не увидел на протяжении всего пути. Такая вода называлась «азхь-амш», что в буквальном смысле означает «азы» — «вода», «хьамш» — не оглядываясь, то есть «вода, которую принесли, не оглядываясь». Такой лекарственный настой давали пить ребенку три раза в день по чайной ложке. В народе считали, что если своевременно не вылечить аблы, то она переходила в грыжу. Обязательно каждому ребенку давали выпить этот лекарственный настой. Считалось, что такое лекарство должна была приготовить соседка или любая другая женщина, но не член семьи, в котором был больной ребенок. В народе по этому поводу существует даже поговорка: «Лекарство матери не поможет ее ребенку» (Ан лыхашэ лхэычы ихэом). По поверью абхазов, считалось, что если у ребенка начинал болеть живот, то таким образом облегчались послеродовые боли у его матери, они как бы переходили к ребенку. Хорошим средством от младенческой болезни аблы считалась желчь медведя, волка или зайца. На чайную ложку выдавливали капелючку желчи и, смешав ее с грудным молоком матери, давали пить ребенку. Лечили аблы еще и отваром укропа (акамазы) или же порошком из сушеной пуповины (ачапан), смешанным с грудным молоком матери. От аблы давали и настой прополиса (абыцэымса). Настой прополиса разрешалось давать только три раза (каждое утро до еды).

Из-за отсутствия профессиональной медицинской помощи в Абхазии абхазы для лечения больных детей вынуждены были прибегать к помощи знахарей и знахарок. При всяком недомогании бабушка или мать ребенка обращались к знахарке, которая объясняла причину болезни влиянием злых духов. Иногда, чтобы обезвредить злых духов, ребенка три раза проводили под надочажной цепью (архнышьна атгара). Этот обряд проводился так: по правую и левую сторону надочажной цепи становились женщины пожилого возраста. Передавая друг другу ребенка, произносили: «С сегодняшнего дня мы освободили тебя от болезней, выкупили те-

⁷ Легенда записана со слов Пкин Яки, жительницы с. Блабурхва Гудаутского района. АИЭ, ПКА, 1983, л. 73.

⁸ АИЭ, ПКА, 1984, л. 33, 34.

бя». При тяжелых заболеваниях детей, особенно сопровождаемых повышением температуры, обращались с молениями к Ажьахаре — покровителю домашнего очага. Для этого моления резали курицу или козленка, в зависимости от степени болезни. Готовили обильную пищу, варили круглые жертвенные хлебцы — акуакуар. Молельщица обращалась к божееству и просила, чтобы ребенок выздоровел.

В Абжуйской Абхазии весьма распространенной детской болезнью считалась болезнь, которая носила название «ажьамра». Основными симптомами болезни считались: повышение температуры, беспричинный, сильный плач до посинения, а также некоторая нервозность (актыр-цырра, атрыкра), которую объясняли испугом, если ребенок некоторое время оставался один в доме. Для того, чтобы вылечить ребенка от этой болезни, в дом приглашали старуху-молельщицу. Она подходила к очагу, брала в обе руки золу и, сжав руки в кулак, начинала, не оборачиваясь, спиной двигаться по направлению к стене, перечисляя все дни недели, начиная со дня заболевания. Каждый день был связан с именем определенного духа. Когда, подойдя к стене, молельщица узнавала имя духа, причинившего болезнь, она швыряла золу и восклицала: «Я тебя, злой дух, ослепила и тем самым обезвредила»⁹.

В Бзыбской Абхазии, когда ребенку не здоровилось, когда он часто плакал без причины, зевал, то применяли следующее средство религиозно-магического характера. Брели горсть муки и соли, хорошо смешав их, делили на три части и клали в три маленьких кисета. Бабушка или же мать брали каждый из кисетов и обводили вокруг головы ребенка, произнося при этом: «Пусть все болезни, которыми ты должен заболеть, перейдут к тому человеку, который поднимет эти кисеты». Затем она шла на перекресток трех дорог и оставляла их там. В Абжуйской Абхазии в таких случаях пользовались зернами фасоли. Взяв несколько зерен, делили их на три части и производили действие, аналогичное описанному выше. Считалось, что это поможет заболевшему ребенку и он вылечится.

Воспаление грудных желез или грудницу у детей лечили крапивой. Сначала молодые побеги крапивы растирали, затем, добавив щепотку квасцов (ашьяб) и свежих желтков, размешанную массу равномерно наносили на ткань и прикладывали на воспален-

ное место, причем сменяли ее до тех пор, пока окончательно не спадала температура¹⁰.

Насморк и простуду в народе называли болезнями от холода или «охлаждения». При их лечении высоко ценились лечебные свойства козьего жира (ацьмахаша), уксуса (абжьей), чеснока (адыш), водки. Ребенка, заболевшего от «холода», вначале хорошо растирали настоем чеснока и водки. Ноги же ребенка заворачивали в материю, намоченную уксусом. Затем растирали козьим жиром ладони, грудь и спину. Давали выпить горячий отвар фасоли (акэдазы), горячее молоко с козьим жиром или же с ложкой меда. На грудь накладывали ткань, намазанную медом, и сверху покрывали теплым полотенцем. Следует отметить, что перечисленные средства оказывали большей частью положительное воздействие на больного. Например, чеснок, настоянный на водке, имел общее согревающее и бактериоцидное воздействие. Известно, что чеснок содержит в большом количестве фитонциды, что и определяет его бактериоцидное действие.

При заболеваниях ушей применяли несколько оригинальных способ лечения. В ушную раковину вставляли трубку из воощенной ткани. Второй конец трубки, торчащей снаружи, зажигали, от нагревания воздух в слуховом проходе становился разреженным и от этого боль стихала. Кроме того, через трубку извлекали образовавшуюся в ушах серу. Средством для лечения ушных болезней считался сок, полученный из веток хурмы и граната, а также моча ребенка, причем обязательно мальчика. Их по несколько капель заливали в ушную раковину, после чего боль стихала¹¹.

Целый комплекс народных представлений был связан с лечением детских инфекционных заболеваний.

Особо опасным для жизни ребенка абхазы считали такую болезнь, как оспа. Боясь разгневать божеество оспы, абхазы называли ее почтительным именем Золотой Зосхан (Ахы Зосхан). В то же время у этой болезни было свое название: ацэырпшзы — «украшающий тело» — в Бзыбской Абхазии или ахцэа — «господа» — в Абжуйской Абхазии. Золотой Зосхан считался покровителем и таких детских болезней, как корь (абцы) и коклюш (аимхэаршэы). Считалось, что оспе нужно лечить особым образом, в отличие от остальных болезней, при этом запрещалось применять какие-либо лекарства. Чтобы «задобрить» божеество оспы, Золотого Зосхана, приносили различные жертвоприношения. Зная, что эта болезнь является инфекционной, к больному никого не под-

⁹ Смирнова Я. С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху. М., 1949, с. 134.

¹⁰ Копешавидзе Г. Г. Абхазы Аджарской АССР. Л., 1978, с. 156.

¹¹ АИЭ, ПКА, 1982, л. 99; ПКА, 1983, л. 20.

пускали, кроме человека, перенесшего эту болезнь. В старину у дома заболевшего оспой строили помост на четырех ножках, который предназначался для того, чтобы родственники и соседи больного клали туда принесенную для него еду. К больному относились ласково, старались выполнить каждое его пожелание, так как «Золотому Зосхану нравится ласка». В семье запрещалось шуметь, ссориться, плакать. При оспе не плакали даже в случае смерти члена семьи, «мол, божество оспы не любит плача, услышит — разгневается и убьет больного»¹². Запах пищи, пар беспокоили божество оспы и поэтому в доме, где лежал больной, старались не готовить еду. Больному оспой запрещалось касаться сыпи, чесаться, так как если с прыща снималась головка, то это могло вызвать гнев у божества оспы. Особенно опасным было стрелять поблизости от дома, где лежал больной, а также запрещалось натравливать собаку на волка. Божество оспы «задабривали» песнями. В селе Джгерда Очамчирского района одна из наших информаторов Багапш Диана Кягуровна (73 года) до сих пор помнит песни, которые исполняли во время заболевания оспой. Она спела нам семь песен, посвященные Золотому Зосхану. Вот одна из них:

Уа радара, рад, о радость,
Уа рада рида господин, уа рад рари,
Уа, у нас гостит Ахи Зосхан.

Господин Хании,
Уараид, уараид, уараид,
Уа раидара, уа золотой, милый,
Уа, Зосхан, спасибо!

«Мне было 9 лет, — рассказывала она, — когда мне приснился такой сон: будто Золотой Зосхан приехал к нам в гости со своими друзьями на белом коне, в белых сапогах (азецки). Он попросил меня снять с него сапоги. Я нагнулась и начала стягивать с него сапоги и порвала их у щиколотки. Золотой Зосхан вскочил на коня, сказав, что через пятнадцать дней будет гостить у нас и галопом выехал со двора со своими друзьями. Так и случилось, прошло пятнадцать дней и вся наша семья заболела оспой. Затем, когда я стала взрослой, меня водили к больным оспой и я пела им песни и ухаживала за ними»¹³.

Интересно и то, что если в Западной Грузии, согласно материалам Пантюхова¹⁴, в конце XIX века оспе представляли в виде всадника, а сам всадник мог быть мужчиной и женщиной, то у абхазов в это же время божество оспы представлялось Золотым

Зосханом и его супругой Ханией, «посещавших» дома верхом на белых конях. Свидетельством тому являются примеры, приведенные жителями села Джгерда.

Основными симптомами кори считались: повышение температуры, появление красных пятен на теле. При лечении кори нельзя было применять лекарства. В народе эту болезнь называли «акэакэапъшь» (красные пятна). За ребенком, заболевшим корью, нужен был особый уход. Если ребенок «остывал», то болезнь могла пойти вовнутрь и тогда больного трудно было вылечить. Больного корью укладывали в чистую постель, накрывали красным одеялом, повсюду стелили красное. О кори говорили: «Из всех цветов корь отдаст предпочтение красному цвету». В комнате, где находился больной корью, поддерживали чистоту, ставили вокруг кровати и на столе полевые цветы, розы, фиалки. Во время болезни ребенка другие члены семьи не должны были заниматься хозяйством, работать в огороде, шить, вязать и т. д. Бабушка или же мать, узнав, что ребенок болен корью, сразу давала обет (акэырбан рыкэырцон). При этом дававшая обет просила о том, чтобы ребенок быстро выздоровел. В комнате, где лежал больной, нельзя было готовить еду, кипятить воду, молоко, стирать, гладить, курить. Если это было возможно, в доме, где лежал больной, лучше было вообще не готовить. В доме нельзя было плакать, ссориться, говорить громким голосом. Родители больного ребенка не должны были разделять брачное ложе. Если кто-либо из родственников или соседей приходили к ним за какой-либо вещью, то им обычно отказывали. Запрещалось что-либо продавать или покупать. Пока ребенок болел корью, его нельзя было купать, а особенно пользоваться холодной водой. Заболевшего корью (или коклюшем) ребенка три раза проносили через отверстие, сделанное под корнями орехового дерева. Зная, что эта болезнь инфекционная, к больному корью приводили здоровых детей, чтобы и они переболели, так как считалось, что в детстве корь гораздо легче переносилась. После выздоровления ребенка, в одну из пятниц, мать проводила обряд жертвоприношения божеству кори. Стол накрывался неиспользованной белой скатертью. Готовили обильную еду. Запрещалось резать что-либо из живности. Выздоровевшего ребенка подводили к столу и его мать, держа в руке стакан воды с медом, произносила: «Данный обет я выполнила, чтобы с сегодняшнего дня ребенок больше не болел, был здоров». Детей, перенесших корь, стригли наголо (осо-

¹² АИЭ, ПКА, 1983, л. 40, 41.

¹³ АИЭ, ПКА, 1982, л. 99.

¹⁴ Пантюхов И. И. О народном врачевании в кавказском крае. МСКМО, 1899, с. 127.

бенно девочек). Считалось, что если этого не сделать, то волосы будут постепенно редеть, плохо расти. Все эти запреты, которые соблюдались при заболевании оспой и корью, оказывали и какое-то положительное воздействие на больного. Этому способствовали: чистота вокруг больного, диета, ласковое с ним обращение и т. д.

Коклюш сопровождался высокой температурой и сильным кашлем. «Это лающий кашель, который заметно отличается от обычного простудного кашля»¹⁵. С древнейших времен у абхазов хорошим средством от коклюша считалось молоко черной ослицы. Больному коклюшем давали пить молоко с козьим жиром, чтобы смягчить горло. В народе существовало поверье, что ребенок, заболевший коклюшем весной, когда распускаются почки, не выздоравливал, пока листья инжира, пожелтев, не опадут. Заболевшего коклюшем ребенка проносили три раза через молодое ореховое дерево, расколотое посередине. Затем расколотые половинки ствола снова соединяли и связывали. Считали, если дерево выживет и будет расти, то и ребенок поправится, если же дерево засохнет, то и ребенок не выздоровеет.

Золотоху (аџшьарџ) лечили различными заговорами, а также отварами листьев зверобоя (ажьарфахь) или череды (амаркџьы). Эту болезнь лечили и мазью, приготовленной из ольховых соплодий, смешанных с яичным желтком. Всю эту массу кипятили и ею покрывали больное место. Особый интерес представляет заговор против золотухи. Во всем тексте заговора преобладают слова рыжий и красный:

Рыжий человек сидит на гнедом коне,
Рыжий человек одевает красный башлык,
Рыжий человек одевает красную черкеску,
Рыжий человек одевает красные брюки,
Рыжий человек сидит на красном седле,
Рыжий человек держит красную нить (камчу).

Он побежал — я побежал(а),

Он прыгнул — я прыгнул(а),

Прошли через Асиныс,

Прошли через деревню Мыра,

По красной скале провели красную змею.

Такой заговор читался шепотом три раза. Считалось, что магическая сила заговора терялась, если кто-либо из окружающих услышит его. Этот заговор можно было передать только троим, иначе он терял силу.

¹⁵ АИЭ, ПКА, 1982, л. 57.

Свинку (ахадарчы) у детей лечили различными согревающими компрессами. Наиболее распространенным методом лечения был такой. Брели горячую, только что сваренную абысту (блюдо, приготовленное из кукурузной муки, сыпали туда немного поваренной соли и всю эту массу заворачивали в тряпку и накладывали на больное место. Когда абыста остывала, ее давали поесть собаке. На больное место накладывали новую повязку. Считалось, что болезнь переходила к собаке.

При воспалении глаз у детей (аблахьаа) глаза закапывали несколькими каплями теплого грудного молока. Как известно, женское молоко имеет бактерицидное действие. Таким образом, материнское молоко ограждало глаза от инфекции и уменьшало воспалительный процесс. При ушибах глаз, чтобы не было синяков, или же при разрывах капилляров, к глазу прикладывали кислomолочный сыр (ашэаза).

Если у ребенка появлялся ячмень, абхазы лечили его различными заговорами. Приведем один из таких заговоров:

Посмотрев через ушко иглы,

Увидела ячмень.

Если тебе расти, то с амбарный столб.

Если же нет,

То сгинь совсем!

Затем к ячменю прикладывали горячую абысту, а когда абыста остывала, ее давали поесть собаке. Считалось, что ячмень переходил к ней. Как известно, вера в возможность передать болезнь животному или другому человеку представляет одно из древнейших воззрений, известных многим народам¹⁶.

При появлении ячменя к глазу прикладывали нагретый наперсток (азыгмацэаз). Видимо, горячая абыста и наперсток играли роль согревающего компресса, а заговор действовал психологически. Все эти действия повторялись трижды. Для лечения ячменя применяли и заговор, при котором брали также щепотку соли и кусочек нитки и закапывали их у амбарного столба, при этом говорили «Пусть растает, как это тает, пусть сгниет, как это сгниет» (Абри шызытуа еиџш узытааит, абри шбаара еиџш убааит), то есть пусть ячмень растает, как тает соль, пусть ячмень сгниет, как гниет нитка. Если заговаривавшая во время заговора случайно произносила слова соль и нитка, то считалось, что заговор терял силу. Хорошим средством лечения ячменя считались и такие действия: ребенка приводили к тому месту, где стоял амбар, и кто-нибудь из старших, подняв его на руки, три раза прикасался го-

¹⁶ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, с. 208.

ловкой ребенка к нижней стенке амбара. Обычно заболевшего ячменем ребенка дразнили: «Ты съел долю собаки и поэтому у тебя выскочил ячмень». Были известны и другие приемы. Об одном из них упоминает Р. А. Хашба. «Какая-нибудь чистая женщина (т. е. женщина в возрасте), проведя рукой по нижней части подола, касается этой же рукой ячменя. Это действие не сохранилось. В первоначальном виде, остался лишь символ его»¹⁷.

Если ребенок становился очень бледным, считалось, что у него появились глисты. Глисты у ребенка выводили так: брали три корня укропа, настаивали их в чистой воде трое суток и давали пить ребенку всего три раза, по утрам до еды. Для этой же цели брали сычуг, настаивали его на сыворотке несколько дней и давали пить ребенку половину стограммового стакана, утром до еды.

При опрелостях кожи младенца пользовались присыпкой — «атызшыла» (т. е. стенная мука), которую получали из сгнивших досок. В большом количестве такая «мука» образовывалась в ольховых досках. Она избавляла кожу от опрелости, сушила ее.

При заболевании кишечника применяли настойку бузины (ам-цырбъы). Черные ягоды бузины засыпали сахаром и плотно закрыв, оставляли на солнце, затем принимали внутрь по чайной ложке три раза в день. Целебным средством считался и отвар из листьев ежевики, корней цикория и корок граната.

При отравлениях детей в первую очередь давали им парное молоко. Когда у ребенка появлялась сыпь, его купали несколько раз в отваре зверобоя (ажьырфахь) или череды (амыркцъы), пока сыпь полностью не проходила.

Появление фурункула на теле ребенка считали хорошим признаком; так как чирий якобы «вытягивал» из организма многие болезни. Когда появлялся гнойничок, на больное место накладывали печеный лук с мылом и завязывали. Считалось, что это способствует вызреванию нарыва. Чтобы извлечь из раны сердцевину гнойника, брали сложенную в два раза нитку и, наложив ее на рану, закручивали в разные стороны. Нитка цепляла гнойную сердцевину, которую выдергивали. Затем, обработав рану водкой, накладывали чистую повязку.

При чесотке готовили отвар из лаконоса (ашьамашъыга). Брали три корня мужского пола (по народной классификации, экземпляры одного растения могут быть разных полов). Хорошо промыв эти корни, кипятили их в ведре воды. Когда вода немного

остывала, ребенка купали в этом отваре. Так повторяли несколько раз, пока больной полностью не вылечивался. Чесотку лечили и мазью, приготовленной из серы, квасцов и коровьего жира. Такой мазью смазывали пораженные участки тела, затем длительное время заставляли греться у открытого очага. Иногда пользовались корнями бузины и лаконоса. Их отваром купали заболевших детей. Чаще сыпь прижигали крепкой водкой и мазали керосином.

При глубоких ранах на теле ребенка, в качестве первой помощи, к ране прикладывали паутину. Видимо, клейкая жидкость паутины способствовала быстрому свертыванию крови. Прикладывали к ране и порезанные на мелкие части сушеные листья табака, земляного червя (ахъацапшь) или же лист подорожника (ахъырбъыц), то есть буквально «лист для ран». Если рана долго не заживала, то ее давали облизать собаке, веря в то, что после этого рана быстро заживет. Известно, что слюна собаки обладает высоким антисептическим свойством.

При кожных болезнях ступней ноги опускали в соленую горячую воду. Так повторяли до полного их излечения.

Таким образом, целый ряд рациональных средств лечения детских болезней у абхазов, возникший в результате эмпирических наблюдений, фигурировал, однако, в их быту в сочетании с религиозно-магическими средствами. Абхазам было также известно, что некоторые болезни являются инфекционными и они или остерегались их (например, оспы), или, напротив, в других случаях старались, чтобы дети ими переболели и тем самым в дальнейшем были невосприимчивы к заболеваниям (например, при кори). При детских инфекционных заболеваниях создавались условия, способствующие более благоприятному протеканию болезни, для чего в частности в семье поддерживались чистота, спокойная и приятная атмосфера, исключающая все, что могло беспокоить и раздражать больного ребенка (шум, плач и т. д.). Вместе с тем, соблюдалась и определенная диета, поддерживаемая всякого рода пищевыми запретами. Здесь также учитывался народный опыт, наблюдения, которые являлись основой при решении вопроса о том, что надо было исключать из питания больного ребенка, а что, наоборот, включать в его пищу. На вполне рациональной основе возникли и такие запреты, как, например, запрет расчесывать сыпь при оспе или купать ребенка при кори. Хотя все перечисленные выше эмпирические средства лечения давали определенные положительные результаты, они все-таки не исчерпывали того арсенала, который был известен к этому времени научной медицине и не могли, конечно, в такой же степени обеспечить выздоровление ребенка, какое могла бы гарантировать квалифицированная вра-

¹⁷ Хашба Р. А. Абхазский детский фольклор. Сухуми, 1980, с. 76.

чебная помощь. Видя, что нередко применяемые средства народной медицины не обеспечивают выздоровление ребенка, абхазы обращались к различным божествам, в ведении которых по народным представлениям находились те или другие заболевания. Это показывает, что народная медицина при всех своих достижениях не могла обойтись без веры в помощь сверхъестественных сил, то есть сна всегда в какой-то мере сочеталась с религиозно-магическими средствами.

§ 4. Народные традиции воспитания детей у абхазов

Изучение традиционных норм воспитания у различных народов представляет значительный интерес для этнографической науки. Как отмечает И. С. Кон: «Не зная, как тот или иной народ воспитывает своих детей, невозможно понять ни его образ жизни, ни особенности его социальной истории»¹.

Как известно, у каждого народа существовали свои нравственные идеалы, собственное отношение к пониманию цели и задач воспитания и практика его осуществления. В формах, методах и всей системе воспитания подрастающего поколения выражались национальные чувства и психология народа, его бытовые устои. Многократно повторяясь и переходя из поколения в поколение, формы и методы воспитания детей постепенно перерастали в систему, становились традиционными. В традициях воспитания закреплялись нормы и принципы взаимоотношения людей, обуславливалось их общественное поведение.

Приемы воспитания ребенка, выработанные массами в неразрывной связи с другими компонентами культурного наследия, являются ценным, сохранившимся с древнейших времен, памятником культуры народа.

Во все времена в истории развития человечества внимание родителей и общества было направлено на обучение подрастающего поколения жизненному опыту старших, передаче им трудовых навыков и правил поведения. «Выдающейся была роль представителей старшего поколения семьи в эстетическом и нравственном воспитании детей: они раскрывали перед детьми богатство народного творчества абхазов и исподволь знакомили их с нормами обычного права, требо-

¹ Кон И. С. Введение к кн.: Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983, с. 3.

ваниями этикета, религиозными предписаниями и другими идеологическими стереотипами»²

Вопросы подготовки молодежи к труду, трудовой деятельности, воспитания трудолюбия занимали центральное место в системе народного воспитания детей у абхазов. Трудовое воспитание являлась одной из главнейших сторон воспитания. Здесь центральное место отводилось приобретению трудовых навыков и умений. В процессе трудового воспитания абхазские крестьяне стремились выработать у детей определенные нравственные качества: честность, правдивость, чувство коллективизма и т. д. Задачей трудового воспитания в абхазской крестьянской семье являлась подготовка детей к труду, формирование у них трудовых навыков, что было возможно лишь при систематическом участии детей в труде совместно со взрослыми. Трудолюбие являлось одним из основных нравственных принципов в среде трудового народа и мерилom человеческих ценностей.

Трудовое воспитание в дореволюционной абхазской семье определялось в первую очередь всей совокупностью социально-экономических отношений и сводилось преимущественно к непосредственному участию детей в физическом труде. Сохранившееся полунатуральное хозяйство абхазов требовало большого количества рабочих рук, особенно в сезон сельскохозяйственных работ, и помощь детей в этот период была очень важна для семьи. Трудовая жизнь детей начиналась очень рано. Уже с 2-3 лет они выполняли несложные поручения взрослых. А с 7-8 лет принимали непосредственное участие в трудовой жизни семьи. Когда начинались сельскохозяйственные работы (начало сева, уборка урожая, сбор винограда и т. п.), дети трудились на полях от зари до зари со взрослыми. В то же время родители старались давать им посильную работу. Строго следили за тем, чтобы дети не поднимали тяжестей и выполняли такую работу, которая была им под силу. Н. М. Альбов писал, что «абхазы стараются по мере возможности не загружать детей, и в том числе и дочерей»³.

В процессе трудового воспитания детей большую роль играло старшее поколение, особенно бабушка и дедушка. Из-за большой занятости и загруженности различными хозяйственными делами, матери очень часто, особенно в разгар сельскохозяйственных ра-

² Смирнова Я. С. Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства). — СЭ, 1982, № 6, с. 43.

³ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии, ЖС, СПб, 1893, вып. 3, с. 318.

бот, оставляли детей на их попечение, и именно они контролировали и определяли их трудовую нагрузку.

Можно выделить два этапа трудового воспитания детей в абхазских крестьянских семьях. Первый этап начинался, когда ребенку было 2-3 года и продолжался по достижении им 7-8 лет. В этот период в процессе выполнения несложных поручений у детей вырабатывались элементарные навыки труда, а также закладывались основы трудолюбия. В народе существовало убеждение, что детей с самого начала воспитания нужно приучать к труду, трудовым навыкам.

В устном творчестве абхазского народа существует множество пословиц и поговорок, где подчеркивается большая воспитательная роль формирования трудолюбия: «Труд воспитывает человека, лень портит его»⁴, (Аусура уае даазоит, аашьара—дыбжьнахуеит); «Трудом добытый кусок сладок» (Цьабаала иурхаз аѳаца хаахоит); «Хороший труд не теряет свой след» (Аусура бзиа ашьтра ызуам); «Труду сопутствует изобилие»⁵ (Ацьабаа абзабаа ацуп) и т. д.

Приучение детей к труду, привитие им трудовых навыков на первом этапе трудового воспитания осуществлялось преимущественно в процессе игр и в подражании взрослым. Одной из главных особенностей трудового воспитания детей в период от 2-3 лет до 7-8 лет было то, что оно проходило совместно, к труду привлекались как мальчики, так и девочки. Таким образом, на первом этапе трудового воспитания детей у абхазов не было разграничения и разделения процессов труда по признакам пола.

Но уже с начала второго периода — с 7-8 лет и до 15-16 лет — происходит резкая дифференциация труда в процессе трудового воспитания детей. Это было вызвано главным образом традиционным разделением хозяйственных работ на мужские и женские. В сугубо мужские занятия входили: пахота, уход за посевом важнейших сельскохозяйственных культур, уход за скотом, стрижка овец, строительство и ремонт дома, доставка топлива, охота и т. д. Чисто женскими хозяйственными делами считались: приготовление пищи и заготовка продуктов впрок, уход за огородом, домашней птицей, доставка воды, уборка дома и двора, стирка, шитье предметов одежды и кожаной хозяйственной утвари и т. д., а также главное — воспитание детей. К полевым работам женщи-

⁴ Абхазские пословицы. Сост. Х. С. Бгажба. Сухуми: Алашара, 1983, с. 41.

⁵ Абхазское народное творчество. Хрестоматия. Учебное пособие для высших учебных заведений. Сост. Салакая Ш. Х. Тбилиси-Сухуми, 1975, с. 44 (на абх. яз.).

ны привлекались редко, а их участие в скотоводстве ограничивалось доением молочного скота (в Бзыбской Абхазии) и чисткой хлебов.

Трудовое воспитание мальчиков и девочек отличалось определенным своеобразием, что обуславливалось разделением труда между полами.

Хозяйственные обязанности между детьми распределялись следующим образом. Девочки должны были учиться домашним работам у своих матерей. Они в основном прислуживали старшим членам семьи — приносили воду, поливали из кувшина на руки, подавали полотенце и т. д., помогали своим матерям во время приготовления пищи. Постепенно в их обязанности начинало входить содержание дома в чистоте и порядке. Они убирали двор, подметали пол в доме, мыли посуду, приносили воду из родника. В девочках родители и остальные члены семьи старались воспитать также скромность, стыдливость, сдержанность, чистоплотность, послушание, уважение к старшим, знание этикета и обычаев.

Мальчиков приучали к работе с шести-семи лет. Уже с этого времени они начинали проводить большую часть времени в обществе деда, отца и старших братьев, которые учили их мужским хозяйственным делам.

В процессе трудового воспитания мальчиков родители стремились выработать в них такие качества, как самостоятельность, терпение и сдержанность, послушание и уважение к старшим, выносливость и храбрость, чувство коллективизма и т. д.

Таким образом, уже на втором этапе трудового воспитания детей предусматривалось вовлечение детей в непосредственную трудовую деятельность семьи. Если на первом этапе трудового воспитания детей большую роль в процессе приобретения трудовых навыков у детей играло старшее поколение (дед, бабушка), то на втором этапе большую роль начинают играть отец и мать, особенно тогда, когда дети начинали принимать участие в хозяйственных работах вне дома, в частности, на полевых работах.

По традиции, девочек приучала к труду мать. Она постепенно привлекала дочь к домашнему труду, прививала ей необходимые трудовые навыки. Ко времени выхода замуж девушка должна была быть полностью подготовлена к самостоятельному ведению хозяйства.

В подготовке к трудовой деятельности особо важно для абхазов было обучить детей какому-либо ремеслу. Большое место уделялось обучению девочек шитью, вышиванию, прядению. Этим чисто женским занятиям их начинали обучать с шести-семи-летнего возраста, вначале в качестве подручных, а затем, все более

усложняя задачи, с десяти-двенадцати лет девочек начинали привлекать к самостоятельной домашней работе.

Обучение девочек определенному виду труда осуществляли в основном бабушка, мать, а также старшие сестры. В крестьянской семье с восьми-десяти лет начинали приучать девочек прясть шерстяные нитки на простом веретене. Как отмечал И. А. Аджинджал: «Мать обучала свою дочь, как мыть шерсть, чесать ее гребнем, прясть и окрашивать материи, нитки, натягивать основу, сидеть за станком, продевать челнок и т. д.»⁶. Из шерстяных ниток девушки вязали разнообразные предметы одежды; чулки, платки, кофты, юбки и т. д. Их обучали и другим видам женского рукоделия и ремеслам — вышивке, плетению, обработке шерсти и тонкой кожи и т. д.

Девочки под руководством старших начинали обучаться шитью всех необходимых в хозяйстве предметов: белья, платья, черкески, бешмета, башлыка, ноговиц и т. д. Им показывали различные виды швов, давая кусочки материи, на которых они тренировались. Девочки «учились также вышиванию разных узоров для украшения одежды, обуви и постельных принадлежностей, вышиванию шелком и золотом»⁷. И уже к совершеннолетию девушка должна была полностью овладеть всеми этими приемами шитья, а также уметь самостоятельно кроить. Девушки, которые хорошо умели шить, кроить, ткать и вышивать, пользовались большим уважением и почетом в народе. О них сочинялись пословицы, поговорки, их слава становилась известной далеко за пределами села. Про таких мастериц говорили: «У птички на лету снимает мерку».

Большим недостатком в воспитании девочки считалось неумение шить. Молодой абхаз при выборе невесты в первую очередь осведомляется, умеет ли девушка хорошо шить и кроить. Очень часто девушке родственники или соседи приносили сшить какую-нибудь вещь, и она в кратчайший срок должна была выполнить заказ. Шитье и вязание близким, родственникам и соседям было безвозмездным.

Одним из любимых занятий абхазских девушек во время долгих зимних вечеров было вышивание. Вышивали различные платки, простыни, скатерти, покрывала, пояса, делали настенные украшения (акыдыршэыла) и т. д., которые готовили как для дома, так и для приданого. Часто девушки собирались в доме

⁶ Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии. Архив АИЯЛИ,

⁷ Там же.

одной из подруг и работали совместно, показывая друг другу сложные узоры для вышивания, в которых преобладали растительные и зооморфные мотивы орнамента. В крестьянских семьях девушки занимались вышиванием в свободное от работы время, а в семьях привилегированных сословий девушки посвящали этому ремеслу все свободное время.

Приготовление пищи считалось у абхазов большим искусством. Приемам приготовления пищи девочек начинали обучать примерно с семи-восьми лет. Мать или бабушка учили девочку, как разжечь огонь в очаге, как поддержать его, как готовить на нем пищу. Считалось большим недостатком в воспитании девушки неумение варить абысту, вкусно приготовить фасоль, выпекать чуречки из кукурузной или просяной муки с сыром (ачашэымгьал) или без него (амгьал), а также готовить другие национальные блюда. С приводом молодой в дом, обычно после трех-четырех дней после свадьбы, в доме жениха собирались его сверстники, чтобы отведать блюда, которые приготовила молодая хозяйка. Особое внимание обращали на то, как она сварила абысту (сваренное ей блюдо так и называлось «атаца быста», что в переводе значит «абыста невестки») и какой вкус имеют приготовленные ею блюда, а также на то, с какой быстротой, умением и сноровкой она обслужила гостей.

С 8-10 лет девочки обычно уже умели доить коров. И с этого возраста их приучали обрабатывать молочные продукты: делать кислое молоко (ахарцэы), уметь хорошо приготовить кисломолочный сыр (ашэаза) и соленый прессованный сыр (ашэеилаца). Особенно девушки увлекались сушкой фруктов и ягод (инжира, яблок, хурмы, персиков и т. д.). Во время сбора винограда они готовили акалмышь — своеобразный кисель из виноградного сока, смешанного с кукурузной мукой. В эту массу опускали нанизанные на нитку зерна мелкого или крупного ореха, которые затем высушивали и хранили. Во время прихода гостей сушеными фруктами, аджанджухой и орехами девушки украшали стол. Хранение сушеных продуктов и ягод считалось обязанностью девушек.

Многие наши информаторы подчеркивали, что они уже в 7-8 лет помогали матерям в приготовлении пищи, а в 12-14 лет готовили самостоятельно большинство национальных блюд. Приготовление пищи не являлось ежедневной обязанностью девушки, она занималась им чаще всего во время полевых работ, когда мать работала в поле, а также во время прихода гостей.

Издавна чисто женской работой у абхазов считалось огородничество. Девочки с семи-восьми лет уже помогали матери на огороде. Они вскапывали землю, разрыхляли ее маленькими мотыгами. Мать показывала дочери, как выращивать всходы, как про-

водить грядки, учила, какое расстояние должно быть между саженцами. Девочка помогала матери сажать лук, чеснок, сеять кариандр, укроп и другие культуры. Одна из наших информаторов сообщила нам, что она с восьми лет работала на огороде и, чтобы «вызвать интерес к работе, мать выделила мне небольшой клочок земли, где я самостоятельно выращивала лук, чеснок, укроп, киндзу»⁸.

В абхазской крестьянской семье девочек рано начинали обучать умению ездить на коне. Это было необходимо, так как у абхазов в рассматриваемый период основными средствами передвижения была лошадь. «В Абхазии, — писал Мачавариани, — нередко можно встретить ночью женщину, одетую в черкеску, скачущую в сопровождении отборнейших всадников во весь карьер на ретивом коне»⁹. Для женщин изготавливались специальные женские седла, на которые девочек с детства учили садиться. От них требовалось умение красиво держаться на коне, правильно и ловко держать плетень. Женская плетень по форме и размерам отличалась от мужской. Она была тонкой, легкой, с изящными украшениями.

Таким образом, уже к совершеннолетию девушка из крестьянской семьи должна была полностью быть подготовленной к самостоятельному ведению домашнего хозяйства, а также уметь занять и развлечь гостей и родственников.

С раннего возраста к трудовой деятельности приучали и мальчиков. За ходом их трудового воспитания больше всего следили дед, отец и старшие братья. «Дед постепенно приучал мальчика к крестьянской работе, передавая ему навыки земледелия, ухода за скотом и различных мужских ремесел — обработки дерева, грубой кожи, а в семьях кузнецов — также металлообработке»¹⁰. В больших семьях в трудовом обучении мальчиков соблюдали определенную специализацию. Одних больше приучали к сельскохозяйственным работам, других — к уходу за скотом. Этот вопрос решал глава семьи, он же мог в случае необходимости отдать мальчиков в обучение к ремесленникам, поэтому в больших семьях были свои кузнецы, плотники, столяры.

Уже с 6-7 лет вместе со взрослыми мальчики перед пахотой очищали поля от стеблей кукурузы, начинали мотыжить, помогали отцу при сеянии и бороновании, следили за посевом, пасли телят, овец и коз. К. Мачавариани, наблюдавший быт абхазов, писал, что

⁸ АИЭ, ПКА, 1983, л. 55.

⁹ Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. СМОМПК, Тифлис, 1884, вып. 4, с. 58.

¹⁰ Смирнова Я. С. Роль и статусы старших в абхазской семье, с. 43.

«мальчики пяти лет пасут домашний скот, а с восьми лет учатся владеть оружием и лошадь, с десяти лет уже принимают участие в делах отца»¹¹. Таким образом, уже с пяти лет у мальчиков начиналась трудовая жизнь.

Особенно загружены они были в период полевых работ. Ранней весной начиналась чистка полей от сорняков и стеблей кукурузы. Эту работу в основном и выполняли мальчики. Во время пахоты они помогали своему отцу, являясь поводьями, идя впереди волов и держась за веревку, привязанную к их рогам. Они внимательно следили за севом. Отец учил сына, как правильно смешивать зерна кукурузы и фасоли, как их разбрасывать по полю во время сева. Детей при бороновании часто сажали на борону, чтобы утяжелить ее вес, в то же время они наблюдали за тем, как происходит этот трудоемкий процесс.

После всходов посева кукурузы разрезали, особенно там, где стебли проросли слишком густо (ажәпаралхра). Отец брал сына в поле и показывал ему, как нужно правильно это делать, оставляя наиболее крепкие и здоровые стебли. При прополке кукурузы, которая производилась мотыгой (аеага), старшие учили мальчиков, как отбирать стебли кукурузы, какое расстояние должно оставаться между стеблями. Когда зерно созревало, приступали к уборке урожая, в которой активное участие принимали и взрослые, и дети. Взрослые жали стебли кукурузы серпами, собирали со стеблей початки, а дети складывали кукурузу в корзины, помогали засыпать ее на арбу (если участок находился далеко от дома, кукурузу привозили на арбе). Любимым занятием мальчиков было управлять волами, запряженными в арбу, держа хворостину в руках.

Старшие мужчины учили мальчиков заготавливать корм скоту. Основным кормом для скота абхазов являлась чала — высушенные стебли кукурузы. Мальчики учились держать серп, жать, складывать снопы и связывать их. Важно было умело связать снопы, чтобы они не развязались при вывешивании их на деревья, где они сушились до начала зимы. Весь этот процесс требовал большого умения, навыков и хорошей сноровки, и мальчиков к этому приучали с восьми-десяти лет.

Абхазы издавна занимались разведением мелкого (особенно коз и овец) и крупного рогатого скота. Скотоводством, в основном, занимались мужчины, им помогали мальчики и юноши. «Дети бедняков, у которых не было своего скота, отдавались в батра-

¹¹ Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазов. Положение женщины в Абхазии. — СМОМПК, Тифлис, 1884, вып. 4, с. 51.

ки к князьям, дворянам и зажиточным крестьянам», у которых они пасли крупный и мелкий рогатый скот...»¹². У абхазов с древнейших времен существовала отгонная система скотоводства, при которой скот отгоняли в горы на летние пастбища. На эти пастбища с восьми-десяти лет отец брал с собой и сына, чтобы он привыкал к пастушеской жизни. В горах мальчики помогали отцу, сторожили жилища пастухов, носили воду, пасли ягнят и козлят. С 12-13 лет их постепенно приучали к доению коз, а с 15-16 лет учили стричь овец. Под наблюдением взрослых мальчики учились готовить молочные продукты, в частности, сыр.

Таким образом, детям приходилось переносить всю тяжесть быта пастухов наравне со взрослыми, и уже к совершеннолетию они становились самостоятельными пастухами.

Отец или старший брат брали мальчиков с семи лет и на заготовку дров. С шести лет они недалеко от дома собирали хворост для разжигания огня в очаге. Старшие показывали им, как рубить дерево, объясняли, в какое время года лучше всего заготавливать дрова на зиму. Старшие мужчины рубили деревья, а мальчики помогали очищать стволы от веток при помощи цалды (аигэышэ) и складывать их. Дрова оставляли сушиться до осени, а осенью отец с сыновьями приезжали на арбе и перевозили топливо домой. Юноши помогали выгружать дрова, расставляли их вертикально, чтобы они не гнили и хорошо просохли. Мальчики пилили дрова, кололи их и складывали под специальный навес.

Одним из древнейших и любимейших занятий абхазских мужчин была охота, которой они посвящали все свое свободное время. С охотой у абхазов было связано значительное число запретов и определенных предписаний. В абхазской мифологии одно из важнейших божеств — это божество охоты — «Ажвейпшэаа», к которому обращались в своих молитвах охотники перед началом охоты. Среди охотничьих запретов важное значение имели табуированные слова; также использовалась особая охотничья лексика (так называемый охотничий язык). Термины, связанные с охотой, выражались в иносказательной форме, так как существовал запрет на названия зверей, на различные охотничьи атрибуты и на имена членов охотничьей группы. Мальчиков, будущих охотников, с детства приучали ко всем правилам поведения на охоте, учили их охотничьему языку, без знания которого их не брали на охоту, считая, что произнесение запретного слова на охоте обрекало бы охотников на неудачу. Подростков и юношей на охоте учили

¹² Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии. Архив АИЯЛИ, л. 16.

песням, исполнявшимся в честь Ажвейпшэаа, словесный текст которых содержал охотничий язык. Например, песня Дад-Иуана (сына бога охоты) почти сплошь состояла из «лесного языка», которую можно условно назвать учебно-воспитательной. Исполнялась в обычных условиях, и не только мужчинами, она служила как бы пособием по изучению лесного языка подростками, будущими охотниками»¹³. С десятилетнего возраста у мальчиков старались выработать навыки поведения, необходимые на охоте: быстро ходить, бегать, ловко прыгать, преодолевать водные преграды, переносить холод и голод, метко стрелять, то есть обучали всем тем качествам, которыми должен был обладать хороший охотник. Для этого мальчиков с восьми-десяти лет для начала брали на однодневную охоту на мелких зверей, недалеко от дома. Затем уже в двенадцать-пятнадцать лет они могли ходить на групповую охоту, где вначале выполняли роль караульных, сторожили стоянки охотников, готовили им пищу. Их брали на охоту в качестве наблюдателей и они следили за действиями взрослых, учились выслеживать дичь, ставить капканы и т. д. Первое участие юношей в охоте отмечалось различными магическими обрядами. Если случалось, что новичок убивал дичь, его поздравляли приветствиями: «Да будет лучше (то есть больше дичи — С. Д.) в следующий раз» (Удыр@атэ еиѳьхааит!), на что охотник отвечал: «Нас обоих ждет» (еицахзыпъшуп), божеству охоты Ажвейпшэаа приносилась жертва.

В семейном воспитании абхазов одно из центральных мест занимало обучение мальчиков ремеслу, в частности, кузнечному, которое высоко ценилось у абхазов. Кузнецы как квалифицированные мастера пользовались большим почетом и уважением. Обучение подростков кузнечному мастерству начиналось с моления в кузнице и приношения жертвы божеству кузницы Шашве (Шъашэы). Посвящение мальчиков божеству кузницы Шашве совершалось следующим образом. В один из кузнечных дней отец, с приготовленными круглыми или конусообразными лепешками и свечами, обращался к Шашве и просил разрешение посвятить малолетнего сына служению ему. При этом отец произносил: «С сегодняшнего дня я посвящаю его... служению тебе. Ниспошли ему теплоту своих глаз и благодать твоего сердца. То, что он знает, будет выполнять чистосердечно, а в чем ошибается по незнанию,

¹³ Аншба А. А. Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси: Мецниереба, 1982, с. 35.

прошу ему простить»¹⁴. Нагретым железом выжигали у мальчика волосы на голове, мусульмане в одну полоску, а христиане в две полоски. Это действие по-абхазски называлось «ахахэбылра», то есть «поджигание волос». Самого мальчика после этого называли «ажыра иазку», то есть «посвященный кузнице».

У Бзыбских абхазов посвящение мальчиков кузнице происходило чаще всего, если дети в семье не выживали, часто умирали. После рождения в такой семье ребенка, чтобы предотвратить смерть ребенка, новорожденного мальчика в течение недели приносили в кузницу и, смазав лоб младенца углем, давали обещание божееству кузницы Шашве, что если он исцелит его и мальчик выживет, то его посвятят служению кузнице. Во многих случаях причиной посвящения кузнице было долгое болезненное состояние мальчиков, и их специально посвящали кузнице, чтобы они выздоровели. «Посвященный кузне мальчик не мог заниматься никаким другим ремеслом, кроме кузнечного»¹⁵.

Обычно профессия кузнеца передавалась из поколения в поколение, от отца к сыну. Сын с восьми-десяти лет помогал отцу в кузнице, следил за поддержанием огня в горне, подавал отцу необходимые предметы, наблюдал за изготовлением различных орудий труда. Уже с 14-15 лет отец постепенно приучал его держать щипцы и молот, показывал, как правильно производить удар по раскаленному железу, как изготавливать различные сельскохозяйственные орудия труда. Подростков часто отдавали опытным кузнецам для обучения, где они обучались два-три года, иногда за определенную плату.

Чаще кузнецы в качестве вознаграждения брали выкованные учениками предметы: шила, гвозди, лошадиные подковы, косы, топоры и т. д. После прохождения обучения кузнечному ремеслу ученики переходили в разряд подмастерьев, и только после трех-четырёх лет становились самостоятельными кузнецами. Наиболее одаренных учеников кузнецы оставляли при себе помощниками. «В кузнице своего отца каждый ученик, обученный кузнечному ремеслу, совершал второе моление, принося в жертву Шашве двухгодовалого холощенного козла. Совершение этого моления разрешало каждому из них приступить к занятиям по кузнеч-

¹⁴ Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969, с. 246-247.

¹⁵ Там же, с. 247.

му ремеслу и к совершеннолетию самостоятельного очередного моления и жертвоприношения»¹⁶.

В процессе воспитания юноши приобретали навыки и в обработке дерева. Деревообработка у абхазов имела давние традиции и носила характер домашнего ремесла. Наличие твердых древесных пород, таких, как самшит, тис, каштан и других, способствовало развитию деревообработки и выделки необходимой в домашнем обиходе утвари. Деревообработка считалась мужским делом. Навыкам по обработке дерева юноши учились у старших. С малых лет они наблюдали за изготовлением предметов из дерева: ложек, кружек, скамеек, столов, корыт и т. д. Для начала их обучали изготовлению лопат для абысты (амхапъ) и разбивалок для фасоли (акудфыршьшьыга) и т. д. Ручки этих предметов украшались резьбой, таким образом, они еще получали и необходимые навыки резьбы по дереву. Предметы домашнего обихода в каждой семье делались своими силами.

Итак, учитывая роль труда в жизни человека и его влияние на становление личности, абхазская народная педагогика призывает с очень ранних лет вырабатывать у детей трудовые навыки и привычки, трудолюбие, привлекая их к посильному труду. Подготовка детей к труду являлась важной, практически необходимой стороной семейного воспитания абхазов. Труд являлся центром всей воспитательной деятельности, через него осуществлялись трудовое обучение, физическое, эстетическое и нравственное воспитание. Родители старались выработать у детей такие черты характера, как целеустремленность, осознание своего долга, трудолюбие, бережливое отношение к орудиям и результатам труда, чувство коллективизма. Труд способствовал формированию у детей таких черт характера, как честность, скромность, послушание старшим.

Большое значение в выработке у детей коллективных навыков труда имел распространенный у абхазов обычай взаимопомощи «аицхыраара» или же «киараз», к которому чаще всего прибегали во время трудоемких работ при пахоте, посеве, прополке кукурузы, уборке урожая и т. п. По рассказам старых абхазок, дети принимали активное участие не только в трудовых буднях семьи, но и в ряде работ, проводимых в порядке патронимической или семейной взаимопомощи. Женщины, молодежь собирались в каждом доме по очереди, например, во время уборки урожая, очистки початков кукурузы и т. д. «В порядке взаимопомощи проводился и сбор грецких орехов. Подрост-

¹⁶ Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии, Сухуми: Алашара, 1969, с. 249.

ки и молодые мужчины сбивали орехи, забирались на деревья и трясли их. Женщины и дети собирали в корзины, затем очищали от внешней корки и сушили»¹⁷.

Часто родители посылали детей оказывать помощь одиноким и больным людям, вдовам во время полевых работ, при сборе урожая винограда, в приготовлении топлива на зиму и т. д. Все это воспитывало у детей чувство взаимопомощи и коллективизма.

Итак, подведем некоторые итоги: в процессе трудового воспитания девушки родители стремились воспитать ее полностью готовой к ведению хозяйства, воспитанию детей, обеспечению членов семьи пищей, одеждой, созданием уюта в семье, обучить правилам приема гостей, знанию обычаев и т. д.

В мальчиках старшие члены семьи в процессе трудового воспитания старались выработать умение в ведении мужских хозяйственных дел (уход за скотом, пахота, сев, боронование, постройка дома, охота и т. д.).

Приучение детей к труду осуществлялось путем показа им основных приемов работы, непосредственно в процессе труда, при выполнении подручной операции с постепенным переходом к самостоятельной

Большое место в системе народного воспитания занимала физическая подготовка подрастающего поколения. В абхазской народной педагогике физическое совершенство детей рассматривается как одно из условий трудового воспитания. Физическое воспитание детей осуществлялось в тесной взаимосвязи с трудовым, так как считалось, что физически сильный, закаленный человек достигает больших успехов в труде. Таким образом, трудовое воспитание должно было разрешить также и задачу физической закалки молодого поколения. Следовательно, вопросы физического и трудового воспитания были взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Задачей физического воспитания детей у абхазов являлась не только подготовка трудоспособных людей, будущих защитников родины, но и выработки у молодого поколения морально-волевых качеств: решительности, смелости, отваги, самообладания. Развитие физически сильного, закаленного, здорового, готового к различным испытаниям жизни молодого поколения — основная задача физического воспитания детей у абхазов. В народе бытовали различные виды физических упражнений, множество игр и состязаний, которые по своему характеру были тесно связаны с исто-

¹⁷ Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины. КЭС. М., 1955, с. 128-129.

рическими условиями жизни, требующими от членов общества постоянной готовности к трудовым и военным действиям. С развитием и изменением экономической и политической жизни общества менялась и система физического воспитания. Это положение наглядно отражается в содержании физического воспитания, в путях его осуществления и в различиях форм, средств физического воспитания в зависимости от пола.

Основными компонентами народной системы физического воспитания являлись различные физические упражнения, игры, танцы, формировавшиеся на протяжении длительного периода времени, в зависимости от социально-экономических условий и географической среды данного народа.

Физическое воспитание детей начиналось с очень раннего — младенческого возраста. Большое внимание в первые же дни жизни ребенка матери уделяли закаливанию детского организма. Детей до года купали ежедневно, при этом считалось, что ребенок после рождения не может быстро приспособиться к температуре среды. Поэтому температура воды, предназначенная для купания ребенка, постепенно понижалась. В спальне старались сохранять умеренную температуру, сама комната должна быть светлой и чистой. Особое внимание при закаливании обращали на то, чтобы ребенка не кутали. Для закаливания использовались естественные силы природы: солнце, воздух и вода. Когда ребенка вынимали из колыбели, мать, с целью улучшения кровообращения, подвижности мускулов, массировала спину, головку, ручки и ножки ребенка, подтягивала их и приводила в движение. Эти приемы физических упражнений для младенцев сохранили свое значение и в наше время, став традиционными приемами физического воспитания детей. Однако, отмечая положительные стороны физического воспитания детей, гигиены ребенка и ухода за ним, нужно отметить и некоторые отрицательные моменты. Очень вредным был обычай держать детей в люльке почти все время привязанными. Женщина в бедной семье была настолько обременена работой, что не имела возможности в течение целого дня вынуть ребенка из агары и развязывала его только два-три раза в день. Представительницы старшего поколения во многих селах рассказывали, как они целыми днями сидели за ткацким станком, за шитьем, обработкой кожи, качая в то же время ногой детей, уставших и требовавших своим плачем вынуть их из колыбели. Только в крайнем случае, если ребенок не успокаивался, его на время развязывали¹⁸. Традиционного типа колыбель, по мнению медиков,

¹⁸ АИЭ, ПКА, 1983, л. 52, 89.

вредила здоровью ребенка¹⁹. Зимой из-за недостаточной отапливаемости комнаты, где находился ребенок, детей наглухо закрывали ватными одеялами, что приводило к нехватке воздуха, тело младенца было без дыхания. В целом же, приемы закаливания зависели от индивидуальных и половозрастных особенностей ребенка.

Физическое воспитание детей у абхазов условно можно разделить на два периода. Первый период начинался с момента рождения ребенка и продолжался до 7-8-летнего возраста. Задачей первого этапа физического воспитания детей в возрастной группе от рождения и до 7-8 лет являлось закладывание основ правильного общефизического развития, закаливание детского организма, привитие детям двигательных навыков. За физическим развитием детей в этот период наблюдали мать и старшие женщины в доме. Основными средствами физического воспитания в описываемый период являлись совместные игры мальчиков и девочек. Подражая старшим братьям и сестрам, дети самостоятельно упражнялись в различных играх.

Второй этап физического воспитания детей у абхазов начинался с 7-8-летнего возраста и продолжался до 15-16 лет. Начиная с этого периода физическое воспитание детей резко дифференцировалось и во многом зависело от половозрастного признака. Наблюдение за физическим развитием девочки входило в обязанности матери, а мальчиков — становилось заботой старших мужчин в доме, в частности, отца.

В физическом воспитании детей большая роль отводилась играм. Происхождение игр своими корнями уходит в глубокую древность, в играх детей отражался быт народа. «Детские игры — это неиссякаемая сокровищница народных знаний и опыта», — писал Г. Виноградов²⁰. В воспитании подрастающего поколения игры всегда занимали большое место, как исторически сложившийся элемент общей системы воспитания. Игры абхазских детей по своей сложности и разнообразию имели большое воспитательное значение. Они требовали от участников внимания, сообразительности, хорошей памяти, воображения, воли, ловкости, силы и других физических и умственных способностей. «Многие детские игры сопровождаются большими эмоциями, разнообразными психическими процессами, они имеют большое значение для воспитания личного и общественного поведения ребенка. В игре разви-

¹⁹ Рохлин М. К. Влияние грузинской колыбели на физическое развитие грудных детей. Тифлис, 1929.

²⁰ Виноградов Г. С. К изучению детских игр у бурят. Иркутск: Гос. изд., 1922, с. 5.

ваются физические силы ребенка, тверже делается рука, гибче тело, вернее глаз, развивается сообразительность, находчивость и инициатива», — писала Н. К. Крупская²¹.

У абхазов, как и у других народов, все виды физических упражнений и игр, как элемент народной культуры, возникли на ранней ступени общественного развития и тесно связаны с жизнью абхазского народа. Богатый материал о физическом воспитании и физических качествах абхазов содержит эпос, фольклор, героические песни, пляски и различные обряды. Герои произведений народного творчества — мужественные, сильные и храбрые воины за независимость и свободу. Много интересных моментов, связанных с физическим воспитанием и закалкой юношей, содержат абхазские нартские сказания, основным сюжетом которых являются непобедимые могучие герои, наделенные невероятной физической силой, способные преодолевать любые трудности и препятствия. К таким героям нартских сказаний относятся: Сасрыкуа, Нарчхьоу, Уахсит и другие. Герои сказаний отражают набеги иноземных захватчиков, проявляют храбрость и удалство, вместе с тем они выступают как защитники и покровители своего племени. Одна из абхазских пословиц гласит: «Мужество произошло от Нартов, а трусость — от черта». Старшее поколение, рассказывая детям различные сказания героического содержания, уже с малых лет морально готовило их к предстоящим приемам физического воспитания.

В абхазской системе традиционного воспитания игры рассматриваются как средство физического воспитания, развития подвижности, ловкости, расторопности, силы и выносливости, улучшения жизненной деятельности организма, работоспособности и укрепления здоровья. Большое место в жизни детей занимали подвижные игры, характерной особенностью которых было участие в них детей обоего пола. Эти игры эмоционально насыщены, интересны, привлекательны, требовали от участников находчивости, ловкости, удали, проявления инициативы и т. д. Виды игр детей 6-7-летнего возраста были различными, в них почти всегда участвовали дети обоего пола. Но встречались игры, где принимали участие только девочки или же наоборот — одни мальчики. Исследователь абхазских игр О. Вахания писал, что среди всех игр абхазов мало встречаются домашние игры для девочек²². Этот факт объясняется тем, что «военно-физическая подготовка в Абхазии начиналась с раннего возраста, и мальчики сразу же включались

²¹ Крупская Н. К. Избранные произведения. М., АПН, 1949, с. 3.

²² Вахания О. Абхазские народные игры. Сухуми: Абгосиздат, 1959, с. 19.

в игры военно-оборонительного характера, которые особенно поощрялись взрослыми»²³. Девочки же с раннего возраста привлекались к домашним хозяйственным делам.

Среди абхазов большое распространение имели такие детские игры, как «Аезара» или «цъит» (жмурки), «Ачабрахамарра» (игра с платком), «Акьянстеимдара» (игра с булавкой), «Чу-чу, кэарт-кэарт» (цыплята и квочка) и другие, которые служили средством развлечения детей младшего возраста. В этих играх принимали участие как мальчики, так и девочки.

Девочки, в основном, играли в игры с хозяйственно-бытовым содержанием, что способствовало приобщению их к ведению домашнего хозяйства. Например, любимой игрой девочек являлась игра «Чу-чу, кэарт-кэарт», то есть «цыплята и квочка» (иногда в этой игре принимали участие и мальчики). Для того, чтобы понять, какой хозяйственно-бытовой смысл вложен в эту игру, кратко опишем ее. Схватившись руками друг друга за пояс и согнув головы, девочки ходят по двору или кружатся вокруг дома. Старшая среди играющих «квочка» зовет «цыплят»: «кварт-кварт». Цыплята отвечают: «чу-чу». По сигналу «квочки» «крррр»,... (это сигнал о приближающейся опасности, нападения коршуна) «цыплята» прячутся под «крылышко квочки», другие забегают в дом и т. д. Затем по сигналу «квочки» — «кварт-кварт», «цыплята» вновь собираются и продолжают играть²⁴. Играя в эту игру, дети представляют, какая опасность грозит цыплятам и как их нужно оберегать от хищников.

Одним из любимейших занятий абхазских девочек была игра в куклы. Куклы в основном изготавливались из разноцветных лоскутов и цветных шелковых ниток, для них шилась одежда из тряпок и шерсти, делалась из глины посуда, домашняя утварь, и т. д. Обычно все эти вещи делались руками детей среднего и старшего возраста для забавы и развлечения младших сестер и братьев. Нередко и матери готовили кукол для своих детей. В ответ на вопрос, «какими игрушками играли ваши дети» информаторы в первую очередь называли куклу (акьянцья) и поясняли, что не было ни одной абхазской семьи с детьми, в которой не имелась бы эта игрушка²⁵. Для игр в куклы девочкам делали также игрушечную колыбель. Мать шила для нее маленький матрас, подушечку для ног и головы младенца, различные ленты для завязывания

²³ Там же, с. 20.

²⁴ Описание игры взято из книги О. Вахания. — Абхазские народные игры. Сухуми: Абгосиздат, 1959, с. 74.

²⁵ АИЭ, ПКА, 1982, л. 12, 27, 39.

рук и ног, таким образом девочка постепенно усваивала правила ухода за ребенком, укладывала куклу в колыбель, качала, кормила и т. д. Игры с куклами были довольно разнообразны. Эти игры помогали детям овладевать сведениями о различных сферах хозяйства, правилах этикета, народных обычаях, обрядах. С помощью кукол девочки разыгрывали всевозможные сцены «свадьба», «похороны», «прием гостей» и т. д. Для кукол шилась одежда по покрою и внешнему виду ничем не отличающаяся от одежды взрослых. Таким образом, игра в куклы отражала определенные стороны семейного и общественного быта, хозяйства и культуры народа.

Игры детей младшего возраста связаны с игрушками, которые в основном являются орудиями труда и предметами быта взрослых, только в уменьшенной форме. Для мальчиков в качестве игрушек изготавливались лук и стрела, деревянная сабля, пистолет, ружье, деревянный конь, то есть все то, что было необходимо будущему воину. Собравшись вместе на берегу реки, дети часто строили игрушечную водяную мельницу (азызлагара). Очень часто в играх детей можно проследить обрядовую и семейную жизнь абхазов, так как дети, подражая взрослым, играли в свадьбу, имитируя невесту и жениха, накрывали на стол, пели песни, танцевали. В доме, когда рушили кукурузу, дети играли очищенными от зерен початками кукурузы, строили из них «дома», соревновались, кто выше построит дом. Часто девочки играли в «гости». Накрывали столы, подавали гостям воду для мытья рук, разливали в стаканы «вино», ухаживали за гостями. В этой ролевой игре девочки изображали хозяек и то, как они ухаживали за гостем. Дети играли в прятки, в пятнашки, в мяч, которым служил намоченный в воде и обшитый кожей комок шерсти. Специальных игрушек не было и дети играли черепками посуды, камешками, зернами фасоли, початками кукурузы и т. д. Иногда с помощью старших братьев и сестер дети лепили из глины посуду, тарелки, чашки, горшки и т. д.

Уже с 7-8-летнего возраста в жизни абхазских детей игры начинают занимать только то время, которое свободно от участия детей в хозяйстве. Девочки раньше мальчиков включались в трудовую жизнь семьи. Чаще всего им с раннего возраста приходилось нянчить своих младших сестер и братишек, качать колыбель. Матери, из-за большой загруженности и занятости различными хозяйственными делами, приходилось доверять детям 5-6-летнего возраста своих младенцев. Многие наши информаторы отмечали: «У наших девочек не было свободного времени для игр и развлечения, они всегда заняты делом, нянчат детей, качают колыбель,

или же выполняют несложные домашние поручения»²⁶. А когда девочек начинали привлекать к рукоделию, то времени для игр у них совсем не оставалось. Время для игр высвобождалось в зависимости от характера выполняемой работы. Например, мальчики, выпасая телят, коз, овец на пастбище, часто объединяли их и таким образом, играли в прятки, мяч, поочередно присматривая за скотиной. Девочки во время прогулок с маленькими братишками и сестренками сами играли вместе с ними.

В жизни детей игры имели огромное значение. Переходя от старших к младшим, они передавались из поколения в поколение и дошли до наших дней. Характер игры, действия и поступки его участников формировались во взаимосвязи труда и национальных традиций, в зависимости от условий жизни, географии местности, расположения, политических и экономических потребностей. Большинство игр абхазских детей проходило на открытом воздухе, так как этому способствовали благоприятные условия Абхазии. Игры на свежем воздухе укрепляли организм детей. В играх детей ясно вырисовываются поведение и поступки взрослых, характерные признаки их жизни, традиции и обычаи. Девочки в играх повторяют своих матерей — женщин, а мальчики — отцов — мужчин.

Физическое воспитание мальчиков носило военно-физический характер. Военно-физическая подготовка мальчиков начиналась с раннего возраста и постоянно совершенствовалась в зрелые годы. Основной задачей ее являлась выработка у них большой физической силы, выносливости, быстроты и ловкости, мужества, умения метко стрелять, владеть холодным и огнестрельным оружием, хорошо управлять конем и т. д. «...Горцы... с самых малых лет приучают своих мальчиков к жизни войны, к стрельбе, к долгим странствиям по горам, к верховой езде, или лучше сказать к скаканию на коне, сломя голову, одним словом, ко всему тому, чем так гордится свободный сын гор»²⁷, — отмечает Е. А. Покровский.

Со второго периода (с 7-8 лет до 15-16 лет) физической подготовкой мальчиков занималась мужская половина дома, а за физическим развитием девочек, как и в первом периоде, продолжали наблюдать мать и старшие женщины. Игры и развлечения мальчиков были направлены прежде всего на развитие силы, ловкости, выносливости, сообразительности. Подростки соревновались между собой в беге на различные расстояния, в прыжках через

всевозможные препятствия, барьеры, иногда прыгали через бурки, разостланные на ровном месте, через канавы, овраги, неширокие речки. Состязались также в метании камней, которые бросали до установленной черты, в поднятии тяжестей. Распространены были также различные игры в мяч²⁸. Следя за физическим развитием мальчиков, старшие указывали им на их ошибки при выполнении тех или иных физических упражнений, на личном примере показывали правильное их исполнение.

Большое распространение среди подростков имела национальная борьба (аикәџара), являвшаяся одним из самых популярных развлечений абхазов; ее устраивали на воскресных гуляниях и различных празднествах. Отец и старшие братья обучали мальчиков правилам борьбы (аикәџашья). Вначале мальчики наблюдали, как борются юноши и взрослые, старались изучить правила и приемы, а затем и сами со своими сверстниками принимали в ней участие и учились ее сложным приемам. Уже с 9-10 лет мальчиков начинали обучать специальным техническим приемам борьбы. Старшие судили их бой, давали ценные тактические указания. Борющиеся чаще всего были ровесниками, но иногда бывали случаи, когда младшие по возрасту мальчики побеждали старших. Наблюдение старших за ходом борьбы вызывало большой азарт у подростков.

В селах устраивались самодеятельные гуляния с песнями и танцами, проводились скачки и конные игры (аеырхәмарра), среди них поднятие на всем скаку монеты (абазшьтыхра), а также многие другие спортивные состязания: бег, прыжки в высоту и в длину, в том числе через рвы, борьба, бросание камней, метание копья, городки (аркьыл асра), игра в мяч с палками (аимцакьчара), дальние пешие переходы в труднопроходимых горных условиях (аныкәара), стрельба, в том числе из лука (ацәкьара аихсра) и другие. Причем, в организации многих из этих состязаний активное участие принимала не только молодежь, но и убеленные сединами пожилые мужчины²⁹.

Из традиционных развлечений, устраивавшихся на воскресных гуляниях, главными были разнообразные конные соревнования. Следует согласиться с Н. М. Альбовым, отмечавшим, что «выработка умения хорошо править лошадью входит существенным

²⁶ АИЭ, ПКА, 1983, л. 48, 49.

²⁷ Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у различных народов, преимущественно России. М., 1884, с. 384.

²⁸ Чернышев К. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 83; Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии, л. 103, 104; Анчабадзе Ю. Д. Общественный быт абхазов во второй половине XIX-начале XX в., л. 13.

²⁹ Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. (По материалам этнографии абхазов). — 2 изд. доп. и перер. Сухуми: Алашара, 1978, с. 92.

элементом в программу абхазского воспитания»³⁰. Тренировка всадника у абхазов начиналась с раннего возраста. При этом первостепенное значение придавалось выработке смелости. Поэтому, чтобы мальчики не боялись лошадей, их уже с 4-5 лет сажали на лошади и водили по двору. «С четырех-пяти лет ребенку дается полная свобода и мальчика этого возраста часто можно видеть верхом на лошади, следующим за своим отцом или воспитателем»³¹. Обычно, когда лошадей гнали с пастбища домой или на водопой, мальчики-подростки, на которых лежала эта обязанность, «с большим удовольствием садились на лошадей, устраивая по дороге на каждом лугу скачки, джигитовки, конные поединки и прочее, подражая старшим»³². С 8-10 лет мальчики начинали принимать участие в скачках. По свидетельству С. П. Басария, «на легких горячих коней сажают детей от 8-10 лет. Странно бывает смотреть, когда такой малыш, еле заметный от земли, сидит на несущемся скакуне, который развивает такую быстроту, что буквально ноги отделяются от земли, и летит, подбадриваемый пронзительным гиканьем ребенка-жокея»³³.

У абхазов было принято устраивать скачки в день поминок³⁴, в которых принимали участие и мальчики. Русский офицер Торнау, находившийся на Кавказе в 30-х годах XIX века и лично в 1835 году наблюдавший в селе Лыхны скачки во время поминок, писал: «На третий день была назначена скачка, которой всегда кончается тризна по умершему. Эта скачка представляла собой самый оживленный и самый любопытный эпизод празднества. Скакали на тридцати лошадях мальчики лет двенадцати и четырнадцати, имея под собой черкесские седла без подушек для того, чтобы не си-

³⁰ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. — Живая старина, СПб, 1893, вып. 3, с. 311.

³¹ Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6, 1872 — с. 11-12.

³² Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии. Л. 17.

³³ Басария С. П. Абхазия в географическом отношении. Сухум-Кале, 1923, с. 22; Вахания О. Абхазские народные игры. Сухуми: Абгосиздат, 1959, с. 30; Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии, л. 30; Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX-начале XX вв. — СЭ. М., 1981, № 4, с. 1.

³⁴ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 358.

деть, а стоять в стременах... Расстояние, которое они должны были проскакать, составляло около сорока восьми верст...»

Обычай устройства скачек в память умерших известен у многих народов Кавказа: черкесов, абазин, осетин, ингушей, и чеченцев, грузин-горцев³⁶ и т. д.

В физическом воспитании большое место отводилось спортивным играм и состязаниям. Это отмечали многие бытоописатели абхазов начала XX века. «Развлечения молодежи, — пишет К. Мачавариани, — составляют: игра в мяч, бег, прыжки, скачки, танцы и другие... Многие упражнения в перепрыгивании через барьер высотой в сажень или перепрыгивании через две бурки, растеленные на ровном месте — в длину на 2-3 сажени. Кроме этого ставят подряд 5 или 10 человек и перепрыгивают через их головы. Часто проходят состязания в беге»³⁷. И. А. Аджинджал, рассматривая воспитание детей князей и дворян, отмечал: «Воспитание и обучение ребенка у воспитателей носило тщательный, разносторонний и, вместе с тем, суровый характер. До 7-8-летнего возраста ребенка воспитывали в обычном (общем) порядке. Но уже с 7-8 лет начиналось его своеобразное воспитание, доставлявшее воспитателям много хлопот, а самому ребенку немалый труд. С этого возраста мальчика приучали к суровой жизни: с мягкого тюфяка его переносили на жесткую, войлочную постель, давали ему коня, снабжали оружием, парой пистолетов, кинжалом и шашкой. Под руководством воспитателя он учился стрелять..., крепко держаться в седле, управлять горячим конем»³⁸. С 12-13 лет мальчикам уже разрешали совершать верхом на коне длительные поездки, их с каким-нибудь поручением посылали и за пределы села. Л. М. Серебряков, побывавший в Абхазии, писал, что в свите, со-

³⁵ Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. — Русский вестник. М., 1864, с. 78.

³⁶ Шиллинг Е. М. Черкесы. — В кн.: Религиозные верования народов СССР. М., 1831, т. 2, с. 53; Лавров Л. И. Абазины. Историко-этнографический очерк. — В кн.: КЭС. М., 1955, с. 33; Гостиева Л. К. Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье (в конце XIX-начале XX в.). М., 1981, л. 105. Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев. — В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870, вып. 3, с. 30-32; Гогоберидзе Н. С. Народные игры в горных областях Грузии. — В кн.: КЭС, М., 1976, вып. 6, с. 103.

³⁷ Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуми и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухуми, 1913, с. 211.

³⁸ Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии, л. 30.

проводившей его, находился семилетний сын абхазского князя Баталбея, который его сопровождал от Мрамбы до Амткела верхом, управляя лошадей с ловкостью, необыкновенной для его возраста³⁹. Среди свиты находился еще «мальчик 14 лет, не отличавшийся от взрослых ни одеждой, ни оружием, переносил одинаковые труды и на ночлегах и привалах оставался в их кругу. Таким образом, с самых молодых лет приучают в Цебельде даже князя сыновей своих к трудам походной жизни»⁴⁰.

Немалое место в воспитании мальчиков занимало обучение их умелому владению оружием: луком и стрелами, самострелом, кинжалом, пистолетом. Интерес к оружию мальчикам прививали с самого раннего детства. При обучении использовали специальное «детское» оружие: деревянный меч, щит, лук и стрелы. Затем уже к 10-12 годам мальчиков постепенно обучали владению холодным и огнестрельным оружием. И уже к совершеннолетию юношам выдавали полный комплект мужской одежды с оружием: кинжалом и пистолетом, которые считались обязательным атрибутом мужского национального костюма. Даже «...девушки обучались владеть холодным и огнестрельным оружием, уметь стрелять и попадать в цель, управлять буйной лошадей, привыкать к самой бешеной скачке, так как абхазцы, отправляясь на войну или на разбой, часто оставляли свои семьи на продолжительное время, и женщина должна была защищать себя и своих детей в случае какого-либо нападения»⁴¹. Старшие мужчины в семье показывали подросткам 10-12 лет, как разряжать оружие, как правильно держать ружье, как прицеливаться, как стрелять. Б. В. Шинкуба в автобиографическом романе подробно описывает, как его дед впервые обучил его прицеливаться и метко стрелять⁴². С возрастом виды стрельбы усложнялись, и мальчики 14-15 лет начинали принимать участие в стрельбе в цель из огнестрельного оружия. Стрельба в цель была очень популярной. Мишенью для стрельбы служил какой-нибудь предмет, который устанавливался на высоком столбе. В качестве мишени использовали тарелки, подбрасываемые в воздух, а во время пасхи — крашеные яйца, в которые

³⁹ Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет. — Морской сборник, 1865, № 6, с. 96.

⁴⁰ Там же, с. 100.

⁴¹ Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии, л. 32.

⁴² Шинкуба Б. В. Рассеченный камень. Сухуми: Алашара, 1983, с. 29-30 (на абх. яз).

стреляли со ста шагов. Попавшие в цель получали приз⁴³. Подростки учились стрельбе и на охоте, участвуя в ней вместе со старшими. Охота была лучшим средством развлечения для знати, а крестьяне занимались охотой в свободное от сельскохозяйственных работ время. Охота была одним из средств военно-физической подготовки, в процессе которой вырабатывались большая физическая сила, храбрость, мужество и другие качества. Подготовка к охоте начиналась с малых лет, особенно по стрельбе. «С наступлением Нового года младшие поздравляли старших и в подарок преподносили дрозда. Для этого случая каждый старался снять голову дрозда пулей, чтобы показать свою ловкость в стрельбе»⁴⁴.

Одним из средств физического воспитания детей являлись танцы. Танцы абхазов включали в себя многие элементы физических упражнений. Детей обучали танцам с раннего возраста. Танцы требовали от подростков хорошей физической подготовки, так как они включали такие элементы, как прыжки, подскоки, резкие повороты и т. д. В частности, танец на носках для юношей требовал большого мастерства и ловкости. К танцующим девушкам предъявлялись такие требования, как грациозность, гибкость, ловкость, которые также являлись элементами физического воспитания. «Абхазская девушка любит развлечения, — отмечали современники, — и она не пропустит ни одного воскресенья, чтобы не пойти на поляну, где собираются молодые люди обоего пола, без различия состояния. Здесь царит полное веселье, звучный беззаботный смех оглашает окрестность. Здесь происходит игра в мяч, танцы, пение... Здесь начинаются хоровое пение и пляски, а также разговор в стихотворной форме, причем все присутствующие делятся на две партии и каждая из них старается перещегоолять другую в остроумии и находчивости»⁴⁵.

Таким образом, в народной системе воспитания большую роль играло физическое воспитание детей, которое осуществлялось в определенной последовательности, с учетом возрастных возможностей. Многие из рассмотренных нами физических игр и развлечений: конные состязания, джигитовка, борьба, стрельба, танцы и т. д. выполняли важную задачу физического закалывания, которому в абхазской семье всегда придавалось большое значение.

⁴³ Введенский А. Н. Религиозные верования абхазцев., с. 25; Вахания О. Абхазские народные игры, с. 35; Анчабадзе Ю. Д. Общественный быт абхазов во второй половине XIX-начале XX века, л. 137.

⁴⁴ Вахания О. В. Указ. раб., с. 32.

⁴⁵ В. Ч. Абхазская женщина. — Газ. Кавказ, 1885, № 62.

ние. Необходимость физического воспитания вызывалась не только сложившимся в народе понятием о мужской доблести. «Большую роль играл также полувоенный быт абхазов, столь характерный для них еще в первой половине XIX века, когда походы и набеги на соседей, а также отражение таковых занимали даже большее место, чем мирный повседневный труд»⁴⁶.

В жизни абхазского народа существовали общепринятые нормы морали, правила поведения, с которыми ребенок знакомился прежде всего в семье. Эти нормы морали, этикета в своем историческом развитии видоизменялись, но тем не менее основные, пригодные для всех эпох, времен, оставались, обогащаясь новыми, и как заповеди предков передавались из поколения в поколение. В общепринятых нормах морали раскрыты цели, задачи, содержание, методы и приемы нравственного воспитания. Они в первую очередь выявляются в семейно-бытовых отношениях, в отношении родителей к детям и детей к родителям и старшим членам семьи. Передача последующим поколениям положительного опыта морали является главной задачей нравственного воспитания детей у абхазов. Процесс нравственного воспитания происходит как в семье, так и в обществе. Семья тесно связана с обществом, она не может осуществлять воспитание, не учитывая воздействия окружающего общественного мнения. В семье начинается воспитание ребенка и формирование его будущих нравственных качеств, здесь впервые усваиваются ими элементарные нормы поведения.

Главную роль в нравственном воспитании детей играло поведение старших, их пример. «Если наставническая, воспитательная роль старших по отношению к другим взрослым членам семьи была лишь одной из составляющих их общей роли в организации семейного общежития, то воспитательная роль по отношению к детям являлась особой и очень важной линией повседневной деятельности старших мужчин и женщин»⁴⁷. Родители и представители старшего поколения воспитывали своих детей на лучших традициях морали, которая складывалась веками и глубоко проникала в сознание народа. Характерным являлось и то, что в нравственном воспитании абхазских детей, воспитателями выступали не только родители, но и любой взрослый человек, особенно старейшины (аиҭабацаа). Старший, будь он родственник, сосед или чужой человек, имел право сделать замечание детям за любое их плохое

⁴⁶ Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX-начале XX века, с. 116.

⁴⁷ Смирнов Я. С. Роли и статусы старших в абхазской семье, с. 43.

поведение. Большая роль в нравственном воспитании отводилась общественному мнению. Детей с детства приучали прислушиваться к нему.

Важное место в моральных требованиях абхазов к детям занимало почитание и уважение родителей и старших. Об этом писали многие бытоописатели абхазов. Почтительное отношение к старшим вообще составляет одно из самых отрадных явлений в жизни Абхазии. Дети и даже взрослые молодые люди по обычаю не имеют права в присутствии старших садиться и должны все время скромно молчать до тех пор, пока кто-нибудь из старших не обратится к ним с вопросом. Всегда, как только входит в комнату старик, принято всем, и старым, и малым, встать с места и садиться только тогда, когда старик пригласит их; всякое лицо, каким бы влиятельным оно не было, не исключая и князей, подчиняется этому обычаю. Всякое мнение, высказываемое стариками, выслушивается присутствующими с величайшим вниманием и уважением⁴⁸. Авторитет старших, родителей был непререкаем. Дети, осознавая, что они находятся в неоплатном долгу перед отцом и матерью, полностью подчинялись их воле. «Материнскую заботу никто не может оплатить» (Ан лҭак уаҭы изшәом), — говорится в абхазской пословице⁴⁹. Народ утверждает мысль, что дети во всем повторяют своих родителей: «Ребенок делает то, что он видит, говорит то, что слышит», — гласит абхазская пословица. Родители старались, чтобы дети в семье видели все хорошее и разумное, достойное подражания. При детях взрослые не ссорились, не возражали друг другу и т. д., и все это воспитывало в детях правила хорошего тона, чувство поддержки друг друга. Детей с раннего возраста учили отличать хорошее от плохого в поведении людей, приучали умению вести себя в обществе. Всем этим элементарным нормам поведения ребенок учился в семье, так как до Октябрьской революции в Абхазии не было общественных воспитательных учреждений, в ту пору как, впрочем, и сейчас, большую роль в нравственном становлении личности играла семья. В семейном воспитании абхазы приучали детей строго придерживаться таких правил поведения: вставать при появлении старших, приветствовать их при встрече, уступать им место и дорогу, не быть многословным и не вмешиваться в их беседу, не прерывать их речи, не проходить между ними, не входить раньше них в помещение, вежливо предупреждать их желания, не сидеть к ним спиной, не ссо-

⁴⁸ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии, с. 318.

⁴⁹ Сборник абхазских пословиц, скороговорок, ононимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сухуми: Абгиз, 1939, с. 35.

риться между собой при взрослых, не шуметь, быть заботливым по отношению к старикам и больным людям, заботиться о младших, вести себя скромно и честно и т. д. Несмотря на то, что все перечисленные нормы морали должны были сочетаться в моральном поведении как мальчиков, так и девочек, однако, в процессе воспитания учитывались и половозрастные различия. Важное значение в нравственном воспитании девочки придавалось приучению ее к скромности, нежности, внимательности, аккуратности, она должна была быть заботливой сестрой по отношению к своим младшим сестрам и братьям. Мать играла большую роль в нравственном воспитании девочки. С самого раннего детства девочка приучалась оказывать помощь во всех домашних делах матери и, подражая ее поступкам, она приобретала навыки нравственного поведения. Особое внимание в поведении девушки обращали на ее скромность. Братья девушки, невзирая на возраст, были ли они старше или моложе нее, всегда следили за ее поведением, и готовы были в любую минуту оградить ее от оскорблений и защитить ее честь. Начиная с 8-10 лет девочек начинали отделять от братьев, если это было возможно, укладывали спать в отдельных комнатах. Уже в 10-12 лет совершенно менялось отношение девочки к сверстникам-мальчикам. Ей уже считалось неприличным играть с ними, исключение делалось для родственников-однофамильцев отца и матери, считавшихся братьями девочки, а также ближайших соседей. Девушке брачного возраста одной запрещалось ходить по селу, ее обязательно должен был сопровождать кто-либо из близких. Без разрешения родителей она не имела права пойти куда-либо. Честь девушки в народе сравнивали со стаканом, «как легко бьется стакан, так же легко можно потерять девушке честь», — говорили в народе. Если с девушкой случалось какое-либо несчастье, то в первую очередь в этом винили мать, так как считали, что она не уделила должного внимания ее нравственному воспитанию. В представлениях абхазов девушка должна была быть скромной, приветливой, доброй и ласковой, заботливой и отзывчивой. Наблюдая за поведением дочери и стараясь направить ее поступки, мать часто наставляла дочь: «Ты же девочка, не равняйся на мальчиков», «Это не к лицу девочке» и т. д. Ей внушали, что она девочка и должна быть терпеливой, послушной и сдержанной. В народном творчестве абхазов часто подчеркивается мысль, что судьба девушки и ее счастье во многом зависят от хорошего поведения, хозяйственности, скромности. Поэтому в нравственном воспитании особое внимание уделяли привитию ей таких качеств, как готовность к исполнению своего долга перед семьей, родителями, родственниками, уважение к родителям и особенно к старшим людям. В воспитании нравственных качеств

девушки большую роль имел пример самих родителей, особенно матери и старших женщин в семье.

Мальчикам с детства стремились привить чувство собственного достоинства, самостоятельности, смелости, стремились воспитать их сильными и ловкими, готовыми защитить свою честь и честь семьи. Старшие мужчины в семье строго следили за их нравственным воспитанием. Отец старался, чтобы его сын чаще бывал в обществе взрослых мужчин. В свою очередь, от сыновей также требовалось послушание, учтивость по отношению к взрослым. «Сыновья обыкновенно послушны, скромны и внимательны к отцу»⁵⁰, — писал Г. Ф. Чурсин, наблюдавший семейные отношения абхазов. Особое внимание обращали на то, чтобы мальчик умел говорить красиво и содержательно, так как, когда сын станет взрослым, ему придется бывать в обществе, вести многочисленные застолья, ходить на различные сходы, где решались важные вопросы. Важно было, чтобы мальчики хорошо знали обычаи и предания народа. Поэтому во время празднеств старики рассказывали молодым легенды и предания, пели им героические песни. Молодежь, слушая беседы старших, знакомилась с обычаями и традициями предков, усваивала общепринятые нормы поведения.

Особое значение в нравственном воспитании детей придавалось воспитанию у них чувства чести семьи и рода. Родители часто повторяли своим детям такие формулы, как: «Не позорь своих родителей», «Не запятнай чести и имени отца и матери».

Воспитание детей у абхазов носило гуманный характер. Все поступки детей, заслуживающие похвалы, взрослые старались отметить. Детей хвалили в присутствии взрослых и сверстников, их поведение ставилось в пример другим детям. За хорошее поведение, послушание и выполнение поручения детей часто угощали сладостями, хвалили при всех. «...В отношениях родителей к своим детям существует самая трогательная нежность. Телесных наказаний — не только розг, но более невинных по сравнению с ними, вроде щелчков, дранья за волосы и т. п. при воспитании совершенно не практикуется, так как туземцы вообще гнушаются телесных наказаний и тем более позорным считается применение их к существам беззащитным и притом столь дорогим для них, — как дети... В свою очередь, дети платят родителям крайней почтительностью и послушанием»⁵¹. В случае неправильного поведения детей, родители проводили с ними беседы, ставя в пример хороших

⁵⁰ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956, с. 179.

⁵¹ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», вып. 3, СПб, 1893, с. 318.

и воспитанных детей. Один из наших информаторов рассказал, что «отец никогда не кричал и не бил нас. Случалось, что когда у нас в доме находились гости и мы вдруг, увлекшись игрой, начинали шуметь и мешать им, стоило отцу повернуться и посмотреть на нас, мы сразу же успокаивались»⁵². Однако, несмотря на все положительные стороны воспитания детей у абхазов, нужно отметить и то, что оно во многом усложнялось обычаями избегания, который существовал между супругами, родителями и детьми, между женой и родственниками мужа и между мужем и родственниками жены. Исследователь семейного быта Я. С. Смирнова подробно описала обычаи избегания, существующие у многих народов Кавказа, в том числе и у абхазов⁵³. Существенной чертой этих ограничений было то, что они особенно заметно проявлялись при старших. Так, при старших мать не должна была первое время подходить к ребенку, а отец на протяжении многих лет избегал показываться рядом с ребенком. Избегание между родителями и детьми больше касалось отца, чем матери. Однако, некоторые ограничения существовали и в отношении между матерью и детьми. Так, мать не ласкала их при посторонних, не кормила грудью в присутствии старших. В присутствии старших женщин ей считалось неприличным брать на руки маленького ребенка, хотя укладывать его в агару и качать колыбель ей разрешалось. Одна из информаторов сообщила нам, что «в то время, как она с ребенком на руках стояла во дворе, к ним во двор неожиданно въехал на коне старший брат ее мужа. Она, не задумываясь, тут же положила ребенка на землю и отвернулась. Он быстро соскочил с коня и, взяв ребенка на руки, занес его домой»⁵⁴. При старших отец, видя, что ребенок приближается к горячему очагу, к котлу с кипящей водой, или же падает, никогда сам не прикасался к нему. Он также в присутствии посторонних и старших родственников никогда не брал его на руки, не ласкал, не говорил с ним, не обращался к нему по имени и т. д. В присутствии старших, — отмечал Чурсин, — отец не ласкает детей. Если ребенок подойдет, чтобы приласкаться к отцу в присутствии его родителей, отец по-

⁵² АИЭ, ПКА, 1983, л. 88, 89.

⁵³ Смирнова Я. С. Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. — СЭ, 1961, № 2; Некоторые количественные показатели отхода от обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев. — СЭ, 1966, № 2; Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа. — В кн.: Этнические и культурно-бытовые процессы у народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1978.

⁵⁴ АИЭ, ПКА, 1983, л. 7.

спешно уходит от него⁵⁵. Особенно ярко обычаи избегания проявлялись между отцом и дочерьми. Обычаи избегания способствовали тому, что у детей вырабатывалась скрытность, излишняя сдержанность и застенчивость. Обычаи избегания неукоснительно выполнялись в больших патриархальных семьях. Нравственные устои и нормы поведения существовали и во взаимоотношениях самих детей, то есть старших братьев и сестер по отношению к младшим и наоборот. На старших лежала забота и уход за младшими братьями и сестрами. Младшие, в свою очередь, беспрекословно подчинялись старшим братьям и сестрам, особенно, девочки. Младший брат не должен был жениться раньше старшего, разве что с его согласия в порядке исключения, то же самое должно было соблюдаться младшей сестрой по отношению к старшей. «Обычай требовал, чтобы брат помоложе почитал брата постарше и не вступал с ним ни в какие пререкания. Так же соотносились между собой статусы сестер и статусы невесток, а ровно общий статус невесток по отношению к золовкам и другим девушкам данной семьи, в том числе самым младшим»⁵⁶. Наиболее зримо нравственные нормы поведения проявлялись в правилах абхазского этикета (ап̄суара), который четко обязан был знать любой юноша или же девушка. Одним из главных элементов в деле воспитания, по представлению абхазов, являлось усвоение традиций и обычаев своего собственного народа, выработанных ими в течение веков. «Этикет этот, разработанный во многом до мельчайших подробностей, представляет собой собрание канонов», — писал Ш. Д. Инал-ипа⁵⁷. Абхазский этикет — это не просто внешняя форма умения держать себя в обществе, а часть «абхазского аламыса, то есть «совести народа»⁵⁸.

Особо четко знание этикета и правила поведения проявлялись в обычае гостеприимства (асасдылара). Гостеприимство с древнейших времен является священным законом абхазов. «Гостеприимство составляет отличительную черту абхазов, веками возводившуюся в число первых добродетелей», — отмечал Д. И. Гулиа⁵⁹. Гость являлся самым желанным в любой абхазской семье.

⁵⁵ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1956, с. 176.

⁵⁶ Смирнова Я. С. Роли и статусы старших в абхазской семье, с. 47.

⁵⁷ Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1978 с. 80.

⁵⁸ Там же, с. 80.

⁵⁹ Гулиа Д. И. История Абхазии. Тбилиси, 1925, с. 51.

В народе говорили, что с гостем семь счастья приходит, шесть остаются хозяину, а одно — гость уносит с собой (Асас быжь на-сыпк иманы дауеит, фба аанижьуеит, акы иара игоит); «С гостем связано изобилие», (Асаса абракъатра ицуп) «Кого часто гости посещают, у того котел пустым не бывает», (Аасцэа лассы изза-ауа, ичуан тацэны иубазом) и т. д. Многие путешественники и ученые, побывавшие в Абхазии отмечали обычай гостеприимства у абхазов⁶⁰. Восхищаясь радушием абхазского крестьянина, Г. А. Рыбинский писал, что «на всякого гостя он смотрит как на божью благодать, ставит на стол все свои достатки и ухаживает за ним с известным церемониалом⁶¹. А. Н. Введенский писал: «Гостеприимство у абхазцев так же как и у всех восточных народов. Хозяин обесчестит себя, если откажет в ночлеге и ужине, каким бы ни было случаем заехавшему к нему незнакомому гостю»⁶². У А. Н. Альбова содержится следующее наблюдение: «Гостеприимство здесь (в Абхазии — С. Д.) не только простой обычай, но скорее закон, вообще нечто священное, что нарушить считается величайшим грехом, не говоря уже о том, что нарушение его навлекает на того, кто дозволяет себе сделать это, всеобщее порицание»⁶³. Гостеприимство, как и у всех других народов, в Абхазии свято чтится и сохраняется»⁶⁴ — писал М. Джанашвили. Г. Ф. Чурсин указывал, что «как и у всех кавказских народов, сохранивших пережитки родового строя и находящихся на стадии натурального хозяйства гостеприимство составляло отличительную черту абхазов»⁶⁵. Обычай гостеприимства оказывал большую воспитательную роль в нравственном воспитании детей. Любая абхазская крестьянская семья отличалась гостеприимством, поэтому ребенок уже с малых лет знакомился с обычаем приема гостей. Дети наблюдали действия и поведение взрослых в то время, когда у них в доме находился гость. Старшие вели себя

⁶⁰ Немирович-Данченко. Море. Абхазское поморье, с. 228; Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Этнография, 1926, № 1, с. 73-75; Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. — СМОМПК, Тифлис, 1884, вып. 4, с. 49-51.

⁶¹ Рыбинский Г. А. Абхазия в этнографическом и сельскохозяйственном отношении. Тифлис, 1894, с. 13.

⁶² Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела, с. 10.

⁶³ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии, с. 314.

⁶⁴ Джанашвили М. Абхазия и абхазцы, с. 13.

⁶⁵ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, Абгиз, 1956, с. 20.

предельно вежливо, почтительно относились не только к гостю, но и ко всем членам семьи. Дети уже с малых лет начинали при-служивать гостям. В обязанность мальчиков и юношей входил уход за конем гостя. Они должны были расседлать, накормить и напоить коней. Девочки помогали матери быстро приготовить пищу и накрыть на стол, причем старались подать все самое лучшее из еды, которая имелась в доме. Девушки обязаны были об-служивать стол, вовремя наполнять стаканы и при этом следить за очередностью тостов. Бывали случаи, когда гость, решивший проверить внимательность девушки, ухаживающей за столом, спрашивал, какой же тост был произнесен.

За стол имели право садиться только старшие. Юноши и де-вушки, отойдя в сторону, наблюдали за ходом застолья и в лю-бую минуту готовы были предупредить желания гостя. «...Моло-дые девушки в Абхазии, — писал Аджинджал И. А., — свободно обслуживали гостей в семействе и держались с ними непринужден-но»⁶⁶. «Старики приходили, чтобы развлечься приятной беседой, молодежь — чтобы послушать умные речи. Часто для развлече-ния гостей затевались танцы, исполнялись песни, то есть делалось все, чтобы не дать скучать гостю»⁶⁷. В таких случаях в дом пригла-шали также молодежь: юношей, умеющих петь, танцевать, девиц соседок, игравших на музыкальных инструментах⁶⁸.

Большой воспитательный характер имел и застольный этикет абхазов, в полной мере отражавший церемониальный характер обычая гостеприимства. При соблюдении этикета выявлялось, на-сколько человек воспитан, умен, обходителен и вежлив. Немало-важную роль в воспитании молодежи имели и многочисленные абхазские застольные тосты, многие из которых выражали народ-ную мудрость. За столом всегда старались говорить только о хорошем и поучительном. Юноши и девушки, внимательно слу-шая тосты, учились мастерству говорить красиво и содержатель-но. Здесь наглядно проявлялось отношение молодых к старшим и наоборот.

Таким образом, обычай гостеприимства играл большую вос-питательную роль в нравственном становлении личности, которое во многом проявлялось в отношении детей не только к родным и близким, но и ко всем людям, независимо от пола и положения.

Вопросы умственного воспитания и обучения детей занимают

⁶⁶ Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии, л. 46.

⁶⁷ Анчабадзе Ю. Д. Общественный быт абхазов во второй половине XIX-начале XX в. М., 1981, л. 107.

⁶⁸ Аджинджал И. А. Гостеприимство у абхазов, д. 45, л. 22.

важное место в абхазской народной педагогике. Народ высоко ценил образование и знание: «Мир солнцем светится, человек — знанием» (Адуanei мрала илашоит, ауаџы-Царала); «Знание — гость, ум — хозяин» (Ацара сасуп, ахшыџ аџшымоуп); «Умный человек пусть будет и родственником, и врагом» (Акыр здыруа дагьууандаз, дагьуаџандаз») и т. д. Несмотря на крайнюю трудность получения образования в рассматриваемый период, народ стремился по возможности обучать детей грамоте и какому-нибудь ремеслу. Тем не менее, до революции подавляющее большинство абхазских детей было неграмотно. Первые церковно-приходские школы открылись в 50-х годах XIX века, но в 1897 году по всей Абхазии насчитывалось всего 272 учащихся⁶⁹. В гимназии и прогимназии, открытых в Сухуме, имели доступ только дети дворян и, как исключение, богатых крестьян.

Большую роль в умственном воспитании детей у абхазов играло устное народное творчество, которое включало в себя разнообразные жанры: сказки, легенды, эпос, пословицы, поговорки, загадки. Поэтому и неслучайно, что в абхазских сказках, эпосе, пословицах и поговорках ведущее место занимают вопросы умственного совершенства, развития интеллекта, дается высокая оценка человеческому уму. В содержание умственного воспитания, таким образом, входило и само устное народное творчество. С произведениями устного народного творчества ребенок знакомился с раннего детства. Взрослые члены семьи, в частности, дедушка и бабушка, рассказывали детям сказки, рассказы, обучали их отгадывать загадки. Нередко старшие дети в семье загадывали младшим братьям и сестрам загадки, учили различным считалкам, скороговоркам; все это развивало ум, смекалку и сообразительность детей. Большой любовью у абхазских детей пользовались сказки на самые разнообразные сюжетно-бытовые темы, волшебные, охотничьи, сказки о животных, в которых добро всегда побеждало зло; воспевалась дружба и товарищество, честность и правдивость; осуждались жадность, коварство и несправедливость.

Немаловажную роль в умственном воспитании играли пословицы и поговорки. Родители старались насытить свою речь пословицами и поговорками, так как они отражали моральный кодекс, нравственные стремления народа, предостерегали детей от плохих поступков, требовали от них правил соблюдения этики. Пословицы и поговорки выражали мудрость народа, его жизненный

⁶⁹ Смирнова Я. С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху, л. 438.

опыт, любовь к родине, дружбу и товарищество, мужество и доброту, уважение к старшим, одним словом все то, что входило в абхазское понятие «аламыс». Так же, как и в сказках, в них без малейшей пощады осуждались жадность, лень, зависть, скупость, обман, невежество и многие другие человеческие пороки.

Важным условием формирования интеллектуальных способностей детей считали начало обучения с ранних лет. Поэтому часто с детьми вели беседы о различных явлениях природы, о предметах окружающей жизни и т. д.

В абхазской народной педагогике особое внимание придавалось эстетическому воспитанию детей. Как известно, эстетические чувства возникают и развиваются при восприятии и создании человеком прекрасного. Рассматривая красивый предмет, наблюдая восход солнца и т. д., мы испытываем эстетическое чувство прекрасного. Поэтому, важно подчеркнуть, что в эстетическом воспитании детей у абхазов большую роль играла сама природа края, под воздействием которой и формировались чувства, понятия и вкус. В абхазской крестьянской семье взрослые имели большое влияние на эстетическое развитие ребенка. Ребенка с рождения окружала атмосфера прекрасного; убранство комнаты, вышивки, украшающие стены комнаты, чистый и ухоженный двор.

Таким образом, народная система воспитания детей у абхазов была в целом разумной и целесообразной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ привлекаемых в исследовании материалов показывает, что у абхазов во второй половине XIX-начале XX вв. существовал сложный и своеобразный комплекс обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей. Это вполне закономерное явление для традиционного общества, где ключевым моментам человеческого бытия всегда сопутствуют сложные и разветвленные обрядовые комплексы. В частности, детский цикл абхазов представлял собой отработанную вековой традицией систему, которая ритуализировала и сакрализировала важнейшие

этапы жизни индивида — его рождение и первые ступени социализации.

Характерной чертой данного обрядового комплекса у абхазов является значительная архаика, пронизывавшая соответствующие обрядово-ритуальные действия. Ожидание беременности, дородовой период, роды, первые годы жизни ребенка — все это сопровождалось многочисленными иррациональными приемами, которые были призваны обеспечить материнство и благополучие новорожденного. Идеологическим обоснованием этой стороны абхазского быта являлись функционировавшие в местной этнической среде религиозные и социальные воззрения, которые делали данные действия единственно возможными, «разумными» и адекватными ситуации.

Однако, отмеченную архаичность обрядов детского цикла у абхазов в конце XIX-начале XX вв. мы склонны считать анахронизмом, особенно, если рассматривать данный обрядовый комплекс в контексте социально-экономического уклада Абхазии того периода, который никак нельзя уложить в рамки исключительно патриархально-феодалных отношений.

Мы объясняем это противоречие, исходя из неоднократно продемонстрированного и объясненного на этнографических материалах факта особой консервативности и ригидности семейно-бытовой сферы, которая долго может оставаться глухой к происходящим переменам в окружающей ее социальной действительности. Родильные обряды, будучи составной частью семейно-бытовой сферы, не являются в этом смысле исключением. Инерция традиции, которая особенно сильна была в узком мирке, окружавшем человека в его повседневном существовании, препятствовала проникновению сюда каких бы то ни было нововведений, нарушавших привычный ритм традиционных обрядов, тем более, что они освящали столь важное событие в семейной жизни. Данные обстоятельства способствовали поддержанию как соответствующих социальных установок, так и сопутствующим им обрядовых действий, традиционно сохранявших фрагменты глубоко архаических ритуалов.

Отмечая религиозную подоснову рассматриваемой нами обрядности, нельзя не указать, что многие действия в ней основывались на рациональных представлениях. Очень часто, например, абхазы использовали богатый опыт народной медицины, что выражалось в применении фитотерапевтических средств, установлении оптимального режима питания, труда и отдыха для беременной и т. д.

Рассмотренный материал показал, что обычаи и обряды детского цикла нельзя рассматривать только как автономный са-

модовлеющий комплекс, функционирующий лишь в рамках детерминирующей его специфической ситуации. Обычаи и обряды детского цикла имели широкие связи с рядом других стран семейного быта. Так, начало детского цикла означало существенное изменение в этикетных взаимоотношениях членов семьи, что было связано с новой ролью невестки как матери. Многочисленные обряды детского цикла вообще способствовали повышению ее статуса в семье, так как часто главным действующим лицом всех обрядов и ритуалов была именно молодая мать и ее ребенок. Начало детского цикла ставило данную семью и весь ее бытовой уклад в совершенно особый настрой праздничности, либо, наоборот, тягостного ожидания, в зависимости от того, насколько благополучно протекала беременность, роды и первые годы жизни ребенка.

Обычаи и обряды детского цикла были не только элементами семейной обрядности. В ряде случаев они принимали широкое общественное значение и в этом случае рассматриваются нами как составная часть общинной жизни. Участие общинников в обрядовых действиях детского цикла, в увеселениях, устраивавшихся данной семьей по случаю рождения ребенка, было, по нашему мнению, одним из каналов межобщинной интеграции, проявлением сплоченности и спаянности общины как социальной единицы.

Народная система воспитания была в общем разумной и целесообразной. В формах методах и системе воспитания подрастающего поколения выражались этнические чувства и психология народа, его бытовые устои. В традициях воспитания закреплялись нормы и принципы взаимоотношения людей, обуславливалось их общественное поведение. Народная система воспитания была направлена на формирование у подрастающего поколения необходимых в жизни качеств и способностей, она сочетала в себе традиции трудового, физического, умственного, нравственного и эстетического воспитания.

I. Архивные источники и материалы

1. **Аджинджал И. А.** Обычаи в дореволюционной Абхазии. Архив. АИЯЛИ, ф. 1, оп. 2, д. 7.
2. **Аджинджал И. А.** Гостеприимство у абхазов. Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 2, д. 45.
3. **Аджинджал И. А.** Абхазская народная игра в мяч (аимцакьяча). Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 2, д. 28.
4. **Аджинджал И. А.** Почитание старших у абхазов. Рукописный фонд Абхазского государственного музея, д. 5.
5. Абхазское общество охраны детства и содействия коммунистическому воспитанию детей «Друг детства» (ОДД). ЦГАА, ф. 69, д. 95.
6. Детская комиссия (Деткомиссия, ДТК) при ЦИК Абхазской АССР. ЦГАА, ф. 57, д. 103.
7. **Дудко А. П.** Вырезки из газет по вопросам воспитания, ЦГАА, ф. 838, д. 19.
8. Комиссия по улучшению условий труда и быта трудящихся женщин (комтружениц). ЦГАА, ф. 54, 30.
9. Материалы о религиозных верованиях абхазов, записанные студентами в 1977 году, собранные Г. В. Смыр. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 177.
10. Материалы комплексной экспедиции 1969 года в Гагрский, Гудаутский и Сухумский районы, собранные Г. В. Смыр. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 159.
11. Народные поверья и анекдоты, песни. Архив АИЯЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 62.
12. Протоколы и материалы межведомственной комиссии по улучшению быта и охране здоровья детей. ЦГАА, ф. 8, д. 41.
13. Положение о комиссии по улучшению жизни и охране здоровья детей. ЦГАА, ф. 8, д. 63.
14. Фольклорно-этнографические материалы, собранные Г. В. Смыр 1972 года. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 175.
15. Экспедиции в Абхазию — 1982, 1983, 1984 года. Полевые карточки С. А. Дбар. Архив Института этнографии АН СССР.

II. Специальная литература

1. **Альбов Н. М.** Этнографические наблюдения в Абхазии. ЖС, СПб, 1983, вып. 3, с. 297-329.
2. Абхазская народная поэзия. Составители Д. И. Гулиа, Х. С. Бгажба. Сухуми, 1927. — 160 с. (на абх. яз.).
3. Абхазское народное поэтическое творчество. Сост. Ш. Х. Салакая. Сухуми: Алашара, 1975. — 375. (на абх. яз.).
4. Абхазские пословицы. Сост. Х. С. Бгажба. Сухуми: Алашара, 1983. — 85 с. (на абх. яз.).
5. **Абрамзон С. И.** Рождение и детство киргизского ребенка.— СМАЭ, Л., 1949, вып. XII, с. 78-138.
6. **Аверкиев И.** С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, №№ 70, 72, 74, 77.
7. **Аджинджал И. А.** Из этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1965. — 536 с.
8. **Акаба Л. Х.** Абхазы Очамчирского района. — КЭС, М., 1955, вып. 1, с. 48-112.
9. **Акаба Л. Х.** Из мифологии абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. — 103 с.
10. **Акаба Л. Х.** У истоков религии абхазов. Сухуми: Алашара, 1979. — 122 с.
11. **Аргун Ю. Г.** Быт и культура современных абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. — 96 с. (на абх. яз.).
12. **Аргун Ю. Г.** Абхазские этнографические этюды. Сухуми: Алашара, 1977. — 130 с. (на абх. яз.).
13. **Амичба Г. А.** Статьи по истории и этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1977. — 96 с.
14. **Анчабадзе Ю. Д.** Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX-начале XX века. — СЭ, 1981, № 4, с. 108-118.
15. **Аншба А. А.** Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси: Мецниереба, 1982. — 280 с.
16. **Ахриев Ч.** Похороны и поминки у горцев. ССКГ, Тифлис, 1870, вып. 3, с. 30-32.
17. **Басаева К. Д.** Семья и брак у бурят (вторая половина XIX-начало XX в.). Новосибирск, 1980. — 224 с.
18. **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923. — 166 с.
19. **Бесаева Т. З.** Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX-начало XX вв.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. — М., 1976. — 20 с.
20. **Бенет С.** Предпосылки долгожительства (по материалам Абхазии). — В кн.: Феномен долгожительства. М.: Наука, 1982,

- с. 206-212.
21. **Бигвава В. Л.** Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983. — 109 с.
  22. **Бжания Ц. Н.** Семья и семейный быт в абахзской колхозной деревне.—В кн.: Современное абхазское село. Тбилиси, 1977.
  23. **Бжания Ц. Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов. Суми: Алашара, 1973. — 323 с.
  24. **Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. — 280 с.
  25. **Бромлей Ю. В.** К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — СЭ, 1977, № 1, с. 3-18.
  26. **Бромлей Ю. В.** Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981. — 389 с.
  27. **Вахания О. В.** Абхазские народные игры. Сухуми: Абгиз, 1959. — 118 с.
  28. **Вахания О. В.** Физическая культура и спорт в Абхазии (Исторический очерк). Сухуми: Абгиз, 1958, — 206 с.
  29. **Виноградов Г. С.** К изучению детских игр у бурят. Иркутск: Гос. изд., 1922. — 11 с.
  30. **Введенский А. И.** Религиозные верования абхазцев. — ССКГ, Тифлис, 1871, вып. V, с. 1-31.
  31. **Введенский А. И.** Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — ССКГ, Тифлис, 1872, вып. VI, с. 1-24.
  32. **Векуа А.** Из жизни и обычаев абхазцев. — Закавказье, 1855, № 62.
  33. **В. Ч.** Абхазская женщина. — Кавказ, 1885, № 62.
  34. **Гаврилюк Н. К.** Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев: Наукова думка, 1981. — 279 с.
  35. **Гарцкия В.** Из абхазских народных преданий и поверий. — СМОМПК, Тифлис, 1892, вып. XIII, с. 34-42.
  36. **Гаджиева С. Ш.** Очерки по истории брака и семьи у ногайцев: XIX-начало XX века. М.: Наука, 1979. — 173 с.
  37. **Гаджиева С. Ш.** Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.: Изд. АН СССР, 1961. — 387 с.
  38. **Ган К. Ф.** Поездка в Мигрелию, Самурзакань и Абхазию (летом 1900 г.). — Кавказский вестник. Тифлис, 1902, № 4, с. 20-24.
  39. **Гарданов В. К.** Аталычество. — Доклады IX МКАЭН. М.: Наука, 1973. — 21 с.
  40. **Гулиа Д. И.** История Абхазии. Тифлис, 1925. — 340 с.
  41. **Гогоберидзе Н. С.** Народные игры в горных областях Грузии. — КЭС, т. VI, М.: Наука, 1976, с. 99-106.
  42. **Гостиева Л. К.** Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье (в конце XIX-начале XX веков). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1981. — 21 с.
  43. **Державин Н. С.** Абхазия в этнографическом отношении. — СМОМПК, Тифлис, 1907, вып. 37, с. 1-38.
  44. **Джанашвили М.** Абхазия и абхазцы. — ЗКОРГО, Тифлис, 1895, т. 16.
  45. **Джанашия Н. С.** Религиозные верования абхазцев. — ХВ, Пг., 1915, т. IV, вып. 1, с. 72-112.
  46. **Джанашия Н. С.** Абхазский культ и быт. — ХВ, Пг., 1916, т. V, вып. 3, с. 84-97.
  47. **Джанашия Н. С.** Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми. 1960. — 129 с.
  48. **Дзидзария Г. А. Ф. Ф.** Торнау и его кавказские материалы XIX века. М.: Наука, 1976. — 130 с.
  49. **Дубровин Н. Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 1, ч. 2. — 423 с.
  50. **Завадский Ф.** Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 59-61, 63, 64.
  51. **Зарубин И. И.** Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. Ташкент, 1927.
  52. **Званба С. Т.** Очерк абхазской мифологии. — Кавказ, 1867, № 76.
  53. **Званба С. Т.** Этнографические этюды. Сухуми: Абгиз, 1956, — 81 с.
  54. **Иоакимов А.** Абхазцы. — Кавказ, № 39, 47.
  55. **Инал-ипа Ш. Д.** Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми: Абгиз, 1954. — 205 с.
  56. **Инал-ипа Ш. Д.** Воспитание ребенка по обычаю аталычества у абхазов. — Труды АИЯЛИ. Сухуми, 1955, вып. XXVI, с. 155-203.
  57. **Инал-ипа Ш. Д.** Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке.—Труды АИЯЛИ, Сухуми, 1956, т. XXVII, с. 71-125.
  58. **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. (Историко-этнографический очерк). 2-ое перераб. доп. изд. Сухуми: Алашара, 1965. — 694 с.
  59. **Инал-ипа Ш. Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. (Материалы и исследования). Сухуми: Алашара, 1971.—321 с.
  60. **Инал-ипа Ш. Д.** Памятники абхазского фольклора. Сухуми: Алашара, 1977. — 92 с.
  61. **Инал-ипа Ш. Д.** Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976. — 463 с.
  62. **Инал-ипа Ш. Д.** Традиции и современность. (По материалам этнографии абхазов). 2-ое изд. испр. доп. перераб., Сухуми: Алашара, 1978. — 110 с.

63. **Каланадзе Н. М.** Народные обычаи воспитания по этнографическим материалам Верхней Имерети. — В кн.: Вопросы истории Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1982, с. 173-180 (на груз. яз.).
64. **Кисляков Н. А.** Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. — 240 с.
65. **Косвен М. О.** Семейная община. К истории вопроса. — СЭ, 1949, № 3, с. 349-362.
66. **Косвен М. О.** Очерки по этнографии Кавказа. — СЭ, 1946, № 2, с. 109-144.
67. Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала: Работы Маргарет Мид. — СЭ, 1946, № 2, с. 277-282.
68. **Косвен М. О.** Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М.: Изд. вост. лит., 1961. — 260 с.
69. **Косвен М. О.** Кто такой крестный отец? — СЭ, 1963, № 3, с. 95-107.
70. **Косвен М. О.** Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — КЭС, М.-Л., 1962, вып. 3, с. 158-288.
71. **Кон И. С.** Проблемы детства в современной американской этнопсихологии: Об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинга. — СЭ, 1977, № 5, с. 148-159.
72. **Кон И. С.** Социология личности. — М.: Политиздат, 1967—383 с.
73. **Крупская Н. К.** О воспитании в семье. Избр. статьи и речи М.: Изд. Академии пед. наук РСФСР, 1962. — 208 с.
74. **Ковалевский М. М.** Современный обычай и древний закон. М., 1886, т. I. — 340 с.; т. II. — 410 с.
75. **Ковалевский М. М.** Законы и обычаи Кавказа. М., 1890, с. I. — 293 с.; т. II. — 307 с.
76. **Ковалевский П. И.** Кавказ. СПб., 1914, т. I. — 143 с.
77. **Ковач К. В.** 101 абхазская песня (этнографическая запись с историческими справками). Сухуми, 1929. — 79 с.
78. **Ковач К. В.** Песни кодорских абхазцев. Сухуми, 1930. — 72 с.
79. **Копешавидзе Г. Г.** Хозяйственно-бытовой уклад абхазов, проживающих в Аджарии (вторая половина XIX-начало XX вв.). Сухуми: Алашара, 1978. — 50 с.
80. **Копешавидзе Г. Г.** Традиционное питание абхазов. — В кн.: Феномен долгожительства. М.: Наука, 1982, с. 93-99.
81. **Лалаянц Е. А.** Ванский вилает (Васпуракан). СМОМПК, Тифлис, 1915, вып. 44, с. 1-30.
82. **Лавров Л. И.** Абазины. Историко-этнографический очерк — КЭС, М., 1955, вып. I, с. 5-47.

83. **Лобачева Н. П.** Формирование новой обрядности узбеков. М.: Наука, 1975. — 139 с.
84. **Макаренко А. С.** Лекции о воспитании детей. — Соч., М., 1951, с. 4, с. 341-417.
85. **Малия Е. М., Акаба Л. Х.** Одежда и жилища абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
86. **Мачавариани К. Д.** Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. — СМОМПК, Тифлис, 1884, вып. IV, с. 40-76.
87. **Мачавариани К. Д.** Религиозное состояние Абхазии. — Кутаисские губернские ведомости, 1889, № 11-14, 16, 20-22, 24, 26-29.
88. **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913. — 352 с.
89. **Миллер А. А.** Из поездки по Абхазии в 1907 году. — МЭР, СПб., 1910, I, с. 61-80.
90. **Мафедзев С. Х.** Адыгские игры. Нальчик: Эльбрус, 1974, вып. I, с. 189-207.
91. **Мафедзев С. Х.** Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979. — 202 с.
92. **Немирович-Данченко В. В.** Море. Абхазское поморье. М., 1897. — 288 с.
93. **Патейпа Н. С.** Избранное. Сухуми: Алашара, 1978. — 106 с.
94. **Пантюхов И. И.** О народном врачевании в кавказском крае. МСКМО, № 62, 1899, с. 41-178.
95. **Першиц А. И.** Проблемы истории первобытного общества в советской этнографии. М., 1956. — 31 с.
96. **Пушкарев С.** Абхазия и абхазцы. — Кавказ, 1954, № 60-61.
97. **Покровский Е. А.** Детские игры, преимущественно русские. М., 1887. — 368 с.
98. **Покровский Е. А.** Значение детских игр в отношении воспитания и здоровья. — М., 1884. — 24 с.
99. **Покровский Е. А.** Русские детские подвижные игры. — М., 1892. — 128 с.
100. **Покровский Е. А.** Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884. — 380 с.
101. **Рохлин М. К.** Влияние грузинской колыбели на физическое развитие грудных детей. Тифлис, 1929. — 25 с.
102. **Рыбинский Г. А.** Абхазия в этнографическом и сельскохозяйственном отношении. Тифлис, 1894. — 123 с.
103. **Савинов В.** Достоверные рассказы об Абхазии. (Воспоминания офицера, бывшего в плену у абхазов). — Пантеон, СПб., 1850, т. I, кн. 2, с. 1-19.

104. **Савинов В.** Кубегаля. Рассказ из абхазских нравов. — Пантеон, СПб., 1853, т. 12, с. 1-15.
105. **Салакая Ш. Х.** Абхазский народный героический эпос. Тбилиси: Мецниереба, 1966. — 184 с.
106. **Салакая Ш. Х.** Обрядовый фольклор у абхазов. — В сб.: Фольклор и этнография. Л., 1974.
107. **Салакая Ш. Х.** Абхазский нартский эпос. Тбилиси: Мецниереба, 1976. — 253 с.
108. **Селезнев М.** Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847-1850, кн. 1-3 кн. 1-196 с.; кн. 2 — 304 с.; кн. 3 — 137 с.
109. **Серебряков Л. М.** Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет. — МС, 1895, № 6, с. 90-110.
110. Сборник абхазских пословиц, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сост. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1939, с. 3-47.
111. Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978. — 215 с.
112. **Смыр Г. В.** Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. Тбилиси: Мецниереба, 1972. — 225 с.
113. **Снесарев Г. П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. — 336 с.
114. **Смирнова Я. С.** Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX-XX вв.). — КЭС, М., 1955, вып. 1, с. 113-181.
115. **Смирнова Я. С.** Аталычество и усыновление у абхазов в XIX-XX вв. — СЭ, 1951, № 2, с. 105-114.
116. **Смирнова Я. С.** Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. — СЭ, 1961, № 2, с. 41-52.
117. **Смирнова Я. С.** Воспитание ребенка у абхазов. — КСИЭ. М., 1962, т. 36, с. 36-43.
118. **Смирнова Я. С.** Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем. — УЗАНИИЛЯИ. Майкоп, 1968, т. 8, с. 109-178.
119. **Смирнова С. Я.** Семья и семейный быт. — В кн.: Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1976 гг.). М., 1968, с. 185-275.
120. **Смирнова Я. С.** Традиции и инновации в развитии семейной обрядности (по материалам Северного Кавказа). М.: Наука, 1973. — 14 с.
121. **Смирнова Я. С.** Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. — КЭС. М., 1976, вып. VI, с. 47-98.

122. **Смирнова Я. С.** Культурное взаимодействие и семья: По материалам Северного Кавказа. — СЭ, 1977, № 5, с. 81-92.
123. **Смирнова Я. С.** Некоторые количественные показатели отхода от обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев. — СЭ, 1977, № 2, с. 77-83.
124. **Смирнова Я. С.** Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа. — В кн.: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1979, с. 118-163.
125. **Смирнова Я. С.** Новое и традиционное в быту осетинской сельской семьи. — КЭС, М., 1980, вып. 7, с. 132-161.
126. **Смирнова Я. С.** Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства). — СЭ, 1982, № 6, с. 40-51.
127. **Смирнова Я. С.** Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983. — 263 с.
128. **Сухарева О. А.** Мать и ребенок у таджиков. М., 1929.
129. **Сухомлинский В. А.** О воспитании. 3-е изд. М., Политиздат, 1979. — 270 с.
130. **Смоленский С.** Воспоминания Кавказца. — Военный сборник. 1872, № 9, с. 325-360.
131. **Соловьева Л. Т.** Обычаи и обряды грузин, связанные с рождением и воспитанием детей (вторая половина XIX-начало XX вв.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1982. — 22 с.
132. **Соловьева Л. Т.** Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIX-начале XX вв. — СЭ, 1982, № 4, с. 105-112.
133. **Соловьева Л. Т.** Динамика обрядности детского цикла у грузин Картли и Кахети (вторая половина XIX-начало XX вв.). — В кн.: Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. М., 1982, с. 59-74.
134. **Соловьева Л. Т.** Родильная обрядность у грузин. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии 1979 г. М., 1983, с. 123-128.
135. **Тер-Саркисянц А. Е.** Современная семья у армян. М., 1972. — 207 с.
136. **Тер-Саркисянц А. Е.** Основные тенденции развития современной семьи у армян. — КЭС, 1980, т. 7, с. 162-192.
137. **Троицкая А. Л.** Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана (по материалам Среднеазиатской экспедиции Академии наук СССР в 1926-1927 гг.) — СЭ, 1935, № 6, с. 109-135.
138. **Токарев С. А.** Проблема происхождения ранних форм религии. М., 1956, 6, с. 125-138.

139. Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. — ТИЭ, М., 1959, т. 51. — 69 с.
140. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964. — 339 с.
141. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1964. — 559 с.
142. Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. — РВ. М., 1864.
143. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. М., 1968. — 553 с.
144. Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX веке. М.: Наука, 1980. — 164 с.
145. Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ. — ЗКОРГО, кн. XXV, вып. 8, Тифлис, 1906, с. 1-77.
146. Федянович Т. П. Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка. — СЭ, 1979, № 2, с. 79-89.
147. Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1928, вып. I. — 193 с.
148. Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. — 275 с.
149. Харчев А. Г. Трудный путь к зрелости: Проблемы нравственного воспитания в эпоху научно-технической революции. М.: Знание, 1973. — 64 с.
150. Хашба М. М. Трудовые и обрядовые песни абхазов. Сухуми: Алашара, 1977. — 132 с.
151. Хашба Р. А. Абхазский детский фольклор. Сухуми: Алашара, 1980. — 96 с.
152. Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии (XIX-начала XX вв.). Тбилиси: Мецниереба, 1977. — 138 с.
153. Чернышев К. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 82, 83.
154. Чукбар А. И. Рассказы и статьи. Сухуми: Алашара, 1975. — 106 с.
155. Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. — 189 с.
156. Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских горцев. Махачкала, 1929.
157. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 1-180.
158. Чурсин Г. Ф. Программа для собирания этнографических сведений. Баку, 1929. — 59 с.
159. Чвырь Л. А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений. — В кн.: Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983, с. 124-138.

160. Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Этнография, 1926, № 1-2, с. 61-82.
161. Шиллинг Е. М. Черкесы. — В кн.: Религиозные верования народов СССР. М., 1931, т. 2.
162. Штеренберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. — 6 с.
163. Шинкуба Б. В. Рассеченный камень. Роман. Сухуми: Алашара, 1983. — 263 с. (на абх. яз.).
164. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. — 231 с.
165. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука, 1983. — 191 с.

III. Диссертации

1. Анчабадзе Ю. Д. Общественный быт абхазов во второй половине XIX-начале XX веков. Дисс. канд. ист. наук. М., 1981 — 178 л.
2. Бесаева Т. З. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX-начало XX вв.). Дис. канд. ист. наук. М., 1976. — 165 л.
3. Гостиева Л. К. Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье (в конце XIX-начале XX вв.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1981. — 190 л.
4. Смирнова Я. С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху. Дисс. канд. ист. наук. М., 1949. — 643 л.
5. Соловьева Л. Т. Обычаи и обряды грузин, связанные с рождением и воспитанием детей (вторая половина XIX-начало XX вв.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1982. — 216 с.
6. Копешавидзе Г. Г. Абхазы Аджарской АССР. Дисс. канд. ист. наук. Л., 1978. — 198 л.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

Гудаутский район

Ф. И. О.	Год рожд.	Село
1. Абиджба Аника Тапаровна	1884	Лыхны
2. Авидзба Джота Шаханович	1909	Блабурхва
3. Авидзба Датико Дахаирович	1905	Абгархук
4. Айба Татьяна Егнатъевна	1916	Джирхва
5. Айба Женя Джемкеревна	1915	Отхара
6. Айба Шака Константиновна	1910	Отхара
7. Ампар Дуня Хабраковна	1902	Отхара
8. Ампар Химор Соломоновна	1911	Калдахвара
9. Ампар Ростания Батович	1918	Калдахвара
10. Ампар Мери Николаевна	1916	Калдахвара
11. Ампар Соня Шатоговна	1913	Калдахвара
12. Ампар Вера Камидатовна	1890	Калдахвара
13. Ампар Лена Николаевна	1895	Калдахвара
14. Ампар Шамел Пшканович	1910	Калдахвара
15. Ампар Ардучка Хусейновна	1915	Калдахвара
16. Ампар Семеон Бесович	1918	Калдахвара
17. Бения Шамша Рамхутовна	1911	Калдахвара
18. Барциц Шрын Басиатович	1910	Калдахвара
19. Барзания Маруша Сабидовна	1910	Калдахвара
20. Гобечия Ирина Котатовна	1889	Калдахвара
21. Герзмава Вера Едрысовна	1884	Лыхны
22. Генаба Ирина Гваджовна	1904	Дурипш
23. Дбар Тамара Ханашовна	1904	Калдахвара
24. Дбар Надя Алхасовна	1884	Калдахвара
25. Дбар Валя Бадровна	1918	Калдахвара
26. Дбар Лудиа Блатович	1897	Блабурхва
27. Джения Катя Чахматовна	1884	Лыхны
28. Джения Аня Сейдыковна	1883	Лыхны
29. Джения Таня Ханатевна	1892	Лыхны
30. Джарсалия Атя Сейлуковна	1883	Лыхны
31. Джикирба Тамара Ивановна	1900	Лыхны
32. Дзидзария Рагуа Гидович	1890	Мгудзырхва
33. Зардания Гугуица Хыговна	1914	Лыхны
34. Кардия Тарчка Алхасовна	1898	Калдахвара
		Отхара

35. Куарчелия Бабуца Казаховна	1923	Абгархук
36. Курмазия Зинаида Алексеевна	1890	Лыхны
37. Кове Ница Хусиновна	1928	Абгархук
38. Колбая Халит Муратович	1901	Абгархук
39. Лакоя Катя Хабаховна	1884	Лыхны
40. Лейба Нуня Османовна	1894	Мгудзырхва
41. Мушба Терезия Жаговна	1909	Абгархук
42. Мушба Анчка Николаевна	1916	Абгархук
43. Пкин Яка Алхасовна	1901	Блабурхва
44. Пкин Тамара Абиджовна	1900	Мгудзырхва
45. Сакания Крисна Дамеевна	1904	Дурипш
46. Сагария Цица Габзовна	1885	Лыхны
47. Саманджия Иван Гиджович	1890	Лыхны
48. Сымсым Маруша Гиджовна	1904	Калдахвара
49. Сымсым Нелли Датовна	1924	Калдахвара
50. Смыр Мустафа Даутович	1901	Абгархук
51. Смыр Соня Темуровна	1910	Абгархук
52. Таркил Тинат Ахметовна	1902	Дурипш
53. Таркил Минуца Абзоговна	1904	Дурипш
54. Тарба Шашкуа Мхазовна	1875	Дурипш
55. Тарба Нуня Ширифовна	1904	Дурипш
56. Тания Хамсед Мусовна	1894	Дурипш
57. Тванба Люба Николаевна	1929	Дурипш
58. Тванба Натария Маметовна	1929	Дурипш
59. Тванба Дзабуля Муратовна	1925	Дурипш
60. Хагуш Нуня Чаговна	1886	Калдахвара
61. Хагуш Вера Басиатовна	1910	Калдахвара
62. Хагуш Фардоса Хинтруговна	1918	Калдахвара
63. Хагуш Хиджгуа Кяговна	1880	Лыхны
64. Хамит Цица Зафасовна	1884	Калдахвара
65. Харазия Таня Гидовна	1915	Абгархук
66. Харзалия Анша Тапаговна	1906	Абгархук
67. Харазия Цацу Хушитовна	1907	Отхара
68. Халваш Миса Мустафовна	1886	Дурипш
69. Хеция Миноца Кутиевна	1901	Калдахвара
70. Хишба Самсон Мачагович	1910	Калдахвара
71. Хишба Гуг Хутхуатовна	1911	Калдахвара
72. Царгуш Маруша Ширифовна	1909	Калдахвара
73. Чагава Миноца Хватовна	1895	Калдахвара
74. Чагава Мания Никовна	1909	Калдахвара
75. Чагава Чинчор Хватович	1903	Калдахвара
76. Чагава Владимир Хватович	1910	Калдахвара
77. Чамагуа Венера Шадатовна	1911	Абгархук
78. Чамагуа Дмитрий Ширифович	1909	Абгархук

79. Чичба Наташа Жаговна 1883
 80. Чубар Зера Жаговна 1888
 81. Шулумба Ксения Мамсировна 1909

Очамчирский район

82. Адлейба Сирдион Пшканович 1903
 83. Адлейба Вардушка Нариковна 1909
 84. Адлейба Панджа Пшканович 1903
 85. Амичба Магнолия Куцовна 1918
 86. Амичба Бабуца Григорьевна 1915
 87. Амичба Виктор Яхеевич 1908
 88. Ануа Сончка Абажовна 1899
 89. Ануа Миджгва Баджгович 1888
 90. Асабуа Бабилина Рашитовна 1902
 91. Ашуба Маница Аджировна 1924
 92. Бадия Камачич Диговна 1896
 93. Барандзия Шура Кватовна 1933
 94. Барчан Еснат Михаидович 1889
 95. Воуба Нуся Викторовна 1932
 96. Гиндия Нази Ханашовна 1905
 97. Джинджолия Мтыр Хабаховна 1909
 98. Джинджолия Шука Керанту-1909
 ховна
 99. Джинджолия Висарион Рафе-1932
 тович
 100. Джинджолия Тамагу Кягович 1886
 101. Джинджолия Нуца Коциевна 1900
 102. Джинджолия Татей Темуровна 1894
 103. Джинджолия Маджит Рашито-1890
 вич
 104. Джинджолия Джастуман 1894
 Решитович
 105. Джопуа Деучка Мацовна 1895
 106. Джопуа Еснат Базалович 1892
 107. Джопоуа Сиварна Джадлеевич 1890
 108. Джопуа Тараш Манухович 1867
 109. Джопуа Зоя Маритховна 1902
 110. Зухба Владимир Максимович 1908
 111. Квициния Шашкуа Уарматовна 1914
 112. Лагвилава Ольга Закировна 1885
 113. Логуа Венера Абасовна 1921
 114. Сангулия Баджгуа Тамшигович 1883
 115. Тарба Зоя Нучичовна 1913

Лыхны
 Калдахвара
 Дурипш

Члоу
 Члоу
 Члоу
 Члоу
 Джгерда
 Джгерда
 Члоу
 Члоу
 Джгерда
 Джгерда
 Члоу
 Джгерда
 Джгерда
 Члоу
 Пакуаш
 Джгерда
 Джгерда
 Джгерда
 Пакуаш
 Пакуаш
 Пакуаш
 Пакуаш
 Члоу
 Члоу
 Члоу
 Члоу
 Члоу
 Пакуаш
 Джгерда
 Члоу
 Члоу
 Члоу
 Члоу

116. Тарба Маруша Едгиевна 1884
 117. Тания Зина Зиковна 1899
 118. Тания Как Бачовна 1908
 119. Тания Кумф Темурович 1913
 120. Тания Ольга Гуфировна 1917
 121. Фейзба Наталья Ядрысовна 1924
 122. Хашба Иван Васильевич 1904
 123. Хашба Аня Тархуновна 1907
 124. Цвижба Тандел Жаквович 1893

Члоу
 Пакуаш
 Пакуаш
 Пакуаш
 Пакуаш
 Джгерда
 Пакуаш
 Пакуаш
 Члоу

Гагрский район

125. Алшунба Сада Гвадаловна 1903
 126. Дбар Фука Сабатович 1908
 127. Конджария Минака Хватовна 1895
 128. Конджария Маруша Ваздамы-1894
 ровна
 129. Конджария Женя Хиговна 1915
 130. Конджария Каня Гиджовна 1910
 131. Конджария Мурат Копеевич 1907
 132. Тарба Вера Дамеевна 1905
 133. Хишба Шазина Чичиновна 1905
 134. Шарматава Какаша Дахвасовна 1884

Бзыбь
 Бзыбь
 Бзыбь
 Бзыбь
 Бзыбь
 Бзыбь
 Бзыбь
 Бзыбь
 Бзыбь
 Бзыбь

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР (Сухуми)	
АИЭ — Архив Института этнографии АН СССР (Москва)	
ВФ — вопросы философии	
ЖС — Живая старина	
ЗКОРГО — Записки Кавказского отдела Русского Географического общества (Тифлис)	
К — Газета «Кавказ» (Тифлис)	
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии (М.-Л.)	
КЭС — Кавказский этнографический сборник	
МСКМО — Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом (Тифлис)	
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук	
МС — Морской сборник	
МЭР — Материалы по этнографии России	
ПКА — Полевые карточки автора	
РВ — Русский вестник	
СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии (Ленинград)	
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)	
СГК — Сборник газеты «Кавказ» (Тифлис)	
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис)	
СЭ — Советская этнография (Москва)	
ТИЭ — Труды института этнографии	
УЗАНИИЛЯИ — Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института литературы, языка и истории (Майкоп)	
ХВ — Христианский Восток	
ЦГАА — Центральный Государственный архив Абхазской АССР (Сухуми)	
ЭО — Этнографическое обозрение	

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Обычаи и обряды абхазов, связанные с рождением ребенка	9
§ 1. Отношение к числу детей в абхазской семье, отражение этих представлений в некоторых ритуалах свадебной обрядности	9
§ 2. Бездетность и связанные с ней представления	13
§ 3. Обычаи и обряды периода беременности	18
§ 4. Обстановка родов и обряды, связанные с родами	28
§ 5. Система запретов для роженицы в послеродовой период	36
Глава II. Обряды и обычаи, связанные с воспитанием детей	42
§ 1. Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка	42
§ 2. Традиционные приемы ухода за малолетними детьми у абхазов	56
§ 3. Обычаи и обряды, связанные с охраной здоровья детей и лечением детских болезней	68
§ 4. Народные традиции воспитания детей у абхазов	82
Заключение	115
Библиография	118
I. Архивные источники и материалы	119
II. Специальная литература	127
III. Диссертации	128
Список информаторов	132
Список сокращений	132

С. А. Дбар

Обычаи и обряды детского цикла у абхазов
(вторая половина XIX-начало XX вв.)

Редактор Алексеева Т. Ю.

Технический редактор Евменов Л. И.

Формат 60x84¹/₁₆. Тираж 500. Физ. печ. л. 8,5
Усл. печ. л. 7,9. Заказ № 117. Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение РА,
г. Сухум, Эшба, 168.

